

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Великая Победа 1945 года является триумфом советского народа над немецко-фашистскими захватчиками и знаковой вехой в истории нашего Отечества.

События Великой Отечественной войны оставили глубокие шрамы в каждой семье. Судьбы десятков миллионов людей были разрушены и искалечены в ходе боёв на фронте, от немецких бомбардировок, в результате откровенного геноцида местного населения на оккупированных нацистами территориях.

Но Советский Союз выстоял! Наши предки совершили два подвига, которые останутся в веках, – разгромили нацистов и отстроили разрушенную врагом страну!

Этот пример вдохновляет нас и по сей день. Героизм и трудолюбие лежат в основе русского характера. Мы это можем видеть как на фронте, где наши бойцы теснят идейных последователей немецко-фашистских захватчиков, так и в тылу, на воссоединённых территориях, где сегодня можно видеть самую масштабную, по сути, всенародную стройку, которую эта земля не видела со времён Советского Союза!

2025 год был объявлен Президентом Российской Федерации Владимиром Владимировичем Путиным Годом защитника Отечества как символ неугасаемой преемственности поколений. Мы помним свои корни, знаем свою историю, гордимся героями Великой Отечественной войны и специальной военной операции, продолжающими славную традицию ратных подвигов наших предков.

Я искренне желаю всем читателям крепкого здоровья и благополучия. И конечно, желаю всем нам мира после долгожданной победы!

**Денис МИРОШНИЧЕНКО,
Председатель Народного Совета
Луганской Народной Республики**

Литературно-исторический журнал «Александръ» включён в список изданий, выходящих при содействии Союза писателей России.

Главный редактор – Анатолий Сергеевич ТРУБА,
секретарь Союза писателей России, доктор экономических наук, профессор.

Шеф-редактор – А. Н. СЁМИН (Екатеринбург), член Союза писателей России, академик РАН, заслуженный деятель науки РФ.

Редколлегия:

В. С. АРШАНСКИЙ (Мичуринск), почётный гражданин Тамбовской области, член СПР, заслуженный работник культуры РФ;

Н. Ф. ИВАНОВ (Москва), ответственный секретарь Союза писателей России;

Г. В. ИВАНОВ (Москва), секретарь Союза писателей России;

В. В. БЕРЕЗОВСКИЙ (Москва), директор Центра «Святые Лавры Руси Православной»;

И. И. ВОЛКОВ (Мичуринск), председатель правления Мичуринского отделения Российского союза ветеранов Афганистана;

Т. Н. ВОРОНИНА (Екатеринбург), народная артистка России, артистка Свердловской государственной филармонии, создатель и руководитель «Театра Слова», член Союза писателей России;

В. И. ГАЗЕТОВ (Москва), член Союза журналистов России, декан факультета рекламы и связей с общественностью Института экономики и культуры, кандидат исторических наук, профессор, почётный работник высшего профессионального образования РФ;

В. Т. ДОРОЖКИНА (Тамбов), член Союза писателей России, почётный гражданин города Тамбова, заслуженный работник культуры РФ;

В. А. КАЗМИН (Луганск), председатель Луганской писательской организации им. В. И. Даля Союза писателей России;

Л. В. КОЛПАКОВ (Москва), секретарь Союза журналистов России, первый заместитель главного редактора

«Литературной газеты», шеф-редактор отдела «Искусство»;

В. Г. КОРЗУН (Москва), лётчик-космонавт, Герой России, генерал-майор;

С. И. КОТЬКАЛО (Москва), сопредседатель Союза писателей России, главный редактор интернет-обозрения «Русское Воскресение», журнала «Новая книга России»;

И. М. КУЛИКОВ (Москва), доктор экономических наук, академик РАН, директор ВСТИСП;

Р. С. ЛЕОНОВ (Мичуринск), член Союза журналистов России, председатель информационно-издательского отдела Мичуринской епархии;

Ю. М. ПОЛЯКОВ (Москва), член Правления Союза писателей России, председатель редакционного совета «Литературной газеты», писатель, публицист, общественный деятель;

Г. Н. ПОПОВА (Мичуринск), член Гильдии театральных менеджеров России, директор Мичуринского драматического театра, заслуженный работник культуры РФ;

Никас САФРОНОВ (Москва), народный художник РФ, академик Российской академии художеств, профессор, член Союза писателей России;

С. А. ТРАХИМЁНОВ (Минск), доктор юридических наук, профессор, член Союза писателей России, член Союза писателей Беларуси;

А. Н. ЧУМИКОВ (Москва), генеральный директор агентства «Международный пресс-клуб», гл. н. с. ФНИСЦ РАН, доктор политических наук, профессор.

Редакция вступает в переписку только с авторами, материалы которых приняты к публикации. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции. Авторы присылаемых материалов обязаны сообщить редакции: домашний адрес с почтовым индексом; день, месяц, год своего рождения; паспортные данные (серия, номер, кем и когда выдан). Редакция убедительно просит авторов присылать электронную версию своих произведений с обязательной распечаткой текста. Рукописи без распечатки не принимаются. Параметры набора: 14-й кегль через 1,5 интервала, отчётливо читаемый.

ЖУРНАЛ «Александръ» № 8 (107), август 2025 г.

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-66728 от 8 августа 2016 г.

Учредитель и издатель, директор, главный редактор – А. С. Труба.

Дизайн, вёрстка – Елена Ермохина (Путятина).

Дата выхода – 01.08.2025 г.

Тираж 1000 экз.

Распространяется бесплатно. Безгонорарное издание.

Адрес редакции, адрес издателя: 119146, Москва, Комсомольский проспект, 13, Союз писателей России.

Телефон: 8-915-879-14-14 – директор, главный редактор.

На обложке: фото – Марк Некрасовский. 1 стр. – памятник «Они отстояли Родину» – монумент, посвящённый добровольцам – участникам Войны в Новороссии, сражавшимся на стороне Луганской Народной Республики.

Электронная почта: truby.anatoly@yandex.ru

Адрес сайта: www.alexlib.ru

Информация предназначена для лиц старше 12 лет.

Бумага мелованная. Гарнитура PF Agora Slab Pro.

Формат 60x90 1/8. Усл. печ. л. 12.

Изготовлено в полном соответствии с предоставленным макетом в типографии «СТРОКИ», г. Воронеж

Тел. 8 (980) 542-01-78, <https://stroki.ru/>

ISSN 2542-0135

В журнале использованы рисунки и фотографии, находящиеся в интернете в свободном доступе.

В НОМЕРЕ:

ДОНБАССКОЕ СЛОВО

6 Марк Некрасовский.
Я – живой!

9 Кто в шахте живёт?

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

12 Людмила Гонtareва.
Слово как отражение состояния
души человека

ХРОНОЛОГИЯ ВОЙНЫ

17 Александр Сигида.
Подвиг продолжается

18 С чего начинается Родина?

20 Из цикла «Вместо репортажа»

СТИХОТВОРНОЙ СТРОКОЙ

23 Константин Илюхин

25 Зинаида Кокорина

ПОБЕДЕ – 80

28 Григорий Вершило.
Записки очевидца

ПОЭТИЧЕСКИЙ БЛОКНОТ

34 Вероника Тутенко

37 Вита Пшеничная.
Улыбнуться человеку...

СМУТНОЕ ВРЕМЯ

40 Владимир Переходченко.
В погоне за Махно

РУССКИЙ МИР

48 Елена Заславская

51 Евгений Харитонов.
Патриотические стихи для детей

НАРОДНЫЕ ТАЛАНТЫ

52 Наталья Адлер.
«Алмазы слов» роняя...

55 С голубого ручейка...

56 Он жизни гимн поёт

58 Русский Иван на Олероне

60 Путешествие в сказку живописи
настоящего художника

КРИТИКА

64 Андрей Галамага.
Время страстей

ДЕБЮТ

66 Валерия Алесина

69 Екатерина Подосинникова

71 Александр Головкин

74 Екатерина Грушихина

77 Роман Башкардин

ЖИТЕЙСКОЕ

80 Татьяна Гушель.
Воспитание классикой

ДАЛЬНИЙ ВОСТОК

85 Виктор Усов.
Мудули

ВОЛОНТЕРЫ

92 Андрей Обьедков.
Помощь из Вьетнама

Я – живой!

Марк НЕКРАСОВСКИЙ

* * *

Он девочку не будет защищать.
За драку можно «сесть» – он это знает.
О пацифизме будет он вещать
И пораженья нам в войне желает.

На вид нормальный парень – горд собой.
Он думает, что он ума палата.
И не пойдёт за Родину он в бой.
И для него герои только в НАТО.

А Крым не наш. Ему не нужен Крым.
И пусть в Донбассе «орков» убивают.
Придут враги, и он послужит им.
В каратели таких и набирают.

ДОНБАССКОЕ ДЕТСТВО

Не должны быть дети на войне.
Не должны быть дети под прицелом...
Крыши нет, пробоины в стене.
Ничего вокруг не уцелело.

Смерть здесь собирает урожай.
Для врагов не люди мы, а цели.
– Сколько мы в подвале? Сам считай.
Мы случайно с бабкой уцелели...

А ему на вид лет восемь-семь.
Только детства нету в разговоре.
Я страдал от мелочных проблем,
А у пацана реально горе.

Он спокоен. Мне ж хотелось выть.
Где для утешенья взять мне средство?
Вырастет – солдатом хочет быть.
Защищать детишек жизнь и детство.

* * *

Он контужен и ранен в ногу,
И проблемы есть с головой.
Он с трудом находит дорогу,
Возвращаясь к себе домой.

У него головные боли.
Речь замедленна... К чёрту речь!
Всё зависит от силы воли,
А иначе в могилу лечь.

«Я поправлюсь, – сказал, и точка. –
Мне иначе никак нельзя.
У меня есть жена и дочка,
Есть работа и есть друзья.

Ежедневные тренировки.
Через боли и тошноту.
Воля к жизни – важней винтовки.
Я боец на своём посту».

Как сказал он, всё так и будет.
Излечение – солдата фронт.
Вот такие в России люди.
Вот такой золотой наш фонд.

* * *

Мы провожаем поезда.
Стоим на полустанке,
А мимо, ведомо куда,
Платформы: танки, танки...

Который год идёт война,
Кровавые сражения.
Который год моя страна
Рвёт жилы напряженья.

Который год, который год
Идём мы медленно вперёд.

* * *

Как представишь, сразу сердце стынет.
Вроде ж люди, а ведь нет – зверьё.
Внуки, тех кто зверствовал в Хатыни,
Смерти жаждут, словно вороньё.

Наша смерть для вас всегда отрада.
И пощады нам от вас не жди.
Развязала бойню ваша Рада,
Это ваши нас в Одессе жгли.

Это ваши перешли границы,
Те, что заповедовал всем Бог.
Только гад над пленным веселится,
Снимки жертвы посылая в блог.

Запытать до смерти, покалечить.
Коль удастся, то ещё сломать.
Ерунда, что время души лечит.
Нам души у вас не отыскать.

Сколько натворили – сердце стынет.
Мы не будем вас за то сажать.
Наши деды палачей Хатыни
Вешали. И вам не избежать.

* * *

Ходят в форме людоловы,
Ищут «мясо» на войну.
Инвалиды, вы готовы
Защищать свою страну?

Кто слепой, того на мины –
Делать «наступу» проход.
Пост безногий не покинет –
Выдать парню пулемёт.

Дураку дать чин сержанта –
За собой пусть всех ведёт.
Хватит клоуну таланта –
Всё до цента украдёт.

Гарь, помойки и пустыни.
Сала нет и колбасы.
Ще не вмерла? Скоро сгинет.
С кружевами где трусы?

* * *

Громко рванул снаряд,
Смертью встав на пути.
Женщине – пятьдесят,
Девочке – нет шести.

Кровь и ошмётки тел.
Срезан осколком лист.
Этого ты хотел,
Бравый артиллерист?

Будешь спокойно спать.
Совесть не разбудить.
Будешь опять стрелять,
Чтобы «русню» убить.

Только спасения нет
Бьющим по городам.
Сгинет нацизма бред.
Сгинешь бесследно сам.

* * *

Опасность – не поведут бровью.
В этом героев бравада.
А правила пишутся кровью.
Их соблюдать строго надо.

Погиб – вражья свора так рада.
Погиб не за дело, а зря.
Да, жертвовать жизнью надо,
Но только за други своя.

Герои, не надо бравады.
Основа геройства – расчёт.
Не надо бравады, не надо.
Победа лишь к умным придёт.

Кто первый поднимется – первый умрёт,
Но каждый сам принял решение.
Сигналом ракета, и рота встаёт –
Приказ нам идти в наступленье.

За нашими спинами близкие ждут,
Им стали привычны «прилёты».
Не будет Победы – враги их убьют,
Но нас не страшат пулемёты.

Нас ярость святая ведёт за собой,
И смерти никто не боится.
За правое дело ведём мы свой бой.
Истории пишем страницы.

И свои, и чужие
Здесь вповалку лежат.
Их прицельно косили
Три недели подряд.

Я лежу среди мёртвых,
Будто тоже убит.
Видно, дронщик упёртый –
За телами следит.

Под присмотром нейтралка.
Он движения ждёт.
На кону жизнь как ставка.
Шевельнись – отберёт.

Из надежд лишь молитва.
«Бог, спаси, сохрани».
Здесь со злом идёт битва.
Враг не стоит любви.

Небо стало свинцовым.
Льются струи дождя.
Вера – жизни основа.
И спасает меня.

Ураган дрон относит.
Я по полю «домой».
Смерть сегодня не скосит.
Я – живой. Я – живой.

Кто в шахте живёт?

– Дедушка, а кто в шахте живёт?

Дедушка посмотрел на внуку, улыбнулся и сказал: «Шахтёры, внученька, шахтёры».

– Нет, дедуля. Шахтёры живут дома. В шахте они работают. Посменно. Вот папа мой отработал смену и пришёл домой. А кто в шахте живёт? Мне бабулечка говорила, что в шахте есть домовый – Шубин. Он помогает хорошим людям, а плохим вредит. Ты, дедуля, его видел?

Старый шахтёр Никита Мелентьевич грозно посмотрел на свою жену, Марию Игнатьевну, которая возилась у печки, и, обращаясь к внучке Жене, сказал:

– Не слушай бабушку. Она у нас малограмотная. Окончила три класса церковно-приходской школы. Поэтому и верит в домовых да нечистую силу, плохих примет боится. Мы, коммунисты, в домовых не верим, и ты у нас, Евгения, пионерка – верить в такие глупости не должна. А в шахте живут крысы.

– Крысы? – удивлённо переспросила Женька. – А как они в шахту попали?

– По-разному. Есть шахты, в которых вход горизонтальный, вот они, следуя за людьми, под землю и пошли. Там, где люди, там и крысы. А если вход в шахту вертикальный, то они

попадают в туда вместе с шахтным оборудованием и деревом для крепёжных стоек.

– А что они там едят?

– То, что люди едят, то и они. С тормозком¹ в руках не поработаешь, а положил его – считай, с ним попрощался. Некоторые подвязывают тормозки на верёвке за шахтные стойки, но это не помогает – крысы и оттуда достают.

– Тогда их нужно всех отравить. Чтоб не воровали.

– Нельзя, внученька. Если крысы в забое, значит, шахтёрам не нужно бояться метана. Метан – это газ такой, выделяется из породы. Он без запаха, ядовитый и взрывоопасный. Человек газ не чувствует, а крысы чувствуют и сразу из забоя удирают. А значит, и шахтёрам надо тоже уходить – плохо работает вентиляция. Ты, Женька, соседа нашего, Василия Петровича, спроси – его крыса от смерти спасла.

– Как спасла?

– Он когда работал в забое, то всегда делился своей едой с крысой. Представляешь, где бы он ни работал, всегда его находила одна и та же крыса. Мы тогда над ним смеялись:

¹ Тормозок – набор продуктов для перекуса на работе, учёбе или в дороге.

Василий себе невесту нашёл. Симпатичная, верная – всегда рядом с ним, – молчаливая, не ругается, как некоторые. – Дедушка многозначительно посмотрел на бабушку и продолжил: – А однажды Василий себя плохо почувствовал, голова стала кружиться. Ну бригадир и сказал ему: «Ты, Вася, отдохни, потом отработаешь». Василий лёг в нишу и сразу же заснул. Проснулся он от боли. Болел указательный палец правой руки. Смотрит, а знакомая крыса вцепилась зубами за его палец и тянет. Кусает больно, но не до крови. Он её отогнал, а она возвращается и опять зубами тянет палец. Настырная. Наверное, она что-то хочет ему показать. Что может показать крыса? Не хотелось Василию вставать, а пришлось. И только он вышел из ниши и пошёл вслед за крысой, как услышал грохот – не выдержала стойка, и рухнула кровля. Если бы лежал в нише, то задавило бы насмерть.

– А что крыса?

– Василий так был ей благодарен, что решил на следующий день её поймать и отнести на поверхность – освободить из «тюрьмы», так он называл жизнь крыс под землёй. И что удивительно, крыса, наверное, догадалась о его плане. Догадалась, и больше он её никогда уже не видел. Как сквозь землю провалилась. Что он ни клал в качестве приманки в свою ловушку – и мясо, и сыр, и куски сала, – а ни одна крыса в его крысоловку не попала. Да и глупость он хотел сделать. Шахта для этой крысы – родина. Да, на поверхности и еды больше, и жить легче, но родина – это родина, и ни на что её менять нельзя. Запомни это, Женька, на всю жизнь...

– Ты ей о конях расскажи, – вмешалась в разговор Мария Игнатьевна. – Не хочешь? Тогда я расскажу. У тебя, Женька, дедушка мастер рассказывать о других – о себе клещами слова не вытянешь. Твой дедушка попал на шахту двенадцатилетним подростком. Время было тяжёлым. По стране шла коллективизация. У кого есть лошади – кулак и подлежит раскулачиванию и выселению. А какой казак без коня? Рождается мальчик, чуть подрос – дарят ему нагайку и жеребёнка. Твой дедушка с Дона.

Казак. И у твоего дедушки жеребёнок был – Орликом звали.

– Не Орликом, а Орлом. Хороший был конь. Я на нём без седла и узды ездил. Он меня с полуслова понимал, – прервал рассказ бабушки дедушка.

Бабушка продолжила:

– А тут его семью высылают в Сибирь на поселение. Мать Никиты от тифа померла. Отец вместе с братьями погибли на Гражданской войне. Кто за белых воевал, кто за красных. Из всей семьи остались дед, баба и их внук Никита. Ему тогда 12 лет было. Тогда дед твоего дедушки и приказал Никите идти на работу в шахту. «Труд в шахте тяжёлый, каторжный – поэтому и на работу можно устроиться без паспорта. Никто тебя там искать не будет. А если с нами поедешь – пропадёшь...»

Кем может работать в шахте двенадцатилетний подросток? Только саночником. Цепь на шею – и тяни ящик до забойщика. Насыпал кусками угля до самого верха и тянешь до вагонетки. Засыпали саночники вагонетку углём. Дальше – работа коногона. Две вагонетки на одного коня. Бедные кони. Как их в шахту спустили, так они солнечного света больше и не увидят. Слепли они без света. В шахте и жили, и умирали. Деду твоему работать саночником было тяжёло. Везят гружёные санки до 50 килограммов. Чтобы выполнить норму по санкам, надо было работать без перекура весь день. А рабочий день двенадцать часов. Две недели проработал, а потом спину сорвал. Боль нестерпимая. Надо работу бросать и искать другую. А другой работы на шахте нет. А без работы умрёшь с голода. Вышел Никита в последний свой день на работу, да чувствует, сегодня денег не заработает – норму сделать не получится. И вдруг слышит знакомое конское ржание. Пошёл на звук. Орёл его любимый стоит. Купили его для работы в шахте. Тяжко вольному коню под землёй работать. А дедушкин конь с норовом был – стоит и коногона не слушается. Он раньше на воле только дедушку к себе и подпускал. Бьёт коня кнутом коногон – работать заставляет. Бьёт, да заставить не может. Всё, говорит, негодный для

шахтёрской работы конь. Надо его на колбасу и шкуру продать. Рядом мастер стоит, головой качает, соглашается – конь негодный для подземной работы. Подошёл Никита к коню, а Орёл его узнал. Копытом бьёт – радуется. Пошептал ему Никита на ухо – конь и потянул вагонетки. Но когда коногон подошёл к коню, тот остановился и опять ни в какую не хочет работать. Подумал мастер и говорит Никите: «Приступай к новой работе – будешь коногоном». Обрадовался Никита. Рядом с Орлом будет. И ему даст облегчение, и для самого работа полегче. Да и платят больше. Так он проработал в шахте коногоном, пока ему не исполнилось 20 лет. А там война началась. Немец к Ворошиловграду подходил, а дедушка твой Никита в Красную армию записался.

– Дедушка, а с ты конём в армию пошёл? – спросила Женька.

– Да. Погиб он в Польше. Меня тоже осколком ранило. Прикрыл он меня тогда от взрыва – поэтому я и жив остался. – Дед подошёл к Марии Игнатьевне, улыбнулся и сказал: – Обо мне ты всё рассказала. Ты лучше, старая, расскажи своей внучке, почему твоего отца Кенарем все звали.

– Моего отца Игната, а значит, твоего прадеда действительно все на шахте называли Кенарем.

Дед Игнат был сезонным шахтёром – летом в деревне, а когда не сезон, шёл на заработки на шахту. Был он ещё подростком, когда это с ним случилось. Ещё при царской власти. Работал на той шахте главный инженер. Жадный. Людей он обсчитывал, денег за работу недодавал. Грубый, чванливый – всех шахтёров называл свиньями и пьяницами. Техники безопасности на той шахте не было. На технику безопасности надо было тратить, а он не хотел – очень деньги любил. Всё на себя любимого тратил. Поэтому и гибли шахтёры. То лес гнилой, стойки не выдерживают – кровля рушится. То метан накопится да взорвётся. В шахту он спускаться не любил. Но когда всё же спускался, то брал с собой клетку с кенарем. Ставил он её рядом с собой на землю. Метан – газ тяжёлый, накапливается сначала снизу. Если он

есть, то птичка умирает, а значит, надо убежать на поверхность. А Игнату было жалко кенаря, вот он и улучил момент, когда инженер из кабинета вышел, забрался в него через открытое окно да и открыл дверцу клетки. Кенарь вылетел из клетки, сел Игнату на плечо и выдал трель. А поют все кенари по-разному. У каждого свои коленца. Спел и улётел. Ругался главный инженер, искал виновника, грозился выгнать с работы с «волчьим билетом», чтоб никуда больше на работу его не взяли. Не нашёл. Шахтёры догадывались, чьих рук это дело, но никто Игната не выдал. А потом с ним и случилось происшествие, после которого его начали называть Кенарем. Работал он в забое ещё с одним шахтёром. И вдруг видит кенаря у того за спиной. Сидит птичка, поёт – и трель такая же, как ему пел кенарь главного инженера. Спела и давай лететь на выход из забоя. Летит, но возвращается и опять улётает. Догадался Игнат – это она его из забоя зовёт, мол, «уходи, Игнат, уходи». Игнат схватил своего товарища за руку и потащил его за собой. Только они вышли, как раздался взрыв. Взорвался метан.

– Как ты узнал о метане? – спросил его товарищ.

– А ты кенаря видел? Слышал, как он поёт? Это он меня предупредил.

– Ничего я не слышал и кенаря не видел. Да ты сам как кенарь – чувствуешь беду.

С тех пор Игната все шахтёры Кенарем и называли. Сколько раз виделась ему птичка, сколько раз он слышал её пение, и не сосчитать. Спасал он своих товарищей, и все хотели работать с ним в одну смену в одном забое. Никто птицу не видел – только он. Он помог птице, а она спасла ему жизнь. Чудо.

В разговор вмешался отец Женьки.

– Слышал я, мама, эту историю уже много раз. Сколько тебе раз объяснять? Это не чудо. Не было никакого кенаря, а было отравление газом мозга. Просто твой отец чувствовал газ, и сразу же у него начинались галлюцинации.

– Другие не чувствовали, а он чувствовал, – возразила Мария Игнатьевна и закончила свой рассказ выводом: – Женька, делай добро, и тебе добром отплатится.

СЛОВО

КАК ОТРАЖЕНИЕ СОСТОЯНИЯ
ДУШИ ЧЕЛОВЕКА

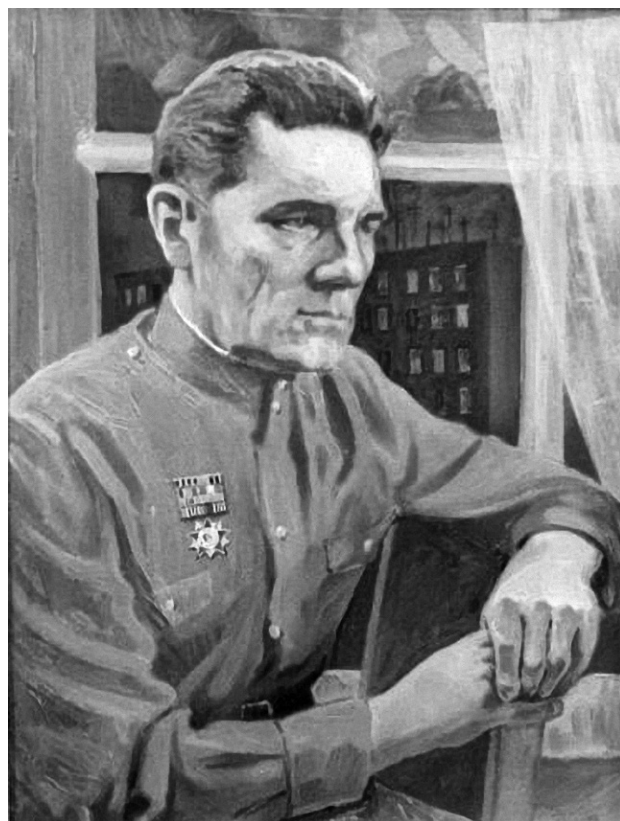
(НА ОСНОВЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ИГОРЯ ГРИГОРЬЕВА
И УЧАСТНИКОВ КРАСНОДОНСКОЙ ПОДПОЛЬНОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»)

Людмила ГОНТАРЕВА,
г. Краснодар, ЛНР

*Член Союзов писателей России, ЛНР, ДНР, Меж-
регионального союза писателей.*

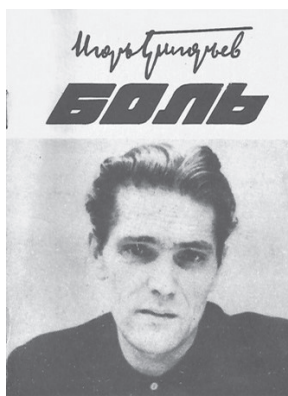
*Главный редактор альманаха «Территория
слова». Учитель-методист высшей категории
ГОУ ЛНР «Краснодонская средняя школа № 24
имени Героя Советского Союза И. В. Туркенича»,
учитель русского языка и литературы.*

Более 100 лет назад, в 1923 году, родился поэт Игорь Николаевич Григорьев. Участник Великой Отечественной войны, человек, отразивший в своих произведениях характер и особенности своего поколения и целой эпохи. 100 лет – много это или мало? Если измерять сроком человеческой жизни, то, несомненно, много; живи мы все по 100 лет – это можно было бы считать прекраснейшим подарком свыше. Однако иные, проживая совсем короткие жизни, совершают доблестные поступки и подвиги ради своих близких и своих потомков... 100 лет для человека – возраст почтенный и, увы, практически недостижимый, поэтому необходимо, каждый день помня об этом, успеть оставить свой светлый след на этой земле. Игорю Григорьеву это удалось. Воин, труженик, поэт, гражданин. С особым чувством обращаюсь к его произведениям, которые открыла для себя совсем недавно, и понимаю, насколько они честны и распахнуты. Черта настоящего поэта – правдивость в каждой строчке. И вот здесь, в творчестве Игоря Николаевича, я без капли сомнения верю каждому его слову. По его стихам знакомлюсь с трагическим прошлым своей Родины, с деталями времени, в котором я не жила, но к людям того поколения,

которое отстаило независимость нашего Отечества в годы Великой Отечественной, отношусь с глубочайшим уважением. Ведь во многом они были лучше нас – их чувства были чище, отношения честнее, любовь к Родине искреннее.

Знакомясь с биографией Игоря Григорьева, я невольно провела параллель между его датой рождения и датами рождения моих земляков – молодогвардейцев. Игорь Николаевич родился в 1923 году, в этом же, 1923-м, родился Герой Советского Союза Иван Земнухов, молодогвардейцы Антонина Иванихина, Надежда Щербакова, Нина Иванцова, Евгения Кийкова... Это была настоящая золотая молодёжь начала XX века. Именно эти ребята без раздумий встали на защиту своей Родины и как могли

противостояли фашизму. Практически все краснодонские подпольщики не узнали о Великой Победе. Игорь Григорьев был несколько раз контужен и ранен, но ему суждено было выжить и написать о страшных событиях на нашей многострадальной «огнеопасной земле».

Моя работа – попытка прочитать историю по стихотворениям Игоря Григорьева, по стихотворениям, сочинениям, дневниковым записям и посланиям из застенков молодоговардейцев. Здесь ни в коей мере не идёт речь о сравнении художественных особенностей: Игорь Григорьев – мастер слова, Поэт с большой буквы; записи же молодоговардейцев притягивают своей искренностью, правдивостью, являясь прочным, достоверным отпечатком времени. Эти молодые люди не знали друг друга, расстояние между городом Краснодоном и посёлком Плюсса около 2 тысяч километров. Но их поступки, готовность противостоять врагу, надежды и ожидания были сходны.

На вероломное нападение фашистской Германии Игорь Григорьев написал очень чёткое и лаконичное стихотворение.

22 ИЮНЯ 1941

*Вот так воскресенье
На святой Руси!
Светопреставленье!..
Боже, пронеси!*

*Грозна доля наша,
Пробил чёрный час:
Горестная чаша
Не минула нас.*

*В долгую дорогу –
С нынешнего дня.
Слёзы на подмогу –
Русская броня.*

*Пропадать зазряшно
Нам не привыкать..
Умереть не страшно –
Страшно умирать.*

И ведь молодёжь того времени без колебаний готова была отдать свою жизнь за освобождение Родины. Скольким тогда молодым людям пришлось отправиться «В долгую дорогу – // С нынешнего дня»... Сколько их не вернулось к родному порогу...

В свою очередь, читаю архивные документы – стихотворения молодоговардейцев. Не всегда ладные, с хромающим ритмом и рифмой, но сколько в них неподдельной боли и тревоги. Олег Кошевой напишет стихотворение «Мне тяжело», где также выразит свою готовность сражаться с фашистом. К сожалению, стихотворение не датировано. Но судя по содержанию, похоже, этот текст был написан уже после 20 июля 1942 года – даты оккупации Краснодона врагом.

МНЕ ТЯЖЕЛО

*Мне тяжело, куда только ни глянь,
Везде я вижу гитлеровскую дрянь,
Везде ненавистная форма предо мной,
Эсэсовский значок с мёртвой головой.*

Я молод. Это да, но грусть меня съедает,
Мне тяжело, что я остался в плену,
Я очень часто наших вспоминаю,
Что бьются где-то с нечистью в бою.

И я решил, что жить так невозможно,
Смотреть на муки и самому страдать,
Надо скорей, пока это не поздно,
В тылу врага врага уничтожать!

Я так решил, и это я исполню,
Всю жизнь отдам за Родину свою.
За наш народ, за нашу дорогую,
Прекрасную Советскую страну!

Сохранилось несколько стихотворений, написанных Олегом Кошевым. Талантливый, активный, он редактировал общешкольную стенгазету, занимался в литературном кружке, выступал в художественной самодеятельности. Он мог стать писателем, врачом, учёным. Но 9 февраля 1943 года гитлеровские палачи расстреляли шестнадцатилетнего Олега Кошевого в Гремучем лесу.

В 1943 году написано стихотворение Игоря Григорьева «Поединок». Безусловно, оно о тысячах замученных и расстрелянных. Но у меня перед глазами картина Михаила Поплавского «Олег Кошевой на допросе».

ПОЕДИНОК

Застыли: русский паренёк
И чужанин-пруссак.
Глаза – в глаза, зрачок – в зрачок,
Жар – в лёд, кинжал – в тесак.

Глядят – друг друга пепелят.
Пылает кровью склеп.
Спокоен, светел синий взгляд,
Белёсый – лют и слеп.

В застенке тишь как динамит,
Грозней, чем ураган.
Устал гестаповец: молчит,
Ни звука – партизан.

Лиха судьба: у паренька
Цепь руки сторожит,
Но парабеллум у врага
В руке дрожмя дрожит.

Не спрячешь злого страха в пол,
Не скроешь – прячь не прячь:
Ведь ты отвёл, отвёл, отвёл
Свои зрачки, палач.

Мальчишке пробил смертный час,
Но что твой пистолет:
Верней, точнее чистых глаз
Оружья в мире нет.

Сколько внутренней духовной силы в пленном русском юноше! И как ярко и отчётливо сумел передать это простыми словами Игорь Григорьев.

Писал стихи и Анатолий Попов, но особенно пронзительно его сочинение «Я люблю свою Родину», которое я здесь приведу.

Я ЛЮБЛЮ СВОЮ РОДИНУ

Сочинение ученика 10-го класса
Первомайской школы Анатолия Попова

Весь мир пылает в огне войны. Страшным смерчем проносится она – небывалая по силе и грандиозная по размерам – от сурового Севера до тропической Африки, сея смерть, разруху, голод и нищету.

Бьются два врага в смертельной схватке. С одной стороны – коалиция свободолюбивых стран, возглавляемая нашей Родиной, и с другой – опьянённые манией величия, дошедшие почти до безумия немецкие фашисты...

Люблю ли я свою Родину и готов ли я защищать её до последней капли крови, как подобает советскому воину?

Да, люблю! Да, я люблю свою Родину, свободолюбивую, многонациональную, за её героическое прошлое, за великое настоящее, а главным образом, за её будущее.

Я люблю её за то, что она дала всем трудящимся нашей страны новую жизнь, раска-

балив их от национального и классового гнёта, я люблю её за то, что она дала всем трудящимся право на труд, на отдых и образование; она сделала человека полновластным хозяином необъятных просторов.

Советский народ знает цену свободы, кровью, огромными жертвами завоёванной в 1917 году, и предпочитает умереть стоя, чем жить на коленях.

Такова воля моего народа и такова моя воля, и, когда нужно будет принести себя в жертву Родине, я не задумываясь отдам свою жизнь.

15 января 1943 года после нечеловеческих пыток Анатолий Попов был сброшен в шурф шахты № 5. Он принёс свою жизнь в жертву Родине – той Родине, которую знал, любил и в которую верил. Возможно, эта вера помогала ему в последние минуты жизни.

А разве не о такой же беззаветной любви пишет Игорь Григорьев в своей поэме «Русский урок»:

Не зряшно германцы грозили:
Красуха у них за спиной.
Россия... Россия... Россия...
Свет рушится...
– Ро-ота, за мной!

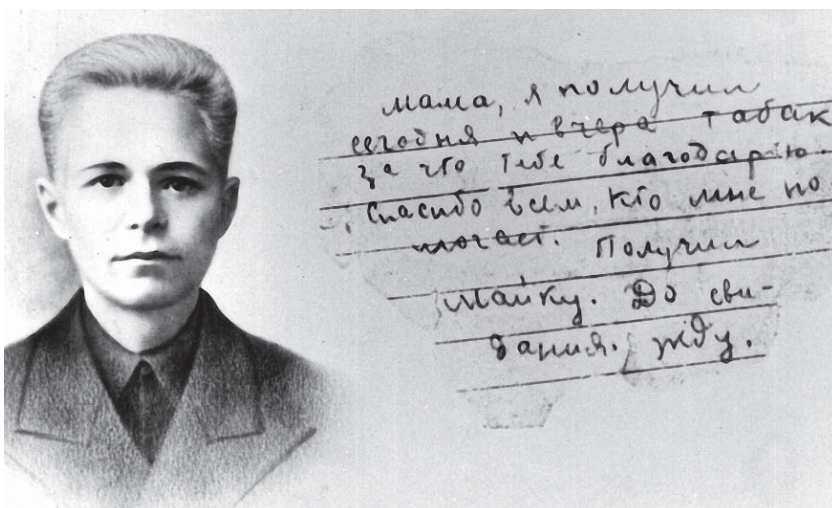
А поле глухо, да глазасто;
А лес – непрозрим, да ушаст.
В цепи нас – негусто-нечасто.
На дыбе мы. Помните нас!

...

И можешь не можешь – обязан
Добраться! Добечь! Доползти!
Душа закликает и разум:
Не глина – Отчизна в горсти!

...

Войне только сто тридцать суток,
А тыща три ста – пред тобой.

Предсмертная записка Анатолия Попова (1924–1943)

И жарок, и злобен, и жуток,
И горестен праведный бой.

...

Нет! Сердцу – хоть чьё там – пужливо.
И до смерти хочется жить!
Но скошено взрывами жниво.
И поздно собой дорожить.

От гула звенюче и глухо,
И пьяным-пьяно без вина,
С косою Косая-старуха,
И Родина – только одна.

Сочинение Анатолия Попова возвышенно, торжественно, в чём-то романтично; поэма Игоря Григорьева страшна и реалистична, но каждая кровотокающая строка пронизана любовью к родной земле. И действительно – таким было отношение молодёжи к своему Отечеству. К себе же, напротив, ребята относились несерьёзно, о суровых военных буднях говоря с определённой долей юмора.

В 1945 году Игорь Григорьев пишет стихотворение «Меня ранило».

МЕНЯ РАНИЛО

Было так: сперва я бёг,
А потом, с размаху, лёг.

Отходила вдруг нога.
Брешь в штанах. Полсапога.

*Шапки нет. В ушах трезвон.
Прохлаждаться не резон.*

*От меня шагах в полста
Вылез немец из куста.*

*А за ним возник другой –
Не до дрыганья ногой.*

*То есть тут не до ноги –
Можешь, нет ли, убеги!*

*Я, понятно, не бежал,
Да не то чтоб и лежал.*

*Весь вошёл в житейский раж:
То катился, как кругляш,*

*То скакал – хвала прыжку! –
Заслонив рукой башку,*

*То сжимался аж в комок...
И ведь смылся, мог не мог.*

Немало писем с фронта написал родственникам и друзьям командир «Молодой гвардии», Иван Туркенич, чудом избежавший ареста.

15 марта 1943 года на могиле своих боевых друзей он произнёс клятву:

«Прощайте, друзья! Прощай, Кашук любимый! Прощай, Люба, Ульяна, милая, прощай! Слышишь ли ты меня, Сергей Тюленин, и ты, Ваня Земнухов? Слышите ли вы меня, други мои? Вечным непробудным сном почили вы. Мы не забудем вас! Пока видят мои глаза, пока бьётся в моей груди сердце, клянусь мстить за вас до последнего вздоха, до последней капли крови! Я не сниму этой солдатской шинели до тех пор, пока последний немец как оккупант, вступивший на нашу землю, не будет уничтожен! Ваши имена будут чтить и вечно помнить великая наша страна».

Те же слова о памяти, та же боль утрат в стихотворении Игоря Григорьева «Ратоборцы», которое он посвятил своим товарищам – плюсским разведчикам:

...
*Мы все на виду кочевали у смерти,
Огнём крещены и мечом.
И я не забыл обещанья, поверьте,
Как вы, не забыл ни о чём.*

*Всё помню: немую работу разведки,
Полёгших безусых ребят...
Под сердцем моим пулевые отметки
Доныне к погоде горят.*

*Доныне свинец чужеземца-солдата
Покою спине не даёт;
И тяжкий валун над могилою брата
Сжимает дыханье моё.*

*Нет! Я ничего не забыл, хоть и рад бы
О многом, что знаю, не знать.
И жжёт мою душу огонь нашей клятвы,
И сердце попробуй унять.*

Незримую параллель, которую я попыталась провести, можно продолжать до бесконечности. Никакие расстояния не могли повлиять на силу духа, самоотверженность, честность и мужество поколения победителей. И сегодня крайне необходимо как можно чаще обращаться к тому духовному наследию, которое они нам оставили, – к их стихотворениям, письмам, дневникам – ведь слово, идущее от сердца, всегда было и остаётся самым правдивым свидетелем исторических событий.

ПОДВИГ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Александр СИГИДА,

г. Молодогвардейск

Поэт, публицист. Член Союза писателей России. Лауреат международных фестивалей поэзии, основатель творческого объединения «СТАН» (Луганск), проекта «Территория слова». Организатор I поэтического фестиваля «Краснодонские горизонты – 2009», республиканского фестиваля «Муза Новороссии» (2014–2025).

Печатался в альманахах ТО «СТАН», «Радуга», «Свой вариант»; журнале «Склянка Часу»; антологии «15 веков русской поэзии» (Москва); сборниках «Ожог», «Час мужества», «Строки мужества и боли», «За други своя», «Время Донбасса»; журналах «Родная Ладога», «Невский альманах», «Всерусский собор», «Александръ» и др.

Кто бы мог подумать, что в начале XXI века Краснодонская земля снова станет зоной боевых действий? Никто не ожидал, что противостояние на киевском Майдане приведёт к полномасштабной гражданской войне. Пока в центре и на западе Украины кипели митинговые страсти, захватывались административные здания и звучали призывы к свержению законной власти, Донбасс продолжал жить своей жизнью. Люди работали, учились, строили планы на будущее. После позорного бегства бывшего президента власть перешла к временному правительству, которое стремилось жёстко подчинить юго-восток, навязывая свою «прозападную» систему ценностей. Стало понятно, что за словами о соборности и унитарности скрывается националистическая диктатура. Народу надоело смотреть на столичную свистопляску, надоело терпеть «демократический» беспредел. «Майданутую» зиму сменила Русская весна. От Украины отделился Крым. По всему юго-востоку прокатилась волна общественно-политической активности, начался процесс пробуждения народного самосознания.

Событие на Донбассе – явление неожиданное, но закономерное. Если в Киеве произошла буржуазно-националистическая революция (которая привела к власти олигархов), то на Донбассе началось настоящее народное восстание. На деле появились разные модели патриотизма. Когда одна часть населения готовится праздновать 70-летие Великой Победы, другая отмечает день рождения Бандеры; когда одни читают «Молодую гвардию», другие изучают «заповеди украинца». И что бы ни говорили о тоталитарных режимах и советских символах, снос памятников – это вандализм и неуважение к памяти наших отцов и дедов.

Изначально юго-восток выступал за федерализацию, за чёткое определение статуса русского языка, за большую экономическую самостоятельность и т. д. Но временное правительство, а за ним и президент Порошенко показали свою неспособность к диалогу. К сожалению, киевские власти выбрали силовой вариант развития событий. Они развернули так называемую антитеррористическую операцию (АТО) – начали стрелять, бомбить, «восстанавливать территориальную целостность». Жители Донбасса были вынуждены защищать свою землю, свою историю, свой язык.

После одесских событий 2 мая 2014 года Краснодон находился в тревожном ожидании. Некоторое воодушевление и уверенность в своих силах принёс День Победы. Последствия майского референдума были предсказуемы – народ однозначно выразил свою волю. Появились новые государственные образования – ЛНР и ДНР, возникла идея Новороссии. Неожиданностью стали сообщения из Луганска – бои идут на квартале Мирном. Война? 2 июня был нанесён первый авиаудар по центру города, погибли ни в чём не повинные люди.

Горячее лето 2014-го обозначилось великим исходом – все, кто мог, уезжали, отправляли,

спасались... Из-за постоянных обстрелов со стороны Луганска потоком хлынули беженцы – кто куда. Они часами ждали на КПП, границу то открывали, то закрывали. Опустел и Краснодар. В какое-то время пришли тревожные новости с границы – под Изварино идут бои. Обстреливали Урало-Кавказ, Власовку, Поречье... На буграх за Шевырёвкой появились танки. Начали бомбить город – УМДРГШО, квартал Лесной...

В середине лета было короткое затишье. А потом война возобновилась: бои шли за Луганский аэропорт, за Хрящеватое и Новосветловку. Обстреливали Новоанновку, Самсоновку, Суходольск и Молодогвардейск... Бомбили шахты «Суходольскую-Восточную» и «Самсоновскую-Западную». Фронт докатился до Счастья, Лутугино и Станицы Луганской. Ходили слухи, что Краснодар оставили «на закуску».

Отсутствие правдивой информации порождает сплетни и домыслы. К военным новостям добавились бытовые неурядицы – стали исчезать продукты, закрывались магазины, начались перебои с водой и электроэнергией, перестали платить зарплату и пенсии. Но люди терпели, они надеялись на лучшее. Они знали, что кому-то ещё хуже. Перед глазами были примеры Славянска, Донецка, Луганска, Хрящеватого, Новосветловки и других городов и сёл Донбасса. Даже в самые трудные дни краснодонцы собирали гуманитарную помощь – кто сколько мог – для жителей разорённых и разрушенных населённых пунктов. Многие добровольцы пошли в ополчение – защищать Родину с оружием в руках.

В конце августа президент Порошенко объявил, что ко «дню независимости» на Донбассе «наведут порядок». Но успешное наступление ополченцев перечеркнуло планы киевских властей и заставило их пойти на переговоры.

Бог отвёл беду.

После объявления перемирия 5 сентября Краснодар постепенно стал переходить к мирной жизни, начали возвращаться беженцы. Открывались предприятия и учреждения, налажилось снабжение.

Война ушла, но в нашей памяти остался свист снарядов и мин, грохот автоматных очередей, гул боевых самолётов. В наш обиход прочно

вошли новые (хорошо забытые?) понятия: «сепаратисты-террористы», «ватники-укропы», «ополченцы-добровольцы», «оккупанты-беженцы» и т.д.

Позже мы узнали страшные подробности об «изваринском котле», про трагедию Хрящеватого и Новосветловки. Реальное количество жертв ещё предстоит установить. А ещё мы узнали о наших славных земляках – бойцах краснодонских батальонов «Витязь», «Моджахед», о казацкой дружине «Пересвет», которые героически защищали нашу землю. Воевали наши земляки и в других подразделениях, но об этом обстоятельный разговор ещё впереди. Народ должен знать, кто они – герои нашего времени.

Краснодонцы с честью выдержали испытание войной. Все мы – жители Краснодонщины – надеемся и верим в победу добра и справедливости, верим, что на нашей земле установится прочный мир.

Город-труженик, город-герой продолжит свои славные традиции, ибо Краснодар был, остаётся и будет колыбелью патриотизма и духовности.

С ЧЕГО НАЧИНАЕТСЯ РОДИНА?

Летом 2015 года исполнилось 100 лет со дня рождения нашего земляка – выдающегося луганского поэта Михаила Матусовского. «Берёзовый сок», «Сиреневый туман», «Подмосковные вечера»... Слова этих песен навсегда останутся в сердце неравнодушного читателя и слушателя.

Как так получилось, что трудолюбивый, сильный, мирный Донбасс оказался в центре фронтовых сводок? Да потому и оказался, что трудолюбивый, мирный, честный. Жителей Донбасса на «западе» долгое время считали людьми «другого» сорта. Годами копившиеся страхи и взаимное недоверие привели к полномасштабной гражданской войне.

Ещё 1 мая мы с нашими украинскими «коллегами»-писателями пили чай в кафе на

улице Советской в Луганске недалеко от здания СБУ («избушки»), пытались в откровенной беседе сгладить противоречия, найти общий язык. Разошлись спокойно и мирно.

А 2 мая была Одесса. Первая реакция – «как такое возможно?!» Оппоненты из «демократического» лагеря нам объяснили: враги Украины получили по заслугам. Политкорректного ответа на подобные высказывания не нашлось...

На 3 мая у нас было приглашение на творческую встречу в городе Шахты Ростовской области. Поехали. На границе почти спокойно. На российской стороне нас встречают друзья. Слава богу.

В Шахтах читаем стихи, слушаем песни. Все разговоры о судьбе «юго-востока Украины». Уже тогда подобные речи больно резали слух: «Мы украинцы?! Такие же украинцы, как они?! Не может быть!» Мы в лучшем случае часть «Большого Донбасса», который включает в себя отдельные районы Донецкой, Луганской, Днепропетровской и Ростовской областей. И сразу вспоминаются Донецко-Криворожские республики, Всевеликое Войско Донское, Новороссийская губерния и т. д.

Что изменилось за 100 лет? Разве плохо, если человек ощущает себя прежде всего частью своей малой родины?

Украинские неонационалисты давно хотели превратить украинский народ в «украинскую нацию» (смотрите программу Андрея Черноволы на президентских выборах 2004 года. Газета «Жизнь Луганска» от 22.09.2004, № 39). Цитируем дальше: «снова происходит борьба за власть», «за корыто», за выгоды, за перераспределение собственности. Знакомая картина – не правда ли?

Через 10 лет подобные идеи, что называется, «выстрелили» (в буквальном смысле). В итоге – гражданская война, которая началась в Одессе 2 мая.

* * *

Луганск «переваривал» одесские события достаточно долго. Уже пылал Славянск, полным ходом разворачивалась АТО, но люди чего-то ждали.

2 июня центр города впервые подвергся авиационному удару. Погибли ни в чём не повинные мирные жители, среди которых мой товарищ по историческому факультету пединститута А. А. Гизай. Стоило пройти Афганистан, чтобы погибнуть на пороге собственного дома?!

И тут началась паника – народ побежал. Около миллиона беженцев приняла Россия. Сколько рвануло в Украину, честно говоря, не знаю. Но иногда «они возвращаются»...

Как мы пережили горячее лето 2014 года – разговор особый. Без воды, без света, без денег, почти без продуктов и т. д. – но выжили! Помогали стихи и книги. Сколько было заново пересмотрено и перечитано. Кто-то вёл дневник, кто-то делал фотографии, кто-то снимал видео, но доступ к интернету был ограничен, и материалы накапливались.

Осенью стало немного легче. Захотелось встретиться с друзьями, поделиться впечатлениями, просто поговорить. Домашние посиделки – это хорошо, но хотелось чего-то большего. Решили провести фестиваль.

В конце ноября 2014 года в Молодогвардейске – городе-спутнике Краснодона – состоялся фестиваль авторской песни и поэзии «Муза Новороссии». Кроме местных авторов были гости из Петербурга, Ростовской области и Краснодарского края. Были заочные участники, которые по разным причинам не смогли добраться до Краснодона.

Но главное – были стихи и песни, глубоко тронувшие зрителей и участников. Произведения друзей-писателей как-то сами собой сложились в книгу под рабочим названием «Восточный фронт», и нам очень хочется поделиться с читателями своими выстраданными мыслями и чувствами.

Жители Донбасса переживают достаточно непростой период в своей истории. Но мы надеемся, что честное проникновенное слово поможет нам всем выстоять в трудных условиях и станет настоящей «гуманитарной» помощью.

Я часто задаю себе вопрос, зачем мы здесь остались?

Здесь наша Родина.

Январь 2015 г.

ИЗ ЦИКЛА «ВМЕСТО РЕПОРТАЖА»

ПОТОМ

Этой весной соловьи не пели,
зато научились высвистывать пули,
они выбирали высокие цели,
но промахнулись и обманули.

А мирные птахи летели мимо
и представляли собой мишени,
садились плотно шальные мины,
рвались в районе «большой кишени».

06.06.2014

ПОД ОБСТРЕЛОМ

Громы побили все нормы –
ради каких-то наград...
(Рвутся снаряды и бомбы –
это работает «град».)

Злые хозяева рады –
раб добывает раба...
(Воют собаки да бабы,
и догорают хлеба.)

Мины-патроны-гранаты
рёвом пугают ворон
(лезут поганые гады
танками с разных сторон).

Взрывы и справа, и слева
(или ну всё-таки гром?).
(Если расколется древо,
рухнет заброшенный дом.)

Строчки из старой анкеты
или лихая судьба?
(Лишь полевые букеты
да пулевая стрельба.)

На рассвете, 4:30 (04.07.2014, г. Краснодон)

5 ИЮЛЯ 2014 ГОДА

Режет морозом по коже
музыка ржавых петель
(сделался фразой расхожей
список немирных потерь).

Лица соседей суровы –
тут по-другому нельзя
(дети, родители, вдовы
да ополченцы – друзья...).

Слёзы смахнули подруги –
нервы запели струной;
«за боевые заслуги
перед родной стороной».

6 ИЮЛЯ 2014 ГОДА

Это не игрушки и давно не сон...
(Потянулись пушки через Краснодон.)

Душу рвёт на части еврогуманист...
(Обстреляли Счастье – прут на Металлист.)

Опустел посёлок – побежал народ
(залетел осколок камнем в огород).

БРАТСКИЕ МОГИЛЫ

I

Веришь фотоснимку или на словах?
(...И лежат в обнимку в придорожных рвах.)

Поворот на Счастье кто-то подсказал...
(Самолёт на части – в дым автовокзал.)

Лупит не по-детски горе-самолёт
(парень из Донецка в Киев не идёт).

Помощь из Иркутска шлют на Волгоград...
(Парубок из Луцка заряжает «град».)

Террорист жестокий не пошёл на Львов...
(На юго-востоке всем хватает рвов.)

II

Лезут из Европы рыцари плаща...
(Ямы да окопы роём сообща.)

Вместо похоронки червь получит корм
(...водрузят обломки на могильный холм).

Эти обелиски на манер креста
(ни к чему «зачистки», если пустота...).

«Кто бомбил Тернополь? Пять шагов вперёд!»
(Поезд в Симферополь больше не идёт.)

Кто составил списки и готовил пир?
«Сообщите близким – кто кого убил».

06.07.2014

17 ИЮЛЯ 2014 ГОДА

Начал лютую бойню
новоявленный хам
(разбомбил колокольню –
помешал ему храм?).

Горек сделался пряник,
если выбрали кнут
(после воя и паник
реки вспять потекут).

Современные зомби
над лугами парят...
прямо в купол часовни
направляя снаряд.

* * *

Светлой памяти А. А. Гизая,
погибшего 2 июня 2014 года

Там – на картинках – красивые горы,
гордые профили дремлющих скал
(тут – бесконечное личное горе
и бесконечный смертельный оскал).

Головы молча склоняя над гробом,
нам остаётся продолжить борьбу
(грозный салют отзывается громом,
сопровождая жизнь и судьбу).

Вот и дожили до грозного часа –
к нам возвращается время потерь...
(Горы Афгана и степи Донбасса
соединились навеки теперь.)

23.07.2014

РЕПОРТАЖ

Ходит ходором кровать –
лупят по «зелёнке»
(научились воевать
в пунктах населённых).
...Ждут в убежищах сырых
бомбы да обстрелы
(завалили пятерых
в Доме престарелых).
Догонять, просить и звать
не позволят взгляды
(довелось-таки узнать,
как свистят снаряды).

(22:23, 29.07.14, п. Атамановка)

ХРОНОЛОГИЯ ВОЙНЫ

НАД ГНЕЗДОМ КУКУШКИ

Бороздят «кукурузники»
окаянный простор
(защищают союзники
купола и построй).

«Перекрёстки и улицы
прикрывает наш взвод»
(не хватает Кустурицы,
чтобы снять эпизод).

Бородатые всадники
набивают кули...
(Закупались десантники
в день пророка Ильи.)

02.08.2014

* * *

Натуральная околесица
надоела в конце концов
(повзрослевшие за три месяца
пополняют ряды бойцов).
Тучи тянутся вереницами...
(Возвращаясь на год назад –
надо справиться с небылицами,
надо всё как есть рассказать.)

Как мы вовремя успокоились,
почивая в богатых...
(Как полгода они готовились
в тренировочных лагерях –
и, послушные указаниям,
руки тянутся на восток...)
Мракобесие – в наказание –
попадёт-таки под каток
(получается – эти «пальчики»
отпечатались в том году...).
Наступают русские мальчики,
повзрослевшие на ходу.

07.08.2014

ПО СЛЕДАМ СОБЫТИЙ

То Мазепе, то Петру
молится столица;
обстреляли поутру
школу и больницу.

Опускаемся в подвал
переждать бомбёжку;
неожиданно (!) попал
прямо в неотложку.

Настоящая беда
посильней тревоги;
попадая в никуда (?),
лупят вдоль дороги.

Репродукторы ревут
у Дворца культуры;
до чего прицельно бьют
по комендатуре!

Бьют по чёрному платку,
по ремонтным базам;
по степному Городку
тяжело промазать.

Начало августа 2014 – 30.03.15

* * *

От помощи гуманитарной
не заразиться гуманизмом
(жить захотели в «унитарной» –
перемудрили с механизмом).
Кому пойти поставить свечку?
Кому ещё спасибо скажем?
За геркулес, муку, и гречку,
и булку хлеба с камуфляжем.

28.08.2014

Константин ИЛЮХИН**г. Мичуринск****ПАТРИОТ**

Пускай живёт в крови святая память,
О быте, о традициях и мире,
Что б наши внуки нас же вспоминая,
Гордились тем, что мы когда-то жили.

Что Родину от сердца воспевая,
Мы города и сёла возводили,
Науку вверх к открытиям толкая,
Свою Отчизну и народ любили.

Давай же встанем, славный патриот!
Своей любовью сохраним Россию
Не нужно ждать за веком век мессию,
Мы сами мир счастливый создадим!

ОНИ МНЕ ГОВОРИЛИ...

Они мне говорили: «Смерти нет,
Все возвращаются жав руку командиру.
Приедет целеньким, папаша, твой боец...»
Но привезли всего лишь половину...

Они мне говорили:
«Всё пустяк!
И не таких врагов, папаш, видали!
Мол, что у них и танки кое-как
В мишень с большим везеньем попадали».

Они мне говорили:
«Победим!
Что дело правое, победа, мол, за нами.
Мы Родину свою не отдадим!»
И знаешь, что, дружище?
Не соврали!

Но все же
Тяжело мне вспоминать,
Когда я прихожу прибрать могилу.
Тот день мне вспоминается опять,
Когда вернули только половину.

МОЛОДОЙ ПОЭТ

В грязи, пыли, забрызганный весь кровью,
Бежал с улыбкой молодой поэт.
И начал он читать перед толпою,
Вот-вот написанный чернилами куплет.

Читал о храбрости советского народа,
И гордо Родине он оды посвящал,
Что братцы, до победы то полгода!
Словами этими солдат всех вдохновлял.

И о поэте этом все почти что знали,
И ждали те, кому с рассветом в бой,
Он рифмами стирал с сердец печали,
И душу наполнял вновь добротой.

Под треск костра,
Под скрипы автомата,
Героев своей речью вдохновлял.
И дорогой была ему награда,
Когда услышав, тот герой вставал.

И вновь обстрел, и снова выступая,
От пули шаловливой вдруг упал,
Но, тем не менее, задора боевого,
Он пред бойцами, ни на грамм не потерял!

«Пульс есть!»
«Он улыбается!»
«Он дышит!»
«В окоп тащите братцы вы его!»
«Он поживет, его весь мир услышит!»
«Что ж сердца не жалеешь своего!?»

В грязи, пыли, забрызганный весь кровью,
Лежал в окопе раненный поэт,
Дочитывал он вновь перед толпою,
Тот самый вдохновляющий куплет.

СТИХОТВОРНОЙ СТРОКОЙ

ГЕРОЯМ

К груди прижата Библия с Кораном,
Чужих религий нет, брат, на войне,
Окоп затянут чёртовым туманом
И терпким табаком в промокшем рюкзаке.

Промёрзли руки от холодного приклада,
Застыли в вальсе палец и крючок,
Сейчас бы чай, обнять жену и брата
Да сказку про волчонка и бочок.

Но время не залечивает раны,
Она гноится, нарывая, больно бьёт,
Упёрлись сволочи рогами, как бараны,
Свой своего за доллары убьёт.

Мне больно видеть погибающее сердце,
В груди народа, с кровью нас - славян
И топчут землю западные берцы,
Засаживая в сад степной бурьян.

Вы память осквернили, влив помои
В души людей, что доблестно храня,
Историю России, об устои
Не дали рушить попросту да зря.

И видит Бог, что вражеская пуля
Не колыхнет покой родных семей,
И доблестных России сыновей,
Вернет здоровых в звании Героя.

ВЕЧНЫЙ КОСТЁР

До дрожи пробирает чертов холод,
Костер потух, но жизнь горит в сердцах.
Крепись солдат! Ведь воин славен духом,
Не время думать на войне о небесах!

Вот пуля просвистела. Рикошет!
Спасайте души храбрые ребята!
Спасайся, глупый! Глупый человек!
Бросайте, братья, к черту автоматы!

И мы стоим... В глазах ни грамма злости,
Лишь слезы по щекам крадутся вниз.

Дрожат внутри поломанные кости,
Не по своей же воле, согласишься?

Мы все стоим, а ветер нас качает,
Болтает как березок по утрам.
Неужто Бог, совсем не замечает,
Не любит, не поможет сверху нам?

До дрожи пробирает чертов холод,
Нам дали три минуты на расход,
Терзает горло ненасытный голод,
Прими мои проклятья, страшный год!

Я буду ждать зимой, весны прекрасной,
Молиться буду, Господи прости!
Всё слепит пылью старая дорога,
И путают кровавые пути.

Летят мгновенья адскими часами,
От пули рвётся на волокна плоть.
Сбежать? Давай-ка между нами...
Бежать? Прибудь с тобой Господь...

Ведь атеистов нету на войне,
Мы верим свято каждому завету,
Храним любовь в страдающей душе,
По Божьему великому совету.

Мы верим свято в справедливость жизни,
Совсем не верим в гуманизм войны.
Диктаторы бывают и капризны,
Стирая с карт, историю страны.

Но русский дух, лишь жаждет
справедливость,
Сдаваться - это дело слабаков,
Прорвёмся сквозь усталость и сонливость,
Воскреснем, лик прикрыв платком.

Мы не дадим в обиду своих братьев,
Погибнем, защитив своих сестер.
Храним в душе своей мы о погибших память,
И все таки, - горит ещё костёр.

**Зинаида КОКОРИНА,
г. Королёв МО**

Член ЛИТО им. А. С. Новикова-Прибоя, член МГО
Союза писателей России и переводчиков.
За заслуги в литературе и участие в различных
номинациях многих конкурсов награждена
почётными письмами, почётными грамотами
и дипломами.

«ТАК НАДО»

По газовой трубе до Суджи,
Чтоб пыл врага пресечь успеть.
Приказ солдату был не нужен,
Он добровольцем шёл на смерть.

Режим секретности. «Так надо!»
И принято без лишних слов:
В тыл ВСУ попасть отряду,
Противника застать врасплох.

Безумный план. Одно решение:
В трубу... и нет пути назад.
И нет надежды на спасение:
Во тьме, метан, удушье... – ад.

Ползком шестнадцать километров –
Тоннелю не было конца...
Брели в агонии предсмертной...
Но верили в успех сердца!

Достойные сыны России!
Ни смерть, ни страх и ни угар
Их силу воли не сломили!
Шли с верой: «Нанесём удар!»

...И вышли там, где их не ждали.
Они, «живые мертвецы»,
Опять нацистам доказали –
Бессмертны русские бойцы!

Враг, обезумевший от страха,
Метался и паниковал.
В предчувствии начала краха
Трусливо Суджу покидал!

Бойцам ВС РФ – героям,
В трубе погибшим и в бою,
Живым, рискующим здоровьем...
И Честь, и Слава, и Салют!

Пора завистникам усвоить:
Россию не завоевать!
Здесь все в момент беды – герои!
Нас не сломить, не запугать!

Я ЖДУ ТЕБЯ

Вот и декабрь, снег, зима.
И сковывает мою душу льдом.
Как ты, любимый, там? Сама
Всё чувствую... но мысли об одном.
Снежинки тают на губах,
Как наш с тобою первый поцелуй.
А память и свежа, и дорога...
Всё повторится, милый, не тоскуй!
Тебе присвоен позывной,
Но для меня ты был и есть Сергей –
Моя надежда, мой герой!
И ни о чём на службе не жалею.
Так, значит, было суждено:
Зовёт страна мужей и сыновей.
Ты мужественный, сильный... Но
И я с тобой теплом души моей!
Почувствуй на своих губах
И ты вот этот поцелуй зимы!
Он так же свеж и сладок, как
Снежинки первые, любовь и мы...
Я верю в нашу встречу, жду!
И ты поверь, сомнения гони...
С молитвой под снежком бреду:
«Храни тебя Господь! Ребят храни!»

* * *

Да, я – россиянка!
Я – дочь своих предков,
служивших России
не за идеал.
Вживаясь корнями
в историю крепко,
Отчизну мой прадед
и дед не менял.

Быть русским исконно
и верить в Россию! –
Так дух наших предков
в нас жил и живёт.
Уж как ни терзали
и словом, и силой –
не встал на колени
Великий народ!

Дух братства и дружбы,
сердец единенье,
писали о чём
Достоевский, Толстой...
Живёт и не меркнет
в сердцах поколений.
И им за Отчизну
выдерживать бой.

Да, я – россиянка,
хранитель культуры,
духовных традиций
России моей!
И я говорю:
«Нет вражде, диктатуре!»
Россия за мир и
за дружбу людей!

Каждый год 1 июня в России отмечают Международный день защиты детей. Почему он возник, как меняется праздник в разных странах и какое значение эта дата имеет сегодня?

День защиты детей – один из старейших международных светских праздников, идея отмечать его появилась почти два века назад. В 1857 году американский пастор – так назы-

вается глава христианской общины в протестантизме – Чарльз Леонард впервые провёл в Массачусетсе службу для детей. Она пришлась на второе воскресенье июня. В те времена к детям относились как к маленьким взрослым, которые должны как можно раньше начать трудиться и приносить пользу обществу.

Между Первой и Второй мировыми войнами детский день начали отмечать в США более широко. Например, в 1925 году в Сан-Франциско прошёл фестиваль лодок-драконов, которые китайское консульство в США привезло из Поднебесной специально для маленьких сирот. Вскоре после этого идею особого официального праздника, посвящённого детям и их правам, стали обсуждать чаще.

После Второй мировой войны появились новые международные организации, которые должны были помогать незащищённым группам.

В 1949 году парижский конгресс Международной демократической федерации женщин учредил День защиты детей. Праздник создали, чтобы позаботиться о благополучии тех, кто лишился родителей и жилищ в военные годы. Впервые его отметили 1 июня 1950 года, торжества прошли в 51 стране мира. СССР присоединился к ним в 1954 году.

ДЕНЬ ЗАЩИТЫ ДЕТЕЙ

Уходит май, горяч и юн,
Земля в цветении ярком!
И лета первенец – июнь –
Приходит к нам с подарком.

Он сам весёлый, озорной,
Резвится, как проказник,
И потому несёт с собой
Чудесный детский праздник!

Чтоб малышам жилось светло,
С вниманием и с любовью!
И было солнечным теплом
Согрето их здоровье!

Чтоб мама рядышком была,
В семье уют, согласие!
Чтоб не было проблем и зла,
Глаза светились счастьем!

Чтоб у Алёшек и Алён,
Наташек, Светок, Глебов...
Был сказочным и добрым сон
Под чистым синим небом!

Международный день детей –
От всех проблем защита!
Пусть будет на планете всей
Нам в детство дверь открыта!

ЭТО СУДЬБА

Живу в окруженье семьи и хороших людей.
Хоть все нечасто взываю я к милости Божьей,
И солнечный ласковый день, и денёк
непогожий
Подарком судьбы растворяются в жизни моей.

Я с майским рассветным лучом появилась
на свет.
Я летнему зною и хмурости осени рада.
Ажурных снежинок полёт в зимний день
мне награда,
Мне в радость свинцовый закат и туманный
рассвет!

Когда оживают строка за строкой под рукой,
Печаль забывается и исчезает усталость...
«Мне разве успеть за такой?! – возмущается
старость, –
Ведь ей и ночами, наверно, не снится покой».

Нечасто теперь за столом засидятся друзья,
Здесь смех детворы рассыпается звонче
монеток.
Любовью семьи и теплом детство внуков
согрето.
И чувствую – с ними душа молодеет моя!

СОНЕТ И АКРОСТИХ

Акrostих зашифрую в сонете,
Кликну мышкой знакомый портал.
Разместившись на этой планете,
Он собратом стихам моим стал.

Сколько их, совершенно различных,
Тесно связанных общей судьбой,
Индивидуумов поэтических,
Харизматичных и просто с искрой?!

Исключительно редкий по форме
Самоцвет – вдохновение творца –
Однозначно, пропишется в томик
На странице поэта Тельца.

Если краски стихов освежит новый штрих,
То получит признание сонет-акrostих.

ИСКУССТВО ВЕЧНО

Посвящается Огюсту Родену

Искру изящества он творчеством зажгёт!
Скульптура юного Родена,
Как птица, вознеслась над бранным...
У современников тем вызывая шок.
Создатель пластики живых, текучих форм
С живой струёй в стиле «модерна»,
Традициям же оставаясь верным,
Внедряет новь в устои прав и норм.
Огюст Роден – художник, скульптор,
портретист –
Ваятель с мировым значеньем.
Его талант, его творенье –
Частица Франции... и путь в века лучист!

Но «жизнь коротка – искусство вечно».
О время, до чего ж ты быстротечно...

ЗАПИСКИ ОЧЕВИДЦА

Воспоминания о прадеде моей невестки Марии так, наверное, и остались бы в семейной памяти, если бы не случайно брошенная ею фраза о дневнике и военных заметках её предка, которые он вёл все годы Великой Отечественной войны...

Война застала 43-летнего Григория Вершило, большевика с 1926 года, опытного политического работника, в Верейском районе Московской области. Оказавшись на оккупированной территории, свою борьбу с гитлеровцами он начал в партизанском отряде. К этому периоду времени относятся его первые заметки – очевидца и участника тех событий...

Григорий ВЕРШИЛО

ЮНЫЙ РАЗВЕДЧИК КОЛЯ ЕВМЕНОВ

Шли грозные дни осени 1941 года. Красная армия под натиском превосходящих сил противника, ведя ожесточённые и кровопролитные бои, отступала.

Партизанскому отряду, обосновавшемуся в лесу, вблизи линии фронта, приходилось заниматься не только своими непосредственными делами: нарушением связи и коммуникаций противника, нападением на его обозы, транспорты, склады и т.д. Часто к командованию отряда обращались за помощью отдельные группы разрозненных частей Красной армии, выходящие из окружения, с просьбой дать проводника для сопровождения их через линию фронта.

Неоценимую услугу в этом деле партизанскому отряду оказывал подросток, сын бывшего председателя колхоза Коля Евменов.

Хорошо зная здешние леса, он сам пришёл к командиру отряда и заявил: «Хочу помогать вам в борьбе с фашистами».

Войну Коля встретил учеником 6-го класса школы. Отец в первые дни был призван в ряды Красной армии. Семья же не смогла эвакуироваться и осталась на оккупированной территории.

Коля Евменов был рослым, жизнерадостным парнишкой с постоянно улыбающимся лицом. Он всегда приносил какие-нибудь важные сведения о противнике. Нередко Колю вызывали в землянку командира и комиссара отряда, и там они оставались наедине. После этого группа партизан уходила на боевое задание или через линию фронта направлялось срочное донесение в части Красной армии. Немало было уничтожено гитлеровцев и военной техники благодаря ценным донесениям разведчика Коли Евменова.

Однажды из окружения выходил штаб одного из соединений Красной армии. Штаб двигался в боевом порядке с головным и боковыми охранениями. Боковое охранение случайно натолкнулось на «секреты», выставленные партизанским отрядом. Произошла встреча командования отряда с руководителями штаба. Надо было во что бы то ни стало провести штаб соединения через линию фронта. В проводники был дан комсомолец Евменов. Долго комиссар отряда Евтеев беседовал с Николаем, разъяснял ему чрезвычайную важность этого поручения.

Несколько дней не было Евменова. Наконец он, как всегда, улыбающийся, возбуждённый, появился в отряде. Доложив командованию о том, что данное ему боевое задание выполнено, он долго рассказывал, как пришлось

вести группу по лесу, форсировать реку, как эту группу радостно приняли за линией фронта, а его наградили ценным подарком.

Близились 24-я годовщина Великой Октябрьской социалистической революции. Командованию отряда надо было связаться с частями армии, передать важные сведения о противнике, наметить совместные действия.

Для этого был назначен партизан Смирнов, а в проводники ему был дан комсомолец Евменов. За несколько дней до праздника отправились партизаны в опасный путь. Их возвращения ожидали к 7 ноября. Но в этот день никто не возвратился. Ничего не принёс отрядного и следующий день.

Утром 9 ноября в ожидании завтрака партизаны собрались у кухни. Обменивались мнениями о задержке возвращения своих товарищей с Большой земли, строили разные догадки, предположения. И тут из леса вышли партизаны Смирнов, Коля Евменов, а с ними трое незнакомых людей в гражданской одежде. Радости не было конца. Возвратившимся пожимали руки, их обнимали, целовали, начались рассказы, расспросы.

Прибывшие принесли с собой газеты с отчётом о торжественном заседании, посвящённом 24-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции, о состоявшемся на Красной площади параде.

И вдруг неожиданные крики: «Немцы! В ружьё!» Оказалось, что немецкий конный разъезд из нескольких десятков всадников неожиданно наткнулся на наш партизанский лагерь.

По команде командира отряда Пименова партизаны заняли боевые порядки, и началась винтовочная и автоматная стрельба по вражеским всадникам. Не ожидая такой встречи, гитлеровцы, дав несколько беспорядочных выстрелов, бросились наутёк. Партизаны, перебегая от дерева к дереву, били огнём по фашистам.

Прячась за ствол дерева и ведя огонь из винтовки, я увидел недалеко от себя невысокого человека, который тоже преследовал вражеских солдат. Что за человек? И только внимательно приглядевшись, я узнал в нём Колю Евменова.

В белой заячьей шапке-ушанке, всё такой же улыбающийся, раскрасневшийся, он вместе со старшими товарищами преследовал врага. Как после выяснилось, Николай Евменов, сидя с группой партизан, рассказывал им о том, как они переходили линию фронта. Услышав первые выстрелы, он не задумываясь схватил винтовку одного из партизан и вместе с другими принял участие в преследовании врага.

В этом бою фашисты недосчитались многих. С боевым крещением тебя, Коля!

БОЕВАЯ ОПЕРАЦИЯ

В селе Богородском Вереяского района до войны был большой дом отдыха. Здесь одновременно отдыхали до 600–700 человек рабочих и служащих.

У дома отдыха было своё большое подсобное хозяйство: скот, посевы, огороды, сады, парники. Скот перед приходом немцев был эвакуирован. Но большое количество хлеба осталось в скирдах необмолоченным. Ходившая несколько раз на разведку в село партизанка О. Д. Губарева рассказала, что вскоре после того, как в Богородицкое вступили немцы, они заставили местных жителей обмолачивать хлеб, который на автомашинах отправляли к себе в тыл.

В плане командования партизанского отряда стояло: воспрепятствовать отправлению хлеба в Германию – уничтожить необмолоченный хлеб, сжечь его.

Для проведения этой боевой операции была выделена группа под руководством Смирнова в составе Вершило, Барашко и ещё нескольких человек (фамилии их, к сожалению, не помню).

У партизан нет торной дороги. Партизанская дорога – это глухой лес, непроходимый частый кустарник, болота.

Заранее и дорога, и подход к объекту Смирновым были внимательно изучены. Специально подготавливались термические средства: ведь надо было поджечь хлеб и успеть скрыться. У нас был бикфордов шнур. Но как сделать, чтобы солома воспламенилась? Дело было зимой, и она могла оказаться сырой.

Партизан Кузовлев предложил, и это предложение было принято: порох из 8–10 винтовочных патронов нужно высыпать в марлю и привязать к бикфордову шнуру. Пламя, дойдя до привязанного пороха, должно воспламенить его. А чтобы солома ещё лучше загорелась, вокруг пороха, завёрнутого в марлю, мы должны были раскидать 1–2 коробка спичек.

Как показало дело, придумано было очень умно.

Наша боевая группа вышла на задание перед вечером. В лесу партизанскими тропами мы ходить не боялись. Немцы же сунуть в лес свой нос опасались. Тем не менее вдоль большой дороги, что шла от Вереи на Богородицкое, днём всё время ходил патруль – автоматчик, который периодически давал короткие автоматные очереди в лес. С наступлением пяти часов вечера он уходил, и его не было до утра.

Партизанам надо было перейти эту широкую дорогу и быть при этом незамеченными. Конечно, можно было снять часового (сделать это было несложно). Но это было невыгодно. Во-первых, хватившись, что нет солдата, немцы бросились бы на розыски, помешали бы нашей операции. А во-вторых, они могли после этого установить усиленный контроль за дорогой, через которую нам часто приходилось переходить. А обычно мы переправлялись через дорогу без особых проблем.

Так и в этот раз: незамеченными мы пересекли дорогу и часа через два были недалеко от места предстоящей операции.

Мы залегли в лесу, одновременно и отдыхая, и наблюдая за полем, где стояли стога с хлебом, у самой деревни, где размещался большой гарнизон.

Немцы чувствовали себя в деревне хозяевами. В одном месте слышны были звуки песни, где-то был слышен свист. В помещении дома отдыха, где в то время помещался немецкий штаб, лаяла собака. Гитлеровцы абсолютно не чувствовали, что вблизи них притаились партизаны.

Стемнело. Мы полежали ещё около часа. Вблизи нас прошла немецкая машина. В другое время эту машину партизаны не упустили бы...

Тем временем в деревне установилась тишина. Слышны были лишь шаги патрулей, ходивших по деревне, их скрип раздавался в морозной тишине.

«Пора», – сказал Смирнов.

Мы заранее были разделены на две группы, чтобы поджечь сразу два стога хлеба. Было условлено, что сделаем это одновременно, когда Смирнов из леса даст сигнал двойным миганием электрического фонаря.

Две группы партизан разными дорогами поползли к объектам. Один из каждой группы полз впереди, остальные несколько сзади. Мы – у цели. Быстро раскапываем солому – делается как бы печь внутри стога, чтобы место, где следует поджечь, было сухое. Но вот всё готово. Зажжёнными спичками дан сигнал Смирнову о готовности. Напряжённые минуты ожидания. Наконец-то видим мигание фонаря...

Вспыхивают спички, зажигается бикфордов шнур.

Как можно быстрее мы отходим в лес. И, как только встречаемся со Смирновым, видим, как два пламени начинают быстро разгораться. Не отошли мы и километра, как жаркое пламя, превратившись в зарево, осветило всю окрестность.

На другой день разведка донесла, что все стога хлеба сгорели дотла. Ни один немец не вышел тушить пожар, боялись мести партизан.

1942 год Григорий Вершило встретил уже в действующей армии, сначала политруком в одной из стрелковых рот на Западном фронте, затем – замкомандира батареи, а вскоре и замкомандира полка по политчасти. Закончил войну уже капитаном, заместителем редактора газеты 413-й стрелковой дивизии 2-го Белорусского фронта. Был дважды ранен, награждён орденами, боевыми медалями и многочисленными благодарностями Верховного Главнокомандующего...

Немногочисленные открытки и письма с фронта... Они пронизаны мыслью о грядущей победе, тоской по мирному дому и далёкой семье. Приведу одно из них, написанное сыну Виктору.

«Как же я обрадовался вашим письмам. Настроение и так было неплохое, а тут поднялось ещё больше. Явилось ещё большее желание беспощадно бить фашистских гадов, скорее прогнать их с нашей советской земли и закончить войну...

Я хочу, чтобы, когда приеду домой, вы все были живы и здоровы, поэтому берегите своё здоровье, помогайте друг другу. Молодец, что помогаешь маме, бабушке, она мне тоже об этом писала. Так и надо. Ведь этим вы тоже помогаете нам, Красной Армии, бить врага.

Целую, папа».

Штеттинско-Ростокская операция – одна из последних операций советских войск, часть Берлинской наступательной операции, проводившаяся с 20 апреля по 5 мая 1945 года. В её ходе части 2-го Белорусского фронта разгромили немецкие войска на севере Германии и соединились с войсками англо-американских союзников.

Вот как увидел и описывает её участник капитан Вершило.

ФОРСИРОВАНИЕ ОДЕРА, ШТЕТТИН ВЗЯТ!

Славный боевой путь прошла наша Брестская Краснознамённая дивизия за последние месяцы боёв. Бои за Наревский плацдарм, форсирование Вислы, участие в овладении Данцигом, а затем – бои за Штеттин...

Двенадцать благодарностей Верховного Главнокомандующего получила дивизия. Каждая благодарность – это ожесточённые бои, это умелые действия, это прорыв фронта, освобождённые города и иные населённые пункты, вызволенные из неволи советские, польские граждане, освобождённые пленные.

Последние бои при форсировании Одера были ожесточёнными. Это была, пожалуй, самая трудная операция форсирования реки из тех, что приходилось проводить дивизии за весь её боевой путь. Одер имеет два рукава – Ост Одер и Вест Одер, разделённые островом. Пойма обоих рукавов заболоченная. Место фор-

сирования, которое было определено для нашей части, – вдоль автостреды Штеттин – Берлин. Мосты противником взорваны. С высот, расположенных на западном берегу реки, всё далеко вперёд просматривается и простреливается артиллерийским, миномётным и пулемётным огнём.

Форсирование началось за сутки до начала самого наступления. Подразделение автоматчиков с пулемётами в ночь переправилось через Ост Одер и, хорошо замаскировавшись в кустах на острове, целый день не подавало никаких признаков жизни, чтобы не навлечь на себя огонь противника. А утром, как только был подан сигнал к началу наступления, автоматчики на лодках сразу переправились через Вест Одер и закрепились на захваченном небольшом плацдарме. Его площадь едва ли превышала 10 кв. километров.

Несколько дней с ожесточёнными боями части дивизии продвигались вперёд, расширяя плацдарм в ширину и глубину. Огонь по наступающим противник вёл не только с высот, но и с фланга, из самого Штеттина. Желая сбросить в реку наступающих, противник предпринимал частые контратаки.

В один из таких дней, рано утром, противник силою до двух стрелковых рот контратаковал позиции одного из наших подразделений. Но гитлеровцев встретили стойкие, умелые воины, вступившие с врагом в рукопашную схватку.

Отличился красноармеец Дмитрий Тулуз, призвавший бойцов твёрдо стоять на занятых рубежах. Дружно открыли огонь из винтовок и автоматов. В ход были пущены ручные гранаты. Когда контратака была отбита, перед окопами взвода насчитали до полусотни трупов вражеских солдат. Шесть из них – дело рук Д. Тулуза.

Комсомолец Михаил Шинкаренко в этом бою умело применил против немцев их же оружие – фауст-патрон. А комсомолец сержант Лазарь Кержман в бою захватил немецкую снайперскую винтовку и вёл из неё огонь даже после того, как контратака была отражена. Его находчивость и боевая активность были поставлены в пример в специально выпущенном боевом листке-молнии, а командир объявил ему благодарность.

Первыми из артиллеристов, переправившихся через реку, были связисты-телефонисты Балгобаш и Казачков. Они коммунисты и хорошо понимали, что от них во многом зависит чёткое управление боем. Быстро протянули провод через реку, соединив телефонной связью передовой наблюдательный пункт своей батареи с её огневыми позициями. Когда немцы предприняли первую контратаку, по ним уже успешно вела бой эта батарея.

Особенно много пришлось поработать сапёрам. Как только было завоёвано предмостное укрепление на западном берегу Одера, были наведены понтонные мосты, пущены в ход плоты, лодки, катера. Но этого оказалось недостаточно. Надо было строить ещё несколько мостов. И вот под артиллерийским огнём, несмотря ни на какие опасности, работали сапёры. Из Штеттина немецкие батареи вели огонь по переправам, появилась вражеская авиация, которая сбрасывала бомбы...

Особенно памятна одна ночь. Через один из мостов непрерывным потоком шли автомашины, подводы, нагруженные боеприпасами. Вражеские самолёты, развесив фонари, непрерывно бомбили переправу. И всё же славные сапёры выдержали. Они знали, что от их работы зависит успех наступления.

И когда мосты были построены, когда через них хлынула вся военная техника: артиллерия, танки, самоходные орудия – противник не выдержал.

Особенно активно действовала наша штурмовая и бомбардировочная авиация. С утра и до позднего вечера штурмовики и бомбардировщики наносили удары по вражеской обороне, уничтожали технику, живую силу. В беспорядке противник, бросая оружие и боевую технику, стал отступать.

Все дороги, ведущие на запад и север к Балтийскому морю, заполнили непрерывные потоки колонн войск Красной армии. Шли танки, самоходная и полевая артиллерия, гвардейские миномёты, автомашины, пехота, двигались обозы.

Ничто уже не могло остановить этот поток, да и никаких сил к этому у противника не было:

он был разбит на отдельные группы, парализован. Чувствовалось, что наступили последние дни войны с фашистской Германией.

До окончания Великой Отечественной войны осталось всего несколько дней. Вот что пишет в своём дневнике воин-победитель Григорий Вершило.

3 МАЯ

На Запад форсированным маршем идут войска Красной армии: движется боевая техника, автомашины, войска. На повозках, автомашинах красные флаги. Колонны идут круглые сутки, без остановки. Лишь кое-где, у взорванных мостов, на переправах, происходит задержка.

Навстречу движется другая непрерывная колонна. В ней – возвращающееся немецкое население. Повозки разных размеров и форм. Одни представляют собой хорошо оборудованные вагоны, обшитые, со стеклом, на резиновом ходу, запряжённые тройкой добротных першеронов (порода лошадей-тяжеловозов). Это богатые помещики, фермеры возвращаются со своими семьями. Другие повозки поменьше, запряжённые парой и даже одной лошадью. И наряду с этим – ручные тележки, которые тянут за собою иногда старик со старухой, молодые девушки. И на каждой повозке – белый флаг. У каждого немца, немки на рукаве – белая повязка. Даже маленьким ребятишкам повязали белые повязки или дали в руки белый флажок.

Это идут побеждённые навстречу своим победителям.

Но не только белые флаги развеваются в этой колонне, движущейся с запада на восток. На многих повозках национальные флаги Франции, Польши, Чехословакии, красные флаги Советского Союза. Это освобождённые от немецкой неволи французы, поляки, советские граждане. Они тепло приветствуют Красную армию, на ходу перебрасываются отдельными фразами, многие плачут от радости.

Беспрерывным потоком идут пленные. Они не конвоируются. У каждого на руке такая же

белая повязка. У каждого австрийца на белой повязке надпись: «австриец». Они не хотят, чтобы их путали с немцами.

Гражданскому населению вбили в головы, что Красная армия будет всех убивать. Русский солдат высоко держит честь Красной армии. Он не издевается, он не убивает гражданское население. Он не уничтожает немецких солдат и офицеров, сдавшихся в плен.

Он здесь идёт по Германии как победитель.

После того как на западном берегу Одера прорвали оборону, мы не слышим выстрелов, не видим немецких самолётов, наши части продвигаются, не встречая никакого сопротивления.

Чувствуется конец войны. Пришла долгожданная новость: Берлин капитулировал!

4-7 МАЯ

Мы за городом Барт. Стоим у залива. Красивое место – залив Балтийского моря. Недалеко лагерь военнопленных американских лётчиков. Их много. Они очень рады своему освобождению, в восхищении от Красной Армии. При встречах приветствуют русских солдат и офицеров, угощают сигаретами, шоколадом. Мы их угощаем вином, кое-как, с трудом переговариваемся.

6-го пригласили к себе четырёх американцев, из которых один неплохо говорит на русском языке. Он русский. Его родители эмигрировали в Америку в 1908 году. Он родился в Америке. Его товарищи – один поляк, второй – итальянец, третий – шотландец.

8 МАЯ. 02:00

Всю ночь заграничные станции передают о капитуляции Германии, о подписании соглашения между Соединёнными Штатами, Англией и Советским Союзом с одной стороны и Германией – с другой. Большое веселье.

Сейчас из Лондона передают праздничный концерт. И странно, что наши радиостанции молчат. Упорно молчат.

8 МАЯ. 12:00

Получена шифрованная телеграмма т. Сталина о капитуляции Германии, о том, что сегодня с 23:00 прекращаются военные действия. В 15:00 будет передаваться правительственное сообщение. Радости нет границ! Все кричат и стреляют в воздух. Даже не верится в то, что война окончена, что не стреляет больше артиллерия, что прошла опасность и что скоро мы увидимся с родными, друзьями.

Вновь разговаривали с американцами. Они любители разных сувениров. У меня было несколько русских монет (по 20, 15 и 10 коп.). Я их подарил им, за что они были очень благодарны.

9 МАЯ

Сегодня в ночь опубликован Акт о безоговорочной капитуляции Германии. Указом Президиума Верховного Совета СССР день 9 мая установлен как Всенародный праздник Победы. День нерабочий.

12:00. Сегодня был парад частей нашей дивизии. Везде торжество, ликование в честь победы.

Я представляю, что делается в тылу. Сколько радости, торжества. Сколько горячих слёз радости пролито нашими дорогими жёнами, матерями, сёстрами, детьми, любимыми.

Я за ночь написал шесть поздравительных писем. Уверен, что сегодня мои друзья также пишут мне поздравительные письма.

От радости – неопишущее волнение. Утром устроили общий завтрак. Все перецеловались. Не обошлось без слёз. И за день много раз к глазам подступали слёзы, горло душили спазмы.

**Материал подготовил
Владимир ГАЛИН, журналист**

Вероника ТУТЕНКО,
г. Курск

ДУЭЛЬ

Если усталость согнула плечи
(в гору всегда тяжелей дорога),
знай, что стихи – это те же свечи.
Их в темноте не бывает много.

Если Земля как большущий камень
(ты же на ней миллионный лишний),
ты не молчи, ты кричи стихами,
в рифму кричи, и тебя услышат,

руку протянут и дверь откроют.
В мире хороших людей немало,
ведь удивительно ладно скроен
он по Божественному лекалу.

Так что довольно рыдать в подушку.
Жизнь покоряется чаще смелым.
Пусть кто-то скажет, мол, ты не Пушкин,
только у всех ведь свои дуэли...

* * *

Обложки книг – ворота
в волшебные миры.
– А как попасть в них?
– Просто, – учили буквари. –
Иди по Междустрочью,
седому от росы.
Там от берёз сорочьих
светло, как на Руси.
Там грузди и опять
укрылись от жары.
«Не здесь ли, в Тридесятом,
клад мудрости зарыт?»
Потом сверни налево,
направо поверни.
Живёт там королева
неведомой страны,
где стены невесомы
под крыльями жар-птиц.
А сказочные совы

слетают со страниц,
чтоб навсегда запомнил:
сильнее зла – добро.
...Мерцает на ладони
волшебное перо.

ГЕРОЙ УЖЕ В ПУТИ

*Стихотворение посвящено памяти
корневских волонтеров Александра
Келенджеридзе и Сергея Шапаря*

Огнями убаюкана столица.
Бодрит по «Авторадио» мотив,
и указатель – в сторону границы.
Там пекло. Но герой уже в пути.

Ему в ночи сигналият светофоры
то красным, то зелёным вдоль дорог,
а он спешит на старенькой «Приоре»
туда, куда не ехать он не мог.

Попутчик спросит: «Что ж ты дом оставил?
Повестку не пришлют тебе, отец.
А там, вдали, – война, она без правил». –
«Но жаль-то всех», – ответит наконец.

Вздохнёт попутчик: «Я и сам из Рыльска,
да вот заброшен в Тулу был судьбой».
Потом расскажет он, как видел крылья
однажды у шофёра за спиной.

Герой в пути. Его не остановят
ни дождь, ни град, ни даже колея,
ведь голосом отца в висках зов крови
стучит: «Кто защитит, если не я?»

Спешит он на границу, Воин Света,
не ищет ни наград, ни славы он.
И за спиной мерцают километры
дорог, а впереди – Армагеддон.

SMS-КИ АНГЕЛУ

* * *

...Здесь снова дождь. Нелётная погода.
Намокли крылья. Хочется курить.
И тучи – дым. И лето – время года,
когда вдали мерцают сентябри
лилово-красным чем-то. Жёлтым. Вроде
сверхмощных звёзд, но осень холодней...
Да знаю я, что дело не в погоде,
во всяком случае – не только в ней.
Когда вернусь? Не знаю. Видишь, лужи
на всей... они зовут её Землёй...
планете, да?! Но здесь я тоже нужен...
Поговори по-ангельски со мной...
Скучаю, да... Да я опять о горнем!
Вообще-то здесь неплохо иногда.
Дома. Машины. Люди. В общем, город.
Да не курю я! Шутка. Ерунда.
Здесь даже весело! Ревнуешь? (Вот артистка!)
...И радуга. И дышится легко...
Я помню, да... Седьмое небо близко –
лишь кажется, что слишком высоко...

* * *

Чёрный кот по имени Клод Моне,
очень умный, почти что аристократ.
Так отчётлив его силуэт в окне.
Переходит дорогу, к счастью, не всем подряд.

Любит рыбку, боится больших собак.
В доме самое тёплое место – в углу диван.
А хозяин у Клода Моне – рыбак
и художник к тому же (никто не починит кран).

Утекает вода на кухне. Спешат часы,
видно, хочется след оставить им на стене.
Не торопится только он, распушит усы
чёрный кот по имени Клод Моне.

У музыканта опора – ноты.
Саксофонист, прогони сплин.
Кто-то несётся домой с работы,
кто-то торопится в магазин.

Прячет под куртку кота мальчишка.
Котик мурлычет: нескоро март.
Осень дурачится по привычке,
но от простуды спасает шарф.

Что там, спасает он даже в стужу.
Сыну его ведь связала мать.
За руку держит старик старушку,
вместе теплее и не упасть.

Друг наливает глинтвейн другу.
Друга ругает жена: «Не пей!»
Осень пройдёт (а добро – по кругу).
Саксофонист, не жалея о ней...

ВОКЗАЛЬНЫЕ ЧАСЫ

Вокзальные часы, нависшие над аркой,
они всегда спешат, спешат на пять минут,
но выбросят и их когда-нибудь на свалку,
а может быть, в музей когда-нибудь сдадут.
Да, время как музей, как мусорный
контейнер –
однажды целый свет разложит по местам –
и звёзды, и людей... У всех один конвейер.
Да, время не соврёт. Но нет, не верь часам.
Перроны, поезда и залы ожиданий...
(Что сложишь в чемодан?) И нет пути назад.
И строгий проводник не примет опозданий.
Поэтому часы спешат. Всегда спешат...

А ПОТОМ...

Тишина. На часах – разлука.
Время меряет километры.
Ты врываешься в дверь – без стука,
даже в форточку входишь ветром.

У неё – ежедневник, кофе,
в 19:00 – солярий.
В переменах ты тоже профи,
но сегодня опять в угаре.

Ты прощаешь её заочно,
добавляешь в печаль корицу,
пишешь письма, и рвёшь их в клочья,
и рифмуешь мечты и лица.

Боль с горчинкой – к стихам приправа.
– Переправь на другой берег,
где надежда, любовь и слава...
– Переправлю, но надо верить.

Но сначала ты будешь плакать
и бежать в темноте по лужам...
...А потом ты увидишь катер,
тот, что вслед, но уже не нужен.

ФОНАРЩИК

Бархат ластится к пальцам. Перчатки.
Мы покажем ветрам фигу.
Мы гуляем по старой брусчатке,
а фонарщик листает книгу
и закутался в шарф. Мёрзнет,
чай глотает. Лимон, корица...
Никогда зажигать не поздно
фонари, если ночь длится.
Одеяло прогрызли мыши,
и пылится в углу сонник.
И Фонарщик меня услышит,
тихо вложит звезду в ладонь мне.

* * *

Сумерки дождями обесточены,
и следы кошачьи в них повсюду.
Звёзды оставляют многоточия
в ночь, когда не время бить посуду.

Что-то остаётся... Сожаление?
Ночь крадётся мягкими изгибами.
У Земли сегодня день рождения –
может, это время быть счастливыми?

Может, это время взяться за руки,
«хэппи энд» в конце поставить повести?
Чтобы больше в мире стало радости,
чтобы меньше в мире стало горести.

Улыбнуться человеку...

ИЗ ЦИКЛА #НЕСТИХИ

Вита ПШЕНИЧНАЯ,

г. Псков

В. П.

Ну вот, и снова снег сочится
Сквозь свет фонарный вдоль дорог.
И всё, что должно, то случится,
Но бог ты мой, как время мчится
За нам не видимый порог!

Оглянешься, и захлестнёт
Волна отчаянья и боли,
И ощущение неволи
Как будто бритвой полоснёт
По верхней, рядом с сердцем, доле.

Несуетливо, молчаливо
День новый этой тьмой возвращён...
И бьёт в окошко веткой ива:
– Мы живы, Господи, мы живы
Пока ещё, пока ещё...

Бескрайние шепчутся дали
И месяц небес пустоту.
Их смыслы осилю едва ли,
Едва ли все знаки прочту.
Но месяц в окошке маячит,
Меня перед сном веселя,
И кружит, как маленький мячик,
В огромной Вселенной Земля.
Зрачки расшеперили звёзды,
Взирая на мир свысока...
В холодный рождественский воздух,
Как птица, нырнула строка...
...И слушают дальние дали
Немолчного сердца мотив,
Меня заслонив от печали
И душу от мрака укрыв.

На Крещение – ветер вьюжный,
Ни сугроба, ни снежка.
Говорлива, безоружна,
Мчит себе Пскова-река.

Стынут тоненькие ивы
По обочинам дорог.
А меж нами молчаливо
Бродит одинокий Бог.

Смотрит грустно, не мигая
На любимых чудо-чад,
От беды оберегая
Непутёвый свой детсад.

...
Скоро храмы захлопочут...
Кисть заката так ярка...
И уже стремится к ночи
Дня субботнего строка.

Купол Сергия с Залужья
Ловит неба благодать...
На Крещение – ветер вьюжный,
Только снега не видать.

Человек «уйдёт из жизни»,
Просто выйдя за порог.
Лунный серп в морозной выси
Набросает «некролог».

Всё продолжит мчать по кругу,
Беспрерывно мельтеша,
И дитём забьётся в угол
Чья-то бедная душа.

Сон ли, явь ли? Был ли, не был?
Жизнь сочится, как песок.

И сквозь сумрачное небо
На неё взирает Бог.

И уходит восвояси –
Ни упрёка, ни смешка.
Вечер в длиннополой рясе
Красит углем облака...

Стыннут маленькие лужи
В череде февральских лих...
Бог готовит постный ужин,
Как обычно – на троих.

И мурлычет «трали-вали»,
Добавляя в кашку соль,
Под пудовые скрижали
Приспособив антресоль.

А в раскрытое окошко
Снег метёт, как благодать,
Подставляет Бог ладошку,
Чтоб желанье загадать,

Чтоб упав в ночную негу,
Вечный слушая мотив,
Улыбнуться человеку,
Путь его перекрестив.

* * *

Не помнишь, что было в начале,
Не знаешь, что будет в конце.
В ночи, в беспричинной печали
Стоишь на подъездном крыльце.
И смотришь в бездонное небо,
На этот пустой чистовик.
О, как скоротечно-нелеп он –
Снежинок причудливых миг!
И сам ты, увы, скоротечен –
Прохожий, свидетель, беглец...
И все твои тихие речи
В терновый вплетутся венец.
А снег всё летает, как птица,
Весь город укутан в хрусталь.
И утром по новой страницу
Откроет январская даль,

Не помня, что было вначале,
Не зная, что будет потом...
Лишь ангел бесшумно крылами
Взмахнёт над церковным крестом.

* * *

Мальчики-солдатики,
Порох, мошкара...
Пуля-дура шастает
С ночи до утра.

Снег – водой колодезной,
Пледом – небеса,
Помнит даль белёсая
Ваши голоса.

Мальчики-солдатики,
Не усы – пушок.
Припорошит волосы
Вам слегка снежок.

Меток взгляд осмысленный,
Сдержаннее речь,
Шутка ли – Расеюшку,
Словно мать, беречь?

Крестики из олова,
Порох да кирза,
Сыпется на головы
Злая мороса.

Из огня да в полымя,
Пядь земли – форпост,
Мальчики-солдатики
Встанут в полный рост.

У кого допишется
В песне пара строф,
А кому до Вечности
Несколько шагов.

Снег – водой колодезной,
Пледом – небеса...
Мальчики-солдатики,
Ясные глаза.

* * *

Ничего не происходит,
Жизнь идёт себе, идёт,
Над домами хороводит
Двадцать пятый юный год.

То рассыпет белый морок,
То дождём заморосит.
Как же бесконечно долгод
День январский на Руси.

Я запутываюсь в числах
И теряюсь среди тем,
Глядя в стылые кулисы,
Как в колодезную темь.

Надо мною полог звёздный
Начинает ускользать,
Я ловлю губами воздух
И не знаю, что сказать.

А вдали заря восходит
И вот-вот рассвет вздохнёт...
Над землёю хороводит
Двадцать пятый юный год.

* * *

Смотришь на мир за окном, от недуга ёжась,
Солнце стекает в лужицы вдоль дорог...
Думаешь: «Не за горами весна, слышишь, Боже?»
И улыбнётся молча в ответ Бог.

И погасит светило, как свечку в храме,
Нашёптывая: «Всё наладится, всё пройдет».
И, прижавшись щекою к оконной раме,
Тихо, чтобы никто не услышал, вздохнёт.

А ты продолжишь либо смеяться в голос, либо
Плакать... Жизнь проживая от «а» до «я»...
И складывать (когда вспомнится вдруг) «спасибо»
Из картинок и знаков Вечного Букваря.

* * *

Молчаливо звёзды
Смотрят с высоты.
Рано или поздно
Перейдёшь и ты.
Не спеши, дружочек,
Не изжит твой век.
Вон как сильно к ночи
Сыпет мокрый снег.
Март опять недужит,
За нос нас вода.
И стекает в лужи
Обморок дождя.
В предвесенье хмуром
Этот день завис,
Семенит понуро
По асфальту Жизнь...
И вослед ей звёзды
Шепчут с высоты:
«Рано или поздно
Перейдёшь и ты...»

* * *

Сердце в тревожной сумятице мается,
Месяц лампадкой висит,
«Дикое русское» слово скитается
По необъятной Руси.

Гой, ты! – вдруг вспомнишь Сергея Есенина,
Сложится облако в Спас,
Родина снова больна и растерянна,
Как уж случилось не раз...

Гой ты! – раскинутся дали стоокие,
Брызнет берёзовый сок,
И занедужит душевными строками
Мятый, в линейку, листок.

«Отче!..» – вздохнёт подуставшая Родина,
Пыль отирая со лба,
Вроде бы живы пока ещё, вроде бы
Вьётся-прядётся судьба.

Выси бескрайние, тропочки узкие,
Неба вечернего грусть...
Молятся, молятся «дикие русские»
За бесконечную Русь.

В ПОГОНЕ ЗА МАХНО

Владимир ПЕРЕХОДЧЕНКО

Кандидат исторических наук, один из авторов популярных историко-публицистических выставок: «Последние годы Дома Романовых», «Последний император России», «Российская эмиграция: истоки» и других, – организованных под эгидой Правительства РФ, Московской городской думы, Российского дворянского собрания совместно с Государственным архивом РФ, музеями Москвы, Ярославля, Костромы и посвящённых государственным деятелям, памятным датам и событиям в истории России.

Размышляя над похождениями своего деда, попавшего в жернова Гражданской войны 1918–21 годов, я пришёл к мысли, что притуплённое чувство сопричастности к давним-давно свершившимся фактам затруднит неискущённому читателю осмысление событий, происходящих сегодня в том же самом этническом и геополитическом пространстве.

В этой связи следует обратить внимание на то, что такое яркое социально-политическое явление Гражданской войны, как махновщина, имеет не только глубокие, но и давние исторические корни. Она впитала вольнолюбивые, в том числе и анархистские, традиции запорожского казачества, и в первую очередь неприятие многих атрибутов государственной власти.

Традиции запорожско-махновской вольницы переняли и современные борцы за независимость Украины. Являясь самым большим по территории после России государством Европы, современная Украина представляет собой огромное гуляй-поле с унаследованной махновской идеологией.

В настоящем повествовании я расскажу об одной из страниц жизни Алексея Григорьевича Карпова – своего деда, казака, который оказал существенное влияние на мою будущую жизнь. И хотя ему в ту пору было всего 22 года, он в этом рассказе будет именоваться

«дедом». В данной истории наш герой будет не единственным персонажем, ибо его судьба и поступки определялись и другими личностями, вовлечёнными в эпохальное действие под названием «Гражданская война».

Шёл 1921 год. Судьба долго миловала Алексея, но когда-то это везение, по «полосатому» закону жизни, должно было закончиться. Над некогда мирной Марфинкой, расположенной в семидесяти километрах севернее Таганрога, проносились вселенские страсти. Шла Гражданская война. Простые люди, не оболваненные красной или белой пропагандой, не осознавали происходящего, боясь быть вовлечёнными в эту только Богу понятную кутерьму. Помните исповедь крестьянина в фильме «Чапаев»: «Белые пришли – грабят, красные пришли – тоже грабят. Куда бедному крестьянину податься? ...Выпить хочется, а денег нет...»? Вот и вся крестьянская идеология.

Дед, когда менялись власть и флаги на крыше экспроприированного помещичьего особняка, обычно сидел дома. Будучи бесхребетным подкаблучником, он строго исполнял наставление жены, каждое утро дувшей ему в тугое ухо: не высовываться. Но не всё зависело от исполнения этой установки, а многое – от Всевышнего, а может, ещё больше – от деревенских стукачей. Когда село захватила повстанческая армия Нестора Махно, на деда донесли самому Батьке, которому требовалось пополнение поредевших рядов его анархистской армии.

Ранним утром, когда дед ещё досматривал последний сон, во дворе послышался скулёж собаки, видимо, получившей увесистый пинок чьего-то сапога. Очнувшись, дед понял, что за ним пришли. В натопленную хату вместе с клубом пара ворвались два дюжих казака. Один из них сдёрнул с деда одеяло и, едва не оторвав ухо, быстро поставил его, как матрёшку, в вертикальное положение.

– Карпов? Алексей? – грозно спросил другой верзила, глаза которого смотрели в разные стороны.

– Да, – осипшим голосом ответил дед «косому» и тут же захотел в сортир, нестерпимо испытывая оба желания. – Мне бы выйти по нужде, – промямлил он.

– Обойдётся, ещё успеешь обосраться, когда окажешься перед Батькой, – ответил первый казак, которого мой дед окрестил про себя «дубовой орясиной» за его силищу.

«Соппротивление бесполезно», – прикинул Алексей и стал покорно, но медленно натягивать портки. В голове сверлило: «Где же Нинка?» Так звали новую, вторую жену деда. Может, она защитила бы его? Но, пошевелив мозгами, отбросил эту слабенькую надежду и стал так же медленно надевать рубаху.

Через полчаса, прошагав под конвоем через всё село, ловя сочувствующие и недоумённые взгляды сельчан, дед оказался в просторном тёплом доме, из которого махновцы выселили хозяев, предоставив его как штаб-квартиру для самого Нестора Ивановича. Зайдя, дед огляделся. В доме просторно, ничего лишнего: печка, два стула и несоразмерно большой стол, за которым сидел какой-то щуплый человек, похожий на попа. «Неужели это и есть тот самый Батька, который, по слухам, нещадно бил красных, пока не покраснеют, и белых, пока не побелеют?» – с опаской подумал он.

Дальше события развивались стремительно. Щёлкнув пальцами и подняв глаза, Нестор как бы отдал какой-то приказ. Понимая невербальные команды своего повелителя, конвоиры деда заняли позиции слева и справа от него, сделав ещё полшага назад.

Наконец у Батьки прорезался голос:

– Ну так что, любезный, присягнёшь мне? – еле слышно спросил он.

Не зная, как безопаснее для себя отказать атаману, дед стал лепетать:

– Да я... да мне... по хозяйству... она не справится... а как же скотина... и вообще... не знаю...

Не закончив свой путанный монолог, дед неожиданно получил увесистый удар кулаком в правое ухо и, пролетев по воздуху несколько

метров, оказался в левом углу горницы, около печки, которая и остановила этот полёт.

– Вставай, любезный, – услышал он в полумраке голос Махно, – и ответь мне на тот же вопрос: будешь служить у меня?

Преодолевая боль, дед неторопливо поднялся. В глазах искрило, двоилось, троилось, множилось, тараканы в голове побежали в разные стороны. Но, взяв себя в руки и всё же не желая давать прямой ответ, он выдавил из себя:

– Надо подумать. – И тут же пожалел об этом, отлетев от удара «орясины» ближе к столу, под которым торчали ноги Батьки в начищенных до блеска сапогах. «Не буду вставать, будь что будет», – решил Алексей.

Как будто прочитав его мысли, Батька изрёк:

– Поднимите его и дайте воды!

Уже через какие-то секунды он сидел на табурете перед ненавистным атаманом и тупо смотрел на него.

– Ну как? – спросил тот.

Инстинкт самосохранения сработал быстро, и дед дал единственно правильный для себя ответ:

– Буду.

Искусство убеждать у махновцев было поставлено на высокий уровень.

Анархист Махно в годы Гражданской войны лавировал между различными политическими силами, желая извлечь из этого максимальную выгоду. Был в союзе с красными, воевал вместе с ними против Деникина и Врангеля, гетмана Скоропадского и Петлюры, пытался заручиться поддержкой донского казачества. Но в то же время махновцы объединялись иногда со злейшими врагами, например петлюровцами, против казаков и Деникина. Но всегда они были ненадёжными союзниками, чем восстановили против себя всю разномастную оппозицию.

Положение повстанческой армии усугубилось тем, что на последнем этапе Гражданской войны анархистское войско уже не пополнялось за счёт крестьян-добровольцев.

Нутром уловил эти настроения и мой дед, подневольная служба которого у махновцев шла ни шатко ни валко. Будучи человеком замкнутым по своей природе, он своим молчанием вызывал

подозрение у разудалых махновцев: «Поди, догадайся, что у него на уме».

Вторым «недостатком» деда было то, что он был непьющим. Для бесшабашных махновцев, в минуты их «досуга» предававшихся загульным вакханалиям, непьющий мужик казался чужим: «не пьёт с нами, значит не уважает».

И последнее несовпадение с махновским укладом – его отношение к участвовавшим грабёжам. Нет, он не был святошей, когда экспроприировали у мироедов. Но когда махновцы стали грабить простых крестьян, совесть деда восстала. Открытых протестов его натура не допускала, но в душе поселились разлад и сумятица.

Надвигающаяся весна разбудила крестьянскую сущность нашего героя. Нестерпимо захотелось вернуться к своей бабе, к земле, небольшому, но до боли родному хозяйству.

Всё это вместе взятое породило мысль о побеге. И хотя дед знал, что дезертирство у махновцев каралось смертной казнью, всё же тоска по родному дому пересилила страх, и он принял решение при первой же возможности бежать.

И вскоре такая возможность представилась. После очередного удачного рейда отряд махновцев, в котором служил невольник-дед, расквартировавшись в одном из хуторов, по обыкновению, праздновал свою победу. По приказу командира Алексей и ещё несколько трезвенников готовили нехитрую закуску из заимствованных у кулаков припасов.

Поднося закусок к лужайке, где нетерпеливые махновцы вовсю праздновали свою вымышленную победу, дед услышал от одного из взводных командиров:

– Лёха, неужели ты и сейчас за Батьку не выпьешь?

«Надо выпить», – решил расчётливый дед и, взяв протянутую ему кружку, махом осушил её. Громогласное «ура!» довольных махновцев сопровождало проникающий во все поры трезвенника мерзопакостный сивушный напиток. Деда перекособочило, но, проглотив солёный помидор, он всё же сделал слабую попытку улыбнуться.

– Вот теперь ты наш, – сказал командир с созвучной протекающему процессу фамилией

Наливайко и одобрительно похлопал деда по плечу.

Вопреки своей сущности, но по задуманному сценарию деду пришлось до ночи участвовать в этой противной ему попойке. Он попытался даже тост произнести «за нашего удалого, героического и справедливого атамана», чем завоевал ещё большее одобрение пьяных махновцев.

Когда уставшие и подвыпившие вояки расходились на ночлег, дед сознательно вытошнил содержимое желудка, вызвав сочувствие собутельников.

– Ничего, спать будешь крепче, а утром мы тебе здоровье поправим, – сказал один из них.

Но спать он не стал. Пролежав полчаса с открытыми глазами, потихоньку поднялся и под хоровой храп лежащих на полу сослуживцев вышел из избы. Увидев часового, он попытался показушно вызвать приступ тошноты, но, к удивлению, всё получилось довольно естественно и отвратительно. Часовой даже брезгливо выдавил из себя:

– Отошёл бы подальше, весь двор загадишь.

– Пойду коня искупаю в речке и сам окунусь, иначе помру, – охрипшим голосом прогнусавил дед.

– Давай, только быстро. Ты же знаешь, нельзя отлучаться, – проявив сочувствие, разрешил часовой.

– Через полчаса вернусь, – соврал Алексей.

Однако через полчаса он уже во весь опор мчался на северо-восток к родному дому, к своей ненаглядной, милой сердцу Марфинке.

Забрезжил рассвет. Ещё не взошедшее солнце озарило верхушки стоявших поодаль на пригорке деревьев, каким-то образом выросших в голой, выжженной солнцем степи.

Прикинув, что он ускакал довольно далеко от махновского становища, дед решил отдохнуть и заодно выпasti своего коня, который, похоже, выбился из сил. Стреножив лошадь, он прилёг в тени и тут же, вопреки здравому смыслу, безмятежно заснул.

Его беспробудный сон неожиданно закончился от резкой боли в правом боку. Открыв глаза, он увидел спешившихся красноармейцев в суконых шлемах с большими красными звёздами.

«Буденновцы, – смекнул Алексей. – Но зачем же бить так больно по почкам?..»

Как будто угадав его мысли, взявший на себя ответственность за болезненный пинок детина произнёс:

– Извини, не рассчитал. Кто такой? Откуда, куда, зачем?

Смышлёный дед понял, что правду сказать выгоднее, во всём признался, и это произвело нужное впечатление на будённовцев.

Вскоре дед оказался на постое будённовского корпуса. Не обласканный, но накормленный, напоенный, экипированный и наученный батькой Махно не говорить «нет», он дал согласие на службу в Первой конной. Так махновец Карпов стал красноармейцем.

Переходя к следующей странице из богатой биографии деда, простившегося с мечтой о мирной и счастливой жизни, следует обстоятельно рассказать, в какую передерягу он попал.

Как известно, в борьбе с белогвардейцами советское командование считало Махно ненадёжным союзником. И поэтому естественным было желание разоружить и расформировать отряды повстанческой армии.

Самым простым способом покончить с анархистским повстанческим движением, по мнению большевиков, была ликвидация его лидера. Поэтому на поимке Махно было сосредоточено особое внимание. С этой целью был сформирован специальный отряд, в который включили чекистов, надёжных красноармейцев и людей, знающих слабые места и повадки махновцев. Командиром отряда был назначен комэкс с хмурой фамилией Туча. Оказался в этой команде и мой дед.

Трудная задача устранения лидера анархистов усугублялась тем, что на последнем этапе Гражданской войны Махно разработал новую военную тактику. Следуя ей, махновская конная армия разбивалась на отдельные мобильные отряды, которые, внезапно заходя в тыл красноармейским подразделениям, громили и сокрушали их. В каком из этих отрядов мог оказаться батька Махно, узнать было довольно сложно. Но всё же информация об этом поступала как от «наших махновцев», так и от обиженных анархистами крестьян.

В один прекрасный день, точнее вечер, всё сложилось так, как хотелось. По поступившей информации, повстанцы во главе с самим Батькой вошли в одно из ближайших сёл и расположились на ночлег. Следуя приказу, будённовский отряд под покровом ночи занял позиции вокруг этого села. Расставив бойцов по номерам, командир удовлетворённо прошептал:

– Муха не пролетит. Если всё сложится, как надо, запахнет орденом. – Блаженная улыбка долго не сходила с его лица.

На одной из позиций оказался и мой дед, который уже больше месяца носился по степям в погоне за неуловимым атаманом. Бесшумно окопавшись, дед нарвал полыни и замаскировался. Осталось набраться терпения и дожждаться рассвета.

Прошёл час-другой, нестерпимо захотелось спать. Чтобы прогнать сон, дед достал припасённый кусочек хлеба с салом и приказал себе медленно жевать. Не получилось. Всё было проглочено в один момент. Сон снова стал накрывать его, напряжённые веки медленно опустились, и дед провалился в тёмную бездну.

Сколько проспал, не помнит. Увидев во сне гневное лицо командира, вскочил как ошпаренный, наступив на какой-то сучок. В абсолютной тишине раздался треск, рядом с шумом взлетела испуганная птица. «Всё, влетит по полной», – вытирая испарину со лба, подумал дед. Послышалось движение на соседней позиции. «Ещё этого не хватало. Заложит Васька, как обычно. Скотина!.. Только бы хорошо всё закончилось».

С этой мыслью дед перевернулся на спину и, чтобы снова не уснуть, стал считать звёзды. Церковно-приходского образования явно не хватало, но, к счастью, звёзды постепенно растворились. Светало. Стараясь перекричать друг друга, заголосили деревенские петухи. Взошедшее солнце убрало утренний озноб, приободрило. Дед стал вслушиваться в звуки просыпающейся деревни, стараясь выделить нужное.

Тщательно организованная засада работала чётко. Жителей, пытавшихся выйти из села, разворачивали обратно, попутно узнавая о численности отряда махновцев. Атаман в папахе, по описаниям крестьян, был очень похож на Махно.

Очевидно, и махновцы, получив информацию от вернувшихся недовольных сельчан, поняли, что находятся в окружении. «Надо ждать прорыва, пять пулемётов достаточно, чтобы положить всех, – лихорадочно думал Степан Туча, – но Батьку желательно взять живым». Такова была установка.

Томительно тянулось время. Прошло ещё два часа в тревожной тишине. И вдруг за околицей, как привидение, появилось какое-то двуногое существо в истрёпанном балахоне. Приблизившись, «двуногое» преобразилось в древнюю сгорбленную старуху с клюкой, с горбатым носом и лохматыми бровями. «Нет, до таких лет не доживают», – подумал дед и перекрестился.

Неожиданно откуда-то появившийся командир строго сказал:

– Бабуля, скажи обратно домой. Из села никого не выпустим.

– Сыночек, мне травки целебной надо собрать в овраге, иначе помру. Не бери грех на душу, – запричитала та скрипучим голосом Бабы-яги.

– Василий, проследи за ней. Не спускай глаз. Через полчаса чтоб были здесь.

Козырув, Василий поплёлся за старухой.

Вслед за этим над позициями красноармейцев засвистели пули. И хотя бойцы предвидели боевые действия, как всегда, это получилось неожиданно. Выручили пулемётчики, открывшие ответный огонь.

Бросившаяся в прорыв конница махновцев, попав под перекрёстный огонь, была почти полностью уничтожена. И только после третьей попытки некоторым из них удалось вырваться из окружения.

Тщательная подготовка к бою и более выгодные позиции будённовцев предопределили исход сражения.

Основательно прочесав всё село, каждую хату, каждый сарай, красноармейцы так и не обнаружили самого Махно. Догадка, осенившая Степана, подсказала ему, что Батька виртуозно одурачил всех, переодевшись в клятую старушеницу. Найденный в овраге окровавленный труп будённовца Василия подтвердил это крайне нежелательное умозаключение. А как хотелось

наказать обрыдлого атамана! Но прежде чем наказать, его ещё нужно было поймать.

По итогам этой операции от разгневанного Семёна Михайловича, который готовил грудь для новой награды, досталось всем: командиру отряда, рядовым бойцам, а также нашему деду, не сумевшему в старухе распознать изощрённого атамана.

У Семена Будённого были особые отношения с Нестором Махно. На полях сражений они встречались неоднократно, и счёт их поединков был далеко не в пользу командарма Первой конной. И всё же окончательную победу в Гражданской войне одержали Советское государство и непобедимая Красная армия.

Для любознательного читателя откроем главный секрет этой победы. Исход Гражданской войны в России во многом зависел от симпатий или антипатий крестьянства, которое составляло три четверти населения страны. Придя к власти в 1917 году с привлекательным для крестьян лозунгом «Земля – крестьянам!», большевики привлекли на свою сторону этот социальный слой, что обеспечило так называемое «триумфальное шествие советской власти» по всей стране. Однако уже в начале 1918 года они совершили фатальную ошибку, введя продовольственную развёрстку, согласно которой излишки сельскохозяйственной продукции экспроприировались в пользу государства. Продовольственные отряды термин «излишки» трактовали достаточно вольно, нещадно грабя крестьян. Недовольные крестьяне стали пополнять белое движение. Отсюда вывод: продовольственная диктатура стала одной из главных причин Гражданской войны, её масштабов и длительности.

Замена продразвёрстки продовольственным налогом принципиально изменила расстановку сил в ходе Гражданской войны. Расчётливый крестьянин-середняк повернулся лицом к Советам.

Крестьянская психология моего деда подсказывала ему, что и он сделал правильный выбор. Душевные муки потихоньку прошли, появились осознание сопричастности к службе в Красной армии и уверенность в её скорой победе. Однако извечное собственническое начало не давало Алексею покоя, его тянуло к земле. Он помнил,

что у Батки бойцы отпрашивались на посевную и уборку урожая. У Будённого такой номер не проходил. Дисциплина здесь была намного жёстче. Вспомнилось, как бойца, опоздавшего с похорон отца на двое суток, чуть было не расстреляли. После этого случая об увольнительных в отряде уже никто не помышлял.

Будённовцы продолжали теснить остатки повстанческой армии, попутно преодолевая сопротивление контрреволюционного казачества, поддержкой которого хотели заручиться махновцы.

Поимка или ликвидация неуловимого анархиста оставалась для Семёна Будённого первостепенной задачей. Личные обиды на Батку побуждали его сильнее, чем директивы из Кремля.

Получив новое задание, эскадрон, в котором служил Алексей, вошёл в тыл к махновским соединениям и ждал удобного случая. Кольцо вокруг повстанческого отряда, в котором, по данным разведки, пребывал сам атаман, неумолимо сжималось. Ну а сам Батка, обозлённый на будённовцев, стал проявлять по отношению к ним необыкновенную жестокость.

Преследуя целый день махновцев, к вечеру отряд по приказу командира разделился на две части. Большая, в которую волей случая попал боец Карпов, нашла укрытие в глубоком овраге, поросшем густым терновником. А вторая, меньшая, часть расселилась на хуторе, который находился недалеко, всего в полутора километрах.

И хотя весь вечер накрапывал занудный дождик, это не мешало уставшим бойцам быстро отойти ко сну. Оказался в объятьях Морфея и наш герой. И естественно, приснилось ему то, что царило у него в голове. Во сне к нему подошёл его любимый конь Буян и спросил: «Ну что, будем завтра пахать?» – «Будем», – улыбнувшись, сказал довольный дед. Ответное ржание Буяна перешло в неестественный для лошади хохот, и дед проснулся: «Какой, на хрен, пахать, живым бы остаться...»

Поднятая в хуторе беспорядочная стрельба разбудила спящих красноармейцев. Но вскоре так же неожиданно прекратилась. Что там случилось, можно было только догадываться. Посланные на хутор разведчики вскоре принесли жуткую весть:

тихо сняв дозор и перерезав спящих красноармейцев, махновцы, как призраки, растворились в темноте. По показаниям допрошенных крестьян, был среди них и сам Батка.

Взбешённый командир принял решение немедленно преследовать бандитов. Вернувшееся аналитическое мышление подсказало Степану, что если Махно не знает о существовании их отряда, то он, потеряв бдительность, остановится на отдых в одном из ближайших сёл.

Взяв в союзники интуицию и действуя на удачу, командир приказал обложить село, находящееся примерно в пятнадцати километрах от места злодейской расправы.

Когда оцепление села было завершено, Степан Туча распорядился:

– Карпов, в разведку! На свидание с крёстным тебя сам Всевышний посылает. Прикрывать тебя будет Иван Кравченко. Глубоко не заходить. Попадётесь в лапы махновцам – провалите всю операцию. Алексей, возьми мой именной бинокль, думаю, пригодится. Береги его, как жену от соседа. Полчаса на сборы – и вперёд! Ясно?

– Так точно! – откозыряли красноармейцы.

Приближающийся рассвет стимулировал лучше, чем приказ командира. Через пятнадцать минут короткими перебежками, а то и ползком они стали пробираться к двум стоящим на окраине села мазанкам.

Высокая нескошенная трава была их союзником. Перемахнув через плетень, разведчики крадучись приблизились к освещённому лучиной окну. При тусклом свете можно было разглядеть, что на полатах и вповалку на половиках спали дети. Бородатый мужик в длинной рубахе что-то толоч в ступе. «В избе тесно, значит, на постое никого нет», – подумал дед и тихо постучал.

Бородач, вздрогнув от неожиданности, уронил пест на босую ногу и, застонав, сдавленно промычал:

– Кого ещё лихоманка принесла? – И прихрамывая пошёл открывать дверь.

Войдя в сени, дед дал понять, что разговор будет коротким.

– Фамилия, имя?

– Однозуб Витаха.

– Сколько душегубов в прибывшем отряде?
– А я почём знаю. Темно было, – уклончиво ответил Витаха.

– Сколько примерно? В окно же смотрел, скотина. Мимо проехать могли только по твоему огороду. Или луна глаза застила? – грозно пробасил Кравченко.

– Ну где-то больше сотни, – мучительно, но уже более определённо промямлил хозяин.

– Уже лучше... А был ли среди них шибздик в белой папахе? – тихо спросил Иван и, чуть не уткнувшись в разлохмаченную бороду, прошипел: – Отвечай, коли жить хочешь!

Став более сговорчивым после недвусмысленного намёка, лохматый дал всю необходимую информацию. По его описанию, среди казаков, остановившихся у его жилища, был очень похожий на Батьку человек, раздававший налево и направо команды.

Информации было достаточно. «И на хрена нам бинокль?» – подумал дед.

– А чё там за веселье на другом конце слободы? – спросил он.

– А-а-а-а, так то Глашка, стерва, замуж выходит. Всех мужиков в селе перебрала и, подлюка, всё же нашла дурака. Думаете, остановится?

Перевести разговор на другую тему не удалось. Напоследок вместо «спасибо» от Ваньки он услышал:

– Проболтаешься – свинец горячий пить будешь!

На том и простились.

Возвратившись, они получили приказ занять позиции на главном тракте в низине, у мостика через ручей. Там заросли ракиты обеспечивали надёжную маскировку.

В селе всё стихло. Устала веселившая всю ночь гармонь, внезапно споткнувшись на мажоре. Не спавшие почти всю ночь бойцы стоически боролись со сном. Такой муки дед давно не испытывал. Чтобы не сомкнулись веки, он стал по-звериному открывать и закрывать рот. Помогало, но только в процессе. Останавливался – снова накрывало. Конвульсивно повернувшись на неожиданный храп напарника, со всей силой сомкнул челюсти и насквозь прокусил язык. Многоэтажное спонтанное выражение чувств

ко всем родственникам потревожило глубокий сон Ивана:

– Лёха, тебе чё, опять твоя кобыла приснилась? Постпи немного, теперь твоя очередь...

– Не хочу, – сказал дед и смачно сплюнул густую кровь.

Настроение было паршивым: «Какой номер сегодня выкинет Батька? В кого нарядится? Кем прикинется?» – роилось в голове Алексея.

И не только у него, но и у других будённовских парней, искусавших ногти почти до основания. Ходили слухи, что сопредельный будённовский отряд повёлся на такую уловку Махно, когда в стадо коров на утреннем выгоне втиснулись бандиты и из ручных пулемётов перекосили добрую половину бойцов. А довершили исход сражения вырвавшиеся из станицы тачанки – самое грозное военное ноу-хау Нестора Махно. «Так кто у кого на крючке, ещё вопрос, – сверлило в голове у моего деда. – Быстрее бы всё закончилось, по Божьей воле», – вздохнул он.

Рассвело. Но над селом по-прежнему висела зловещая тишина. Нет, следуя незыблемым законам бытия, братья меньшие всю заявляли о себе: лаяли, блеяли, мычали, гоготали. Однако людского присутствия долго не обнаруживалось. Становилось очевидным, что жизнь на селе расписана и протекает по чьему-то сценарию.

Но вот наконец слух уловил звуки знакомо пиликающей гармошки. Её лады становились всё более ровными и созвучными. И сидевшие в засаде бойцы снова слышали мелодии из ночного репертуара. Веселье набирало обороты.

Свадебный кортеж вылетел из села с быстрой молнии. Его стремительное приближение остановили выстрелы стоящих у мостика красноармейцев. Напирая друг на друга, запряжённые в тройку лошади, разукрашенные разноцветными лентами, резко остановились. Следующие за ними подводы с разнаряженными парнями и девицами чуть не врезались друг в друга. Раздались крики, визги выпавших из подвод девах, ругань подвыпивших парубков. Однако повторные выстрелы быстро остудили пыл прибывших.

Вышедший из-за спин красноармейцев осведомлённый командир спросил:

– На венчание в Ольховку едем? – И, не делая паузы, продолжил: – Все будут подвержены досмотру. Подчиняться неукоснительно, иначе плохо кончится! – Вынутый из кобуры пистолет стал самым сильным аргументом в его речи.

Жених хотел что-то возразить, но чопорная невеста, жеманно повернув голову, закрыла ему рот ладошкой. При наблюдении за невестой деду вдруг показалось, что та неожиданно подмигнула ему. Вся в свитках, с яркими алыми лентами и венком на голове, она сидела скромно, потупив глаза.

– Чё, и нашу невесту лапать будете? – басовито спросил восседавший на повозке огромный ряженный детина с румянами на щеках. – Может, ей ещё раздеться и показать все свои прелести? – добавил он.

– Заткнись! Я сказал, все...

Внезапно заигравшая гармонь не дала закончить диалог командиру. Свадебные подружки-красавицы пустились в пляс, увлекая за собой красноармейцев.

Неожиданно появилось угощение на подносах: самогон, пиво, квас, медовуха, сало, картофель, холодец, вареники, пироги... На самовольно вышедших из укрытия посмотреть на такое диво будённовцев посыпались орехи, конфеты, зерно, хмель. Попавшие в свадебную стихию красноармейцы не понимали, как вести себя в этой неразберихе. Руки некоторых неосознанно потянулись к угощениям. В руках отдельных бойцов появились лафитники с хмельным зельем. На гневные призывы командира Тучи и его отчаянную пальбу в воздух уже мало кто реагировал.

Всеобщим расслаблением красных бойцов и воспользовались ряженые махновцы. Их повозки дружно рванули с места, в одно мгновение превратившись в грозные тачанки. Стреляя и давя напропалую всех попавших под копыта и колёса, они стремглав унеслись прочь.

Тонкий психолог и кровавый бандит Нестор Махно очень точно всё рассчитал, при этом талантливо сыграв роль томной и застенчивой невесты. Невнимание будённовцев, отвлечённых свадьбой, оказало содействие заклятым врагам. Их прорыв из ловушки оказался лёгким и бескровным.

Это было полное и унижительное фиаско всего отряда специального назначения, его командира, а также нашего деда. После этого обидного и уничижительного случая спецотряд по приказу командарма был расформирован. Судьба его командира, к сожалению, нам неизвестна. А вот наш дед продолжил погоню за неуловимым Батькой, но уже на общих основаниях.

Несмотря на талант своего вожака как партизанского стратега и тактика, махновское движение во второй половине 1921 года резко пошло на убыль. Причины заката этого социально-политического явления мы уже объяснили выше. Они объективно привели к тому, что Нестор Махно в итоге потерпел поражение от Красной армии и был вынужден с небольшим отрядом сподвижников бежать в Румынию.

После серии забугорных приключений он оказался в Париже, где и умер в беспросветной нищете от туберкулёза в 1934 году. Так печально закончилась жизнь незаурядной личности – анархиста, бандита и романтика революции Нестора Ивановича Махно.

А наш дед, вернувшись с братоубийственной Гражданской войны, постепенно втянулся в мирную жизнь. Хотя ему ещё долго в кошмарных снах приходили жуткие видения той бойни, слышался звон клинков, ржание гнедых и стоны умирающих боевых товарищей. Часто во сне и наяву его не отпускал вынимающий душу, пронизывающий взгляд Батьки Махно.

Но постепенно время стёрло острые грани Гражданской войны. Богатая биография деда пополнилась новыми жизненными реалиями. На долю Алексея, как и всего его поколения, выпала коллективизация, голод 30-х годов, нелёгкая колхозная жизнь, участие в Великой Отечественной войне, сложное послевоенное время. При нём страной руководили одиннадцать правителей: от Николая Второго до Владимира Путина.

Менялись названия страны, формы правления и устройства государства, политические режимы, но не менялся наш дед. Он всегда был предан семье, Отечеству и своей Марфинке, в которой и почил в бозе в 2001 году, прожив 101 год.

Елена ЗАСЛАВСКАЯ

Поэт, член Союза писателей России, лауреат литературно-исторической премии «Моя Россия» в номинации «Современная поэзия» (2024), финалист Национальной литературной премии «Слово» (2024). Автор двенадцати поэтических сборников и поэмы «Новороссия гроз. Новороссия грёз» (2020). На стихи Елены Заславской написаны песни московской рок-группы «Зверобой», которые вошли в альбомы группы «Война за мир» (2017), «Родина» (2018), «Русская весна» (2021), «Добрый знак» (2024). Стихи Елены Заславской переведены на немецкий, французский, испанский, английский, литовский и болгарский языки.

РУКОПОЖАТИЕ

Шрам на руке твоей.
Как же смотреть мне больно!
«Взгляд отводить не смей!»
Но я отвожу невольно.
Глаз твоих мёд и медь.
Нет в них ни страха, ни муки.
В них отражалась смерть,
Твою пожимая руку.

ПОД ТРОИЦКИМ

Тебе моя нежность зачем?
Тебе моя нежность за что?
И сам ты не знаешь, наверно.
За розовый шрам на плече,
За сны о прекрасной Елене.
За то, что придумал Гомер,
А мы проживаем сегодня.
Как в море, в степи БТР
Под Троицким, словно под Троей.
Герой, поскорее проснись!
Гекзаметры нынче без толку.
– Я – Гектор. Парис, отзовись.
Приём! Доложи обстановку.

* * *

Полегли под Спорным...
Живи – не забывай!
Выжил только взводный
Коля-Николай.
В больничном коридоре
Говорили с ним:
«Полегли под Спорным.
Выжил я один.
Взяли мы опорник
Дорогой ценой.
Николай Угодник,
Спасибо, что живой».
Гроб, покрытый знаменем,
И прощальный залп...
Не забыть глаза мне.
Матери глаза.

* * *

Сквозь тьмы мазут:
«Нас всех убьют!»
В небесный град
Идёт солдат.
Идёт на свет –
Ценой побед.
Идёт на смерть.
И стонет степь.
– Давай-ка, ангел, подсвети!
– А где твои?
– Ещё в пути!

* * *

Так получились, что война!
И нам учиться умирать.
Нам заново учиться умирать.
И побеждать, конечно, тоже,
Но сначала,
Сначала всё же
Нам хорошо бы научиться умирать.
И прорасти сквозь жёсткий наст,
Сквозь мокрый снег,
Сквозь изморозь и ледяную стужу,
Сквозь «все забудут нас»,
Сквозь боль и ужас,
Сквозь смерть.
Расти, расти, расти, расти на свет.

Вот ты – побег, росток, но если нужно,
Ты – хлеб, ты – чёрный хлеб войны.
Ты – чёрный хлеб
Скорбей и бед
Своей страны.
Один из всех.
Один за всех.
Без имени. Без рода.
И в этом настоящая свобода,
Одна из тех побед,
Что создают величие народа.

* * *

Когда деревья умирают на войне,
Разбитые снарядами от пушек,
Когда сгорают в адовом огне,
Куда деваются их призрачные души?

Их души попадают в райский сад,
Где соловьи поют и днём и ночью,
Они летят, они туда летят
И прорастают в солнечную почву.

Никто ту землю потом не польёт,
Никто ту землю не польёт слезами
За то, что в ней лежит который год
Однополчанин с синими глазами!

И соловей в растрёпанной листве,
Хоть будет тьохкать, но без той печали,
Что всем понятна русским на земле,
Которые здесь жили и мечтали.

РУССКАЯ ИДЕЯ

Как говорил философ Дугин,
Лунарный и солярный Путин
Порой сливаются в один
Монументальный цельный образ.
Но мне не разобрать пути!
Куда мне, Господи, прости, брести?
Стою на перепутье.
И надо мной зияет космос.
Так, может, ввысь? Где свет планид?
Где росчерки ракет сигнальных?

Где пролетают FPV?
И под кевларовой скрижалю
Живое сердце, как магнит,
Их манит, светится, болит
И в каждый бой вступает жадно!

Как говорил философ Дугин,
Мол, страны моря нам не друзья,
Пределов у России нет.
Лети, душа, лети на свет!
Лети, оставь свои тревоги,
Здесь неизменны сотни лет
Просторы, дураки, дороги
И государевы остроги –
Для тех, кому покоя нет.

Здесь, на просторах евразийства,
Не раз ещё придётся биться
И утверждать в бою себя!
Так посмотри в родные лица,
В глаза, в которых отразится
Есть радость жизни для тебя!
Нам краткий миг всего даётся,
Чтоб превозмочь своё сиротство,
Сражаясь, мучаясь, любя.

Так что ты, русская идея?
Ты космос или Арктогея?
А может, ось, что свяжет их?
Меж бездной бездн и высью высей
Летит стрела свободой мысли,
Как мой воздушный лёгкий стих.
Под утро небо розовеет.
Заря восходит над Расеей –
Так вот он, правды ясный лик!

* * *

Не рыдай Мене, Мати,
Я за други погиб.
Я в последнем объёме
К первым травмам приник.

Свет земной благодати
Напоследок узрел.
Не рыдай Мене, Мати.
Сам свой выбрал удел.

На груди моей раны.
Лик мой светел и свят.
Сын весны-несмеяны –
Безымянный солдат.

Ты носила во чреве.
Ты вила колыбель.
Нынче саваном белым
Укрывает апрель.

Отцветающих яблонь
Облетающий цвет...
Не рыдай Мене, Мати!
Смерти нет.
Смерти нет.

* * *

В городе, полном печали,
Ветер с моря запутался
В кронах акаций,
Я вышла на берег песчаный,
Ракушку как рацию –
К уху. В ней зов
Из Азовского моря.
Так можно связаться
Со всеми,
Кто с той стороны горизонта.

– Ты слышишь меня?
Ну скажи же, ты слышишь? Ты слышишь?
Мой голос есть память.
Мой голос есть нить
Меж грядущим и бывшим.
Мой голос – волна...
Бесконечное эхо прибоя.
Ты слышишь меня,
Я тогда не вернулся из боя.
Но здесь я живой,
И ты слышишь бессмертную душу...

Упала в прибой
Из дрожащей ладони ракушка.

ОБЛАКА МАРИУПОЛЯ

И всё-таки я чувствую вину.
Хотя, казалось бы, ну в чём я виновата?
Я тихо руки окуну в волну,
Омывшую погибшего солдата,
В тот день весны,
Когда был шторм и шторм...
Врата Инферно – сердце Азовстали...
Когда виском упавшую звезду
Поймал он, и его не стало.

В тот день весны,
Когда был шторм и шторм...
Горел разгорячённый Мариуполь...
Остались только шрамы, будто швы,
И шум волны,
И птиц следы, как руны,
Барашки волн, как белое руно,
К нему стремятся чайки-аргонавты.
Нам прошлое исправить не дано.
Нам остаётся только боль и память,
И этот свет, и эти облака,
Как каравеллы неземных флотилий,
Они плывут, плывут издалека
В мой русский город с именем Марии.

Они везут надежду: будет мир.
Он дорогой ценой нам достаётся.
Нас эта вера делает людьми.
Она растворена в моей крови.
Она волной о берег сердца бьётся.

Патриотические стихи для детей

Евгений ХАРИТОНОВ

Член Союза писателей России. Автор четырёх книг стихотворений. Более двухсот публикаций в печатных изданиях в России и за рубежом.

Третий год мы день за днём
Сети с дедушкой плетём.
Ими мы солдат снабжаем,
Так Победу приближаем!
Ведь под сетью очень просто
Спрятать танк Т-90.

В детском садике у нас
Русской армии запас!
Коллектив мальчишек дружный,
Вы зовите, если нужно!

Наш сосед большой и сильный,
Служит в армии России!
Я решил, что непременно
Стану, как сосед, военным!

Вяжет бабушка носочки,
Не жалея силы.
Много у неё сыночков
В армии России!

Папа мне купил игрушки:
Танк и две большие пушки.
Если вдруг нагрянет враг,
Я не сдамся просто так!

Любим мы играть в игру
Под названием «Солдат».
Ходим строем по двору,
Каждый быть солдатом рад!
Командир у нас Илья!
Эх, досадно, что не я.

Подтянув свои штанишки,
Разговор вели мальчишки:
– Вот как стану я артистом,
Славу вмиг заполучу!
– Ну а я артиллеристом
Быть, как дедушка, хочу!
Дедушка герой у нас,
На войне бывал не раз!

У меня есть старший брат,
У него полно наград
За любовь к своей стране!
Подросту – дадут и мне!

Воспитатель тётя Ира
Рождена быть командиром.
Только крикнет: «Дети, спать!» –
Все бегут в свою кровать.
Спать не собираемся,
Так мы с ней играемся.

С мамой утром еле-еле
В детский садик мы успели.
Нет, мы с мамой не проспали,
Мы продукты покупали
Для солдат с передовой.
Помогать им не впервой!

«АЛМАЗЫ СЛОВ» РОНЯЯ...

СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ ПОЭТА, ПИСАТЕЛЯ, ЖУРНАЛИСТА, СКУЛЬПТОРА-ФЛОРИСТА, ФОТОХУДОЖНИКА ВИКТОРА АЛЕКСЕЕВИЧА РОСТОКИНА

20 января 2025 года исполнился год, как не стало моего Учителя, друга, мастера слова, члена Союза писателей России, Союза журналистов СССР, ныне России, Виктора Алексеевича Росточкина...

Наталья АДЛЕР

Член Российского союза писателей, Союза журналистов СССР, ныне России, Международного союза русскоязычных писателей

«Интересно, куда они плывут, эти белые облака?» – думал мальчишка, лёжа на ромашковой лужайке за хатой, в которой он жил с мамой и двумя братьями на хуторе.

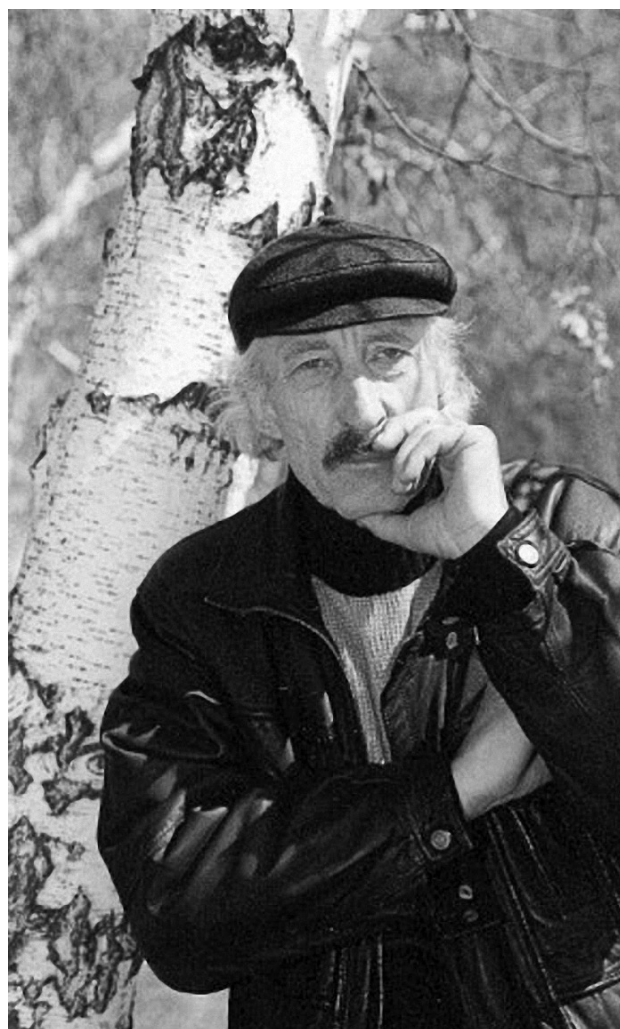
Сорвал ромашку и долго любовался её простой, но такой нежной красотой. Вот на лепесток опустилась божья коровка. Витя посадил её на ладошку и улыбаясь заговорил нараспев:

– Солнышко, солнышко, улети на небко, там твои детки кушают конфетки, всем ребятам раздают, а тебе не дают. – И рассмеялся.

Прихватив лежащий рядом на траве томик Пушкина, мальчик направился домой. Он с детства не был похож на своих сверстников: не любил гонять футбольный мяч из скрученных и перетянутых верёвками тряпок, играть в лапту или в войну, тем более что она кончилась совсем недавно и маме очень нелегко пришлось с тремя сыновьями мал мала меньше в эти страшные годы. А вот читать стихи он любил! Особенно Пушкина!

Витя никому не показывал своих первых творений, он записывал в тайную тетрадь строки, идущие из самого сердца:

*Совсем он юный, летний день.
Пока лучи свежи, прозрачны
И соловья хрустальна звень,
Как обещание удачи.*

Виктор Алексеевич Росточкин

Внимательно перечитал написанное и вздохнул:

– У Пушкина всё равно лучше!..

Летели дни, недели, годы. Не доучившись в литературном институте, Виктор пошёл служить в армию. И там в его солдатском сапоге

всегда были спрятаны тетрадка и ручка. В армии явилась ему Муза в образе прекрасной девушки, которую он встретил в увольнении, гуляя в парке.

– Лидия, а вы любите стихи?

– Конечно, люблю, – соврала она.

И солдат, разбурьявшись от волнения, стал читать ей свои стихи. Она слушала и молчала.

– Ну как?

– Отличные стихи, – сказала Лида, – мне очень понравились!

Тут девушка душой не кривила.

Сразу после окончания его службы в армии они поженились. Виктор стал работать корреспондентом в редакции районной газеты, а Лидия устроилась в швейный цех быткомбината. Начинаящий журналист сразу взялся за выпуск литературных уголков в газете и написание ярких, цветистых, наполненных необычными словесными образами очерков и рассказов о людях труда. Работа ему нравилась. Готовя любой материал, Виктор Алексеевич скрупулёзно и тщательно подыскивал каждое слово, нанизывая их, словно жемчужинки, в ожерелье предложений.

– Чтоб как у моего кумира было, у Александра Сергеевича.

И он в который раз перечитывал прозу и стихи любимого Пушкина. Других классиков молодой журналист тоже изучал и был знаком со многими их произведениями, которые нравились, будоражили, вызывая уважение и даже восхищение, но никто из них не мог затмить в его сознании гения и кумира, владеющего словом так, как никто другой!

В двухкомнатной квартире на первом этаже двухэтажного дома, которую получил Виктор, постепенно поселилась грусть. Всё бы хорошо, но уже десятый год живут, а детский смех не радует сердца, не слышится в пустых комнатах... Лида лечилась и вот наконец в одну из ночей прошептала на ушко мужу:

– У нас будет ребёнок.

Радости супругов не было предела! Когда настал срок и Виктор отвёз жену в роддом, то, вернувшись домой, он стал сооружать в ванной комнате печку-буржуйку, так как в квартире, по его мнению, было прохладно.

– Вон, даже у цветка в горшочке, стоявшем на подоконнике, листики от холода опустились. – И будущий отец прижал горшочек к груди, прикрыв полую тёплой жилетки. – Ты, цветочек, живи, не умирай, я на тебя загадал! Пусть с ребёнком будет всё в порядке, когда он родится.

Весь день и ночь листики у растения не поднимались, и казалось, вот-вот совсем опадут. Буржуйка уже всю горела и щедро дарила своё тепло. К обеду Виктор радостно увидел, что листики у цветочка поднялись и налились живительной силой.

*Вечером сын появился на свет!
Мне улыбается и солнце тоже,
Душа воздушна и чиста, как свет,
Который сказку былью сделать сможет,
Ему, вестимо, и скончанья нет.*

А ещё через полтора года на свет появилась и крошечка доченька. То-то радости, то-то жизнь – полная чаша! Росли детки любимые, долгожданные, и текли в мир стихи как из рога изобилия, стихи Виктора Ростоккина:

*Я, уподобясь пушкинской привычке,
Дабы отвлечься на короткий миг
От вязких строчек, по бокам странички
Неприхотливо, как неожиданный вскрик,
Рисунок набросал – штрихов с десяток,
Не задаваясь замыслом в уме,
И этот черновик куда-то прятал...*

* * *

*Чем студёнее роса,
Тем горит на солнце ярче.
Не слепит она глаза,
Куст калины с нею жарче.
Ненароком не обжечься.
На гостинец сей гляжу
С удивлением извечным.
Если б не её огонь
И раскованная спелость,
Не дышал бы на ладонь...
Слава Богу, ладно спелось!*

* * *

*Поднял я листок вишнёвый,
Передать – нелёгкий труд
В слове! Редкая обнова –
Этот маленький этюд.
На минуту я взгляделся,
Дабы вникнуть всей душой.
Сад вот зеленью оделся.
Вот сияет белизной.
Вот уж ягоды краснее
Летней ведренной зари.
Дождик свежестъ порассеял,
Знать, он дал дары: бери!
И пришла с ведром девица,
Стала ветви наклонять,
Рвать, обилию дивиться,
Песней август прославлять.
Передать ли смог я словом?
Каждый простенький мазок
Нанесён по Божьей воле
На опаловый листок!*

Ах, как же счастлив он был тогда! Любил детей, жену, работу, природу, друзей, людей, весь мир! Любил жизнь! Радовался каждой травинке, каждому листочку и цветочку, пенью птах, солнышку и тучам, дождю и снегу. Видел в сучках деревьев солнечные журавлики, нырял под воду за корягами и вырезал из них сказочные скульптуры. А сколько прекрасных фотоснимков он сделал, закрепив за собой прочное звание фотохудожника.

Беда пришла неожиданно, поделив жизнь на «до» и «после»: в автокатастрофе погиб восемнадцатилетний сын Алёша. Свет погас в глазах отца. И навек поселились в них боль и тоска. Непреодолимым было единственное желание – уйти вместе с сыном. Но он устоял. Боль притупляли вино и сигареты, вкуса которых до смерти сына он не знал. После длительного литературного затишья стихи хлынули, как реки слёз, пролитые в непоправимом горе. Стихи пронзительные, пронизанные огнём душевных мук, трогательные и трепетные, мудрые и заставляющие ценить жизнь.

И не менее волнующая до слёз проза. Читая Ростокину, думаю о Пушкине, читая Пушкина, думаю о Ростокине, авторе 30 книг поэзии и прозы, члене Союза писателей и журналистов СССР (ныне России), скульпторе-флористе и фотохудожнике.

«Много раз оплаканный, мой сын неотлучно в моём сердце, в моей памяти. Он смотрит мне в глаза. То – с ласковой доверчивостью, то – с застенчивой улыбкой, то – с грустным укором.

Не по переменчивому вдохновению, а по долгу любящего отца писал я о нём. Медленно. Трудно. Строка за строкой. И казалось, верилось, что всё печальное рассеется, растворится. И Алёша вернётся из небытия...»

Это небольшой отрывок из книги Виктора Алексеевича «Воскрешение сына». Я не могла не отозваться и хоть как-то не успокоить моего друга, духовного брата и отца, вот мои стихи ему:

*Бел как лунь и горем бит
Наповал, но душу
Со смиреньем, без обид
Ты свою послушай.
Плачет горько и поёт,
Стонет и рыдает.
Жизнь земную Бог даёт,
Он и отбирает...
Отточил Он твой талант
Страшною ценою,
Но подпёр ты, как атлант,
Небо над собою.
И не дашь ему упасть,
Будешь жить до срока.
В Божию отдашься власть
С мыслями пророка.*

Последние годы своей жизни В. А. Ростокин звал смерть, устал, хотел побыстрее уйти к Алёшеньке. Виктор писал:

*Я упокоюсь в час ночной,
Когда узоры звёзды вяжут.
И ненароком кто-то скажет:
«Лежит как будто бы живой».*

Было это в 2016 году. Я тут же написала ему своё пожелание:

*«Алмазы слов» роняя на бумагу,
По жизни шёл ты, излучая свет.
Мать завещала мягкость и... отвагу.
И Богом осиян был тот завет.
Ты устоял перед смертельным горем.
Сутуля плечи, по беспутью шёл...
Хмельной от слёз, завидя крест на взгорье,
Ты улыбнулся и черту подвёл...
Прошу, поэт, не надо! Рано! Рано
В чертоги смерти душу отдавать.
И хоть открытая зияет в сердце рана,
Пой жизнь свою! Не надо умирать!*

Но моё пожелание он исполнил лишь до 2024 года. Своего сына поэт пережил ровно на 25 лет и десять дней. Светлая память о тебе, друг мой, будет жить в моём сердце, пока оно бьётся. А творениям твоим – жить вечно.

На прощании я заметила, что в гробу лежали томик Пушкина и чистый лист бумаги... Это было последнее желание поэта.

С ГОЛУБОГО РУЧЕЙКА...

– Доброе утро, моя Мишулечка, – весело сказала Наташа и поправила шляпку с цветочками огромному белому медведю, восседающему в переднем углу на двух поставленных друг на друга полированных тумбочках под иконой Казанской Божьей Матери. Такого почётного места почти метровая пушистая игрушка удостоилась потому, что была привезена в Елань из далёкой Беларуси подругой Тамарой, с которой Наташа познакомилась на встрече российских и белорусских поэтов. Было это зимой, а уже летом Томочка приехала в гости.

– Что это у тебя за белая круглая подушка в пакете?

– Сейчас увидишь, – сказала гостя и стала разматывать ленты, туго стягивавшие белый большой шар. Когда последняя лента упала

на пол, шар-подушка вдруг развернулся и превратился в улыбающегося медведя с чёрными глазками, красным носиком и алыми сердечками на лапах! – Это к тебе Большая медведица прилетела!

– Ничего себе, какой подарок! Спасибо, Томочка!

Подруги прекрасно провели время: устраивали поэтические встречи в музее, библиотеке, школах, гуляли по лесу, купались в речке. Когда Тамара уехала домой, Наташа пошла в магазин и купила небольшую соломенную шляпку с цветочками.

– Ну раз ты медведица, то вот тебе красивая шляпка!

И в очередной приезд Тамарочка от души смеялась, одобряв модельную фантазию подруги.

Потом Наташа с группой поэтов посетила Беларусь, побывав на литературных встречах, которые организовала Тамара с друзьями – поэтами и писателями в городах Минске, Осиповичах и Несвиже.

Один раз в Несвиже произошёл очень интересный, можно даже сказать, мистический случай. В группе Наташи четверо человек приехали на машине, а две поэтессы – на поезде, и они заранее взяли обратные билеты домой, в Россию. Получалось так, что на экскурсию в замок Радзивиллов они не успевали. Все начали их уговаривать сдать билеты и задержаться на день.

– В замке так интересно! – говорила Тамара. – Там до сих пор живёт дух Барбары, которую приказала отравить невзлюбившая её свекровь. Экскурсовод будет подробно рассказывать об этом. Оставайтесь!

И две российские гости согласились. В старинном замке действительно было очень красиво, великолепно, таинственно и романтично. Затаив дыхание все слушали историю любви Барбары Радзивилл и польского короля Сигизмунда Августа, горячо полюбившего девушку. О том, как безжалостная свекровь приказала своему придворному лекарю ежедневно подсыпать невестке яд в пищу и через полгода девушка умерла. Муж в безутешном горе при-

гласил колдуна и приказал ему вызвать дух возлюбленной, чтобы ещё хоть раз посмотреть на неё. Колдун согласился, но строго-настрого предупредил, что к ней ни в коем случае нельзя прикасаться, иначе и сам он умрёт, и дух её не будет знать покоя, не находя себе места ни на небе, ни на земле.

Король Сигизмунд сказал, что постарается выполнить наказ колдуна, но когда увидел представшую перед ним Барбару, то не выдержал и заключил её в объятия... Всё случилось так, как и сказал колдун. Дух Барбары исчез. Но с тех пор многие посетители замка Радзивиллов в городе Несвиже видели призрак – красивую девушку с высоким открытым лбом, ясными грустными глазами, всю в белом, неслышно скользющую по залам.

Однажды в одной из дальних комнат ночью случился пожар из-за короткого замыкания электропроводки, и сторож сказал, что его разбудила девушка в белых одеждах. Замок не сгорел благодаря ей.

Уже покидая Несвиж, расселись в автобусе по местам и стали рассматривать сделанные в замке и его окрестностях фотоснимки. Вдруг одна из тех, кто сдал билет на поезд, воскликнула:

– Ой, смотрите, это же Барбара!

На одном из её снимков каким-то невообразимым чудом среди туч возник чёткий образ ясноликой девушки, портрет которой висел на стене в одной из комнат замка.

– Это Барбара благодарит за то, что вы остались ещё на один день, – сказала Тамара.

За окнами автобуса шёл дождь, природа будто оплакивала трагическую судьбу влюблённых супругов... Наташа взяла ручку и блокнот и на одном дыхании написала «Песнь печали»:

*Ели лохматые лапы свои
Вниз под дождём опустили –
Ангела грустного крылья,
Символ печально-красивой любви...
Слёзы струились по мокрым щекам.
Дева красой покорила!
Мать, что невестку убила,
Взгляд тяжело подняла к Небесам.*

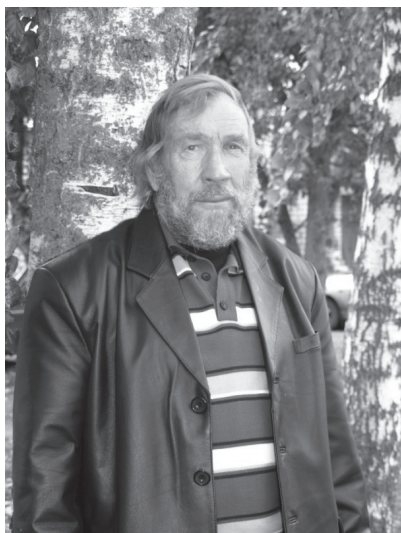
*Зло усмехнулась – свершилось её
Мерзкое, жуткое дело.
Тихо свеча догорела...
Каркает лишь и кружит воронья.
Плачут зелёные лапы ветвей.
Дух той любви безутешен...
Мир перед Барбарой грешен.
В Лету плывёт песнь печали о ней.*

А затем были совместные выпуски литературного альманаха, фестивали то в Елани, Волгограде, городе Новоаннинском Волгоградской области в России, то в городах Минске, Осиповичах, Гомеле, Несвиже красивой страны Беларуси.

Так дружба двух писательниц привела к дружбе российских и белорусских городов уже на официальном уровне, с общением глав районов и руководителей писательских организаций России и Беларуси. И дружба эта крепнет год от года: строятся планы совместных презентаций альманахов и сборников, намечаются фестивали в разных городах обеих стран. Вот так и большие реки берут своё начало с маленьких ручейков.

ОН ЖИЗНИ ГИМН ПОЁТ

Привольно дышится поэту в родном селе под названием Терса Еланского района Волгоградской области. Луга, река, лес, любимые люди рядом – что ещё нужно для вдохновения творческому человеку?! Владимир Павлович Аринушкин, или Вольдемар Терсинский, как привыкли называть его в поэтических кругах, приемлет это всей своей широкой и открытой душой, переплавляет в сердце и выдаёт на радость читателям такие глубокие и прекрасные стихи, что равнодушными к ним остаться просто невозможно! Острота мысли и чувств, чудесные образы, любовь к большой и малой Родине, патриотизм и гражданственность – вот что движет его талантом, данным высшими небесными силами.

Владимир Павлович Аринушкин

Он – автор четырёх книг стихов и прозы: «Терса», «Надежда», «Поцелуй судьбы», «Сокровища души»; соавтор нескольких альманахов; постоянный внештатный корреспондент районной газеты «Еланские вести» и других периодических изданий. Всегда с большим интересом ждёшь его новинок: чем ещё удивит и поразит наше сердце и воображение Вольдемар?! Может, снова пылко и взволнованно признается в великой любви к России, или вспомнит юность, опалённую солнцем Киргизии, где он искал своё призвание и себя, работая геологом, или расскажет поэтично и красиво о своих первых литературных творениях в литобъединении «Тулпар», члены которого стали его близкими друзьями на всю жизнь, или трепетно и нежно воспоёт любовь к женщине вообще и своей единственной, горячо любимой супруге Надежде в частности?

Читатели ждут, и поэт никогда ещё не обманул их ожиданий. Ну как можно не влюбиться, например, в такие строки:

*Кто-то любит жить красиво.
Я хочу достойно жить.
А красиво лишь Россию
Сердцем искренне любить.
Много я пахал и сеял,
Потому поэтом стал.
То, что не успел Есенин,
Я сегодня досказал.*

*Не беда, что незаметен,
Просто я живу бедней.
Но любовь, что есть в поэте,
Вся для Родины моей.*

А вот как он сам отзывается о своих стихах:

*Самобытные, чистые, добрые
И простые стихи я пишу.
Говорят, что они народные.
Может быть, я их в сердце ношу.*

И просто не могу не привести такое его откровение, обращённое к семье и Родине:

*Семья и ты – всегда на первом месте.
В огонь и в воду я за вас готов.
Мне вам служить – нет в жизни выше чести.
Моё признание – не для красных слов.*

Лучше, пожалуй, не скажешь! Вольдемар Аринушкин уникален и в том, что стихами не только говорит, но даже мыслит. Стихи живут в нём, а он – в них. Это образ жизни поэта. А сколько замечательных поэтических строк он посвятил родным, близким, друзьям, знакомым, сколько благодарений хранят врачи, певцы, культработники, руководители разных рангов, те люди, которые словом или делом, хоть в чём-то даже малом, помогли ему, затронули душу! Вот такое благородное сердце у поэта, что не может он обойти вниманием никого.

Грусти тоже много в произведениях Вольдемара: другие времена настали, пустеют хутора и сёла, рушатся здания, нравы, устои, рухнул СССР, не хватает средств издать книги... Об этом он пишет с большой печалью:

*Потом, когда не станет нас,
Копнут архивы
И пожалеют в первый раз,
Что мы не живы...*

Но как в жизни, так и в творчестве он не позволяет себе расслабляться и хандрить. Оптимизм и молодость бьют ключом! Не под-

властен поэт годам, кажется, что они обходят его стороной. По-прежнему свежо его слово, а строки переливаются солнечным светом и всеми цветами радуги:

*...На привязи у лета
Душа моя живёт.
Среди тепла и света
Природе гимн поёт.*

И от себя добавлю:

Всей жизни гимн поёт!

РУССКИЙ ИВАН НА ОЛЕРОНЕ

Далеко не все знают, да и я не знала, что есть во Франции остров Олерон, пока не прочитала книгу Вадима Андреева «Путешествие по карте». Во время Великой Отечественной войны он был оккупирован фашистами, как и вся страна. Оказались на этом острове и военнопленные разных национальностей, в том числе и русские, переправленные из различных концлагерей.

Русские сразу же стали искать связи с французским подпольным Сопротивлением. По выходным дням пленным разрешали выходить в город. В один из таких дней в дом, где жила семья участников подпольного Сопротивления, пришли трое русских, какими-то путями узнав нужный адрес. Это были два Володи, Антоненко и Орлов, замечательные мальчишки девятнадцати лет, и Иван Фатюков, который партизанил на Смоленщине, два раза бежал из плена, но попался в третий раз. А мальчишки не были военнопленными в полном смысле этого слова: по молодости лет их не успели призвать в Красную армию и немцы попросту насильно угнали их в Германию.

Прежде чем попасть на Олерон, они прошли через немецкие лагеря, испытали голод, уничтожающий тех, кто не только физически, но и морально недостаточно силён, сидели в бараках за колючей проволокой, вокруг которых складывали в штабеля трупы умерших за ночь...

В доме находился и Вадим Андреев – будущий автор книги, который впоследствии писал: «Больше всех меня поразили Иван Максимович Фатюков. Было ему уже к сорока, самый старший среди наших гостей. То, как этот бухгалтер маленького поволжского совхоза вошёл в комнату, поздоровался, сел за стол, какие простые и вместе с тем самые точные слова он нашёл для начала разговора, как в каждом его движении сказывалось необыкновенное достоинство – он относился с уважением не только к хозяевам, но и к самому себе: я советский человек, у меня никто не отнимает сознания, что я поступаю правильно.

Мне он представился человеком крепкого, законченного характера и вместе с тем мягким и даже нежным. Он был полон мудрой, совсем не жалостливой доброты. Впоследствии, судя по письмам, которые я от него получил, мне представилось, что он наделён настоящим литературным даром, о существовании которого сам не подозревал. За столом разговор начал так, как будто связь с французским маки (подпольем) уже была установлена.

На острове русских было больше тридцати человек. Немцы им не доверяли и разбили на маленькие группы, по два-три человека на каждой батарее. Для нас это было огромным преимуществом – таким образом у Сопротивления появлялась верная заручка на каждой батарее. Когда я сказал, что у французского командования нет подробных планов батарей и, в частности, батареи «Квале», то через два дня получил от русских план батареи, а через неделю были отправлены на континент подробные планы всех олеронских батарей с указанием расположения действительных минных полей.

Для связи с батареей, на которой находились Антоненко, Орлов и Фатюков, мы выбрали

* * *

Рассказ будет неполным, если читатель не узнает о военных действиях Ивана Фатюкова до того, как он попал на Олерон.

Август 1941 года. Иван Максимович Фатюков мобилизован в Красную армию. В составе 144-й дивизии их полк держит оборону на левом берегу Днепра, севернее города Ельни на Смоленщине. Затем окружение, захват в плен, побег, боевые действия в партизанском отряде имени 24-й годовщины Красной армии.

Командовал отрядом Фёдор Данилович Гнездилов, или ФД, как называли его партизаны. Действовали дерзко, беспощадно громили тылы немецко-фашистских войск. И. М. Фатюков участвовал во многих боевых операциях, громил фашистов в деревнях Екатериновке, Павлиново и других, бился за город Ельню, встречал и уничтожал обозы, брал трофеи, которыми пополняли вооружение отряда, боеприпасы, продовольствие и обмундирование.

В июне 1942 года гитлеровское командование бросило большие силы на уничтожение отряда, серьёзно потрепало его, и Фатюков вместе со многими партизанами снова оказался в лапах фашистов... Снова начались перегоны из одного лагеря в другой, издевательства, голод, холод, непосильные работы, а через год 35 советских военнопленных гитлеровцы вывезли на французский остров Олерон. Дальнейшая картина уже известна.

Но каково же было моё удивление, когда я узнала, что моя землячка, которая живёт и работает в Елани, Ирина Хохлачёва, является родной внучкой легендарного партизана! Она бережно хранит память о нём, посещая город Балашов, где он жил, музей, в котором собраны материалы об Иване Максимовиче, встречаясь со школьниками. А теперь и в нашем районе, в нашем краеведческом музее будут знать и хранить память об этом мужественном человеке, который ушёл из жизни в 1981 году.

полуразвалившийся дом в двух шагах от проволочных заграждений, окружавших батарею. Дом стоял над обрывом, у самого берега моря. В этом же доме в чёрной дыре дымохода был устроен почтовый ящик. Почтальоном служила моя двенадцатилетняя дочь: девочка, собирающая траву для кроликов, не вызвала подозрений».

Вот так на острове, откуда не сбежишь и не укроешься нигде, русские бойцы старались победить фашизм. 30 апреля 1945 года, за 19 дней до конца войны, французские войска совершили высадку на Олероне. 1 мая остров был освобождён. И снова – выдержка из книги Вадима Андреева:

«Вскоре после освобождения мои русские товарищи, оставшиеся в живых, были отправлены самолётом на Родину. Из Ангулема, где были собраны русские партизаны перед отправкой, Иван Максимович Фатюков написал мне письмо: "Сообщаю, что бумажку, которую вы держите сейчас перед глазами, я пишу в условиях, полных счастья, радости, веселья и свободы.

Куда ни повернусь, куда ни оглянусь – повсюду встречаю своих: отцов и матерей, братьев, сестёр и детей нашей родной земли, и в недалёком будущем должен увидиться с родной землёй, что я считаю высшим даром в жизни"».

ПУТЕШЕСТВИЕ В СКАЗКУ ЖИВОПИСИ НАСТОЯЩЕГО ХУДОЖНИКА

– Как это вообще возможно?! – восхищённо шептала я, разглядывая невообразимо красивую картину в полупрозрачных тонах кисти художника Анатолия Черных. Работа была выполнена настолько профессионально и прекрасно, что просто глаз невозможно было оторвать! Солнечный свет заливал девушку-испанку, лёгкие одежды под дуновением ветерка облегали стройную фигуру. Казалось, что она вот-вот шагнёт с полотна и пойдёт навстречу, прихватив яркость испанских цветов и оттенков! И таких шедевральных полотен на выставке известного не только в Питере и нашей стране художника Анатолия Черных в особняке Брюллова было великое множество! А сколько портретов знаменитых артистов, учёных, певцов и танцоров!

Как же я была счастлива, что посетила и эту выставку, и впоследствии – его мастерскую! Интереснейший собеседник, с добрыми пронзительными глазами, с тонким чувством юмора, умный и тактичный, художник рассказывал больше не о себе, а о рождении своих картин. У него своя, особенная манера написания картин: чётко выписывает главные детали, очень чётко! А второстепенные как бы расплываются, иногда их даже не видно, но ты, как это ни удивительно, ясно пред-

ставляешь, что скрывается под шлейфом, дымом или ещё какой-то замысловатой дымкой, даже осознаёшь, что там, допустим, острый носок туфельки. Мне до сих пор непонятно, как ему это удаётся! Недаром говорят: всё гениальное – просто. Просто Анатолий Черных – настоящий Мастер с большой буквы!

С самого детства он мечтал стать художником, хотя семья была обыкновенная, рабочая, жили в Оренбурге, мама работала ткачихой, а отец – железнодорожником. Но любящие родители сделали всё, чтобы мечта сына стала реальностью. Он учился сначала в художественной школе в Оренбурге, потом в училище в Орле. Некоторое время преподавал в художественном училище в Оренбурге. Самым заветным желанием Анатолия осталось одно – поступить в Академию художеств в Ленинграде. И это желание исполнилось! Учился он самозабвенно, жадно, как губка, впитывая новые и новые знания, помноженные на талант.

В настоящее время результаты его творческого пути потрясают и ошеломляют! Анатолий Черных – член Союза художников России (1991), академик Петровской академии наук и искусств (2011). Участник около 100 выставок в России и за рубежом. Его работы находятся в следующих собраниях: Государственный культурный центр-музей В. С. Высоцкого (Москва), ЦВЗ «Манеж» (Санкт-Петербург), Оренбургский областной музей изобразительных искусств, Художественная галерея города Балчик (Болгария), Российская национальная библиотека, Академия русского балета имени А. Я. Вагановой, Мариинский театр (Санкт-Петербург) и так далее. Произведения художника представлены в частных коллекциях России, Франции, Италии, Греции, Канады, США, Бразилии, Швеции, Финляндии,

Портрет
Ольги Мирненко.

Художник Анатолий Черных

Анатолий Черных. Цвет сирени

Норвегии, Израиля, Австралии, Японии, Германии и других стран мира.

А. В. Черных награждён Почётной грамотой Министерства культуры Российской Федерации, дипломом Российской академии художеств, Почётной грамотой Комитета по культуре Санкт-Петербурга и Законодательного собрания Санкт-Петербурга.

Комментарии, как видите, излишни. А ещё меня очень тронула история, рассказанная нашим общим с ним другом, поэтом из Таловки Еланского района Сергеем Зубаревым, который всю свою послеармейскую жизнь, много лет и по сей день, живёт в Питере. Вот эта история: как-то очень давно около своей мастерской Анатолий подобрал и приютил маленького бездомного чёрного как смоль заморыша-котёнка. Откормил его, приласкал, и Чернышка стала на долгие годы его преданным другом, которого он, как талисман удачи, изображал на многих своих полотнах: то где-нибудь у ног главного героя или героини клубочком лежит, то из какого-то уголка выглядывает. Очень мило всё это смотрелось на великих полотнах художника. Чернышка и поныне живёт и здравствует в мастерской Анатолия Владимировича, «охраняя» ночью его бессмертные полотна.

Сейчас в Питере открыта новая выставка работ Анатолия Черных, на которую так хочется попасть!.. Мечты сбываются! И вот я снова в Питере – городе-магните, который, прикоснувшись к человеку, способен изменить его навсегда. Особенно человека-творца. Такие мысли пришли в голову, когда окунулась с головой в мир, созданный Анатолием Черных. Как живые смотрят с портретов художника Василий Лановой, Владимир Высоцкий, Дмитрий Хворостовский, Дмитрий Лихачёв и многие другие, которых уже нет с нами. Увековечены рукой мастера и ныне здравствующие известные личности: Юрий Темирканов, Денис Мацуев, Валерий Гергиев, Фарух Рузиматов, Диана Вишнёва, Анна Павлова, Николай Цискаридзе, Ксения Громова и другие. Всего мастер уже написал более 30 портретов!

А в мастерской художника – новые работы. Одна из них – большое полотно, глядя на которое сразу понимаешь, что это тема СВО. Мать прижимает к груди младенца, впереди девочка протягивает ромашку в дым и огонь, а вокруг и как бы с Небес – лики святых. Картину, хоть она и не закончена, благословил иерей Александр Антипов, сделав на обороте надпись: «Вера хранит и созидает, а Господь никогда не оставляет».

После посещения выставки картин этого удивительного художника просто не могла не оставить свой отзыв в книге отзывов и предложений: «Восторг! Изумление! Восхищение! Полёт души! Радость! Удивление! Желание жить, творить и любить! Такая гамма чувств бушевала в моей душе, когда я утонула в творчестве гениального Мастера, который своими шедеврами унёс меня из реального времени в свой головокружительный, загадочный, яркий, обворожительный, зовущий мир. Снимаю шляпу перед его творениями и их Создателем. С поклоном и теплом души – Наталья Адлер, поэт, писатель, журналист».

БРЕМЯ СТРАСТЕЙ

РЕЦЕНЗИЯ НА РОМАН НИКОЛАЯ ЖЕЛЕЗНЯКА «ГРАД НА КРОВИ»

Андрей ГАЛАМАГА,
секретарь Союза писателей России

Одним из непререкаемых достоинств нового романа Николая Железняка «Град на крови» является, несомненно, то, что роман прочитывается от первой до последней страницы на одном дыхании. Действие захватывает с самого начала и не отпускает до конца. При этом текст настолько плотный, что, в отличие от многих сочинений современных авторов, его невозможно читать «по диагонали», не упустив при этом важных эпизодов и деталей.

К слову о деталях. Например: «Она попробовала осторожно пенку кофе, смочив и облизав губы. Кислит, робусты добавили из жадности. Придётся всыпать сахар». Казалось бы, малозначительный штрих. Но именно такие штрихи создают для читателя эффект присутствия.

Автор очень чуток к самым мелким подробностям. Не зря ведь Борис Пастернак в поэме «Высокая болезнь» писал:

*Теперь из некоторой дали
Не видишь пошлых мелочей.
Забылся трафарет речей,
И время сгладило детали,
А мелочи преобладали.*

Действие романа развивается параллельно на нескольких планах. Основная линия – отношения, перипетии и страсти главных персонажей, именами которых названы главы романа.

События в жизни героев происходят на фоне полумистической истории старинного замка – града Снежник, построенного, по преданию, в XI веке в живописной долине рыца-

рем-крестоносцем Дормандом Рыжим, погубившим своих соратников в походе в Святую землю и продавшим душу дьяволу ради несметных сокровищ, поиск которых неизбежно приводит к гибели жаждущих лёгкой добычи.

Отдельной нитью проходят через сюжет романа трагические события на Балканах в 90-е годы XX века, в которых непосредственное участие принимал Максим, один из главных героев.

Сын бельгийки и черногорца участвовал в кровавой, по сути гражданской, войне на территории распавшейся на осколки Югославии, где сербы, хорваты, боснийцы, албанцы с невиданной жестокостью предавали смерти всех, кого считали врагами. А если к этому добавить обилие смешанных браков между представителями разных национальностей, населяющих бывшие братские республики, в одночасье объявившие себя независимыми государствами, неудивительно, что война представится сущим адом.

И это снова отсылает нас к мистической теме, проходящей красной нитью через весь сюжет. Последняя владелица града Снежник, таинственная Герцогиня, внезапно возрождается соседкой с верхнего этажа над квартирой героев, где происходит развязка романа.

Клубок отношений Максима, Анны, Эдгара, Марины, Виктора и Лоры всё больше запутывается и так никогда и не распрямляется в путеводную нить, которая выведет героев из лабиринта страстей. Но над всеми метаниями героев, над их самолюбием и самовлюблённостью, над чудовищной жаждой любой ценой, даже ценой чьей-то смерти, достичь желанной цели возвышаются слова, которыми старец каждый раз заканчивает повествова-

ние об основании, расцвете и падении града Снежник: «Старик оканчивал притчу фразой, в которую вкладывал всю душу и помыслы, называя молитвой. Это была самая короткая молитва из когда-либо слышанных людьми: в любви любим...»

Нельзя не отметить скрупулёзную точность в описании мест, в которых разворачивается действие романа: будь то Париж; маленький голландский городок, в котором заканчивает свои дни непутёвая мать Максима; боснийское местечко Липовань, веками существующее бок о бок со зловещим градом Снежник. Создаётся полное впечатление, будто читатель, вслед за автором, сам побывал во всех этих местах и наяву был свидетелем всех происходящих событий.

Ещё больше впечатляет подробнейшее описание эротических игрищ Анны перед убийством Виктора или описание чёрной мессы, происходящей в окрестностях местечка Липовань. Полностью отдавая себе отчёт в том, что автор никак не мог быть свидетелем или участником подобных событий, читатель поневоле верит, что описанное происходило именно так и никак иначе.

Сюжет романа держит читателя в непрерывном напряжении ещё и потому, что мотивы героев раскрываются постепенно, шаг за шагом, от главы к главе.

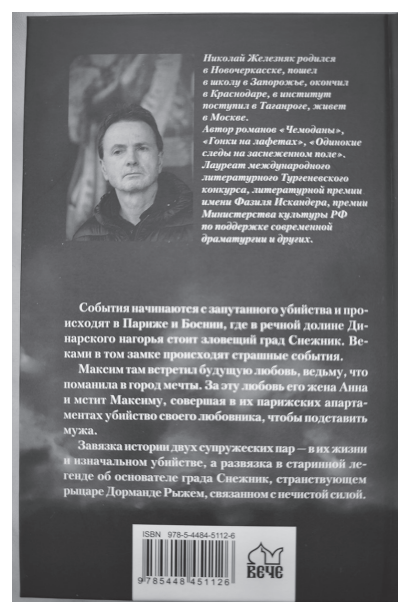
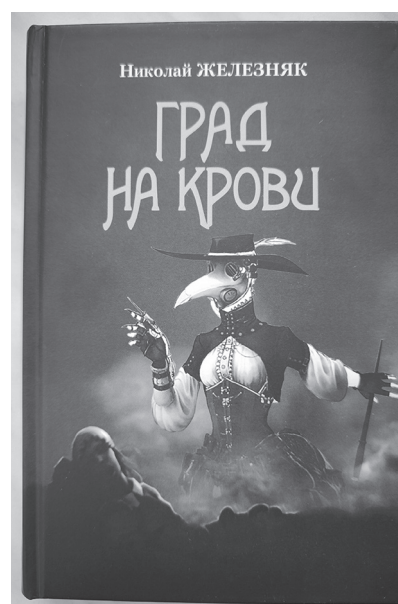
Но когда итог, казалось бы, достигнут, развязка на-

ступила, читателя ждёт очередной неожиданный поворот. Происходило ли всё описанное в романе на самом деле или всего лишь было разыграно в пьесе, которую герои репетируют под руководством Эдгара в его с Мариной квартире? Автор предоставляет читателю право самому дать ответ на этот вопрос.

Очень важной находкой автора стала побочная тема, проходящая сквозь сюжет, — стихи Рафаило Кажанегры, вымышленного автором поэта:

*Освещая шаг идущим
меж вод,
Поведи их по морю
на берег иной.
Опустел торный путь,
все ушли за тобой,
Дай надежду, и люди
оправдают исход!*

Финальной точкой романа закономерно становится окончательное падение мистического замка. Снежник, град на крови, канул в бездну, из которой и возник когда-то: «А после заволокли землю тучи, и пошёл дождь, ливень, какого никогда до той поры не видели люди. Бурные потоки неслись с гор, сметая все препятствия по долинам, и валуны мчало в стремнинах, трёхсотлетние тёмные дубы спичками мелькали в коричневой пенистой воде. И когда утихомирились реки — замка не существовало более. Разнесло по камню без остатка. Будто и не было мифического града никогда».

Валерия АЛЕСИНА (Светлана БОРОДИЧ)

Родилась в белорусском городе Вилейке в 1977 году. Окончила химический факультет БГУ. Работала в Вилейском колледже преподавателем химии, сейчас работает в лаборатории Вилейского водоканала. Автор книг «По дороге к тебе» (2020), «Дневник чувств» (2022) и «Женщина-драма» (2024). Воспитывает двух дочерей, Валерию и Алесю.

МОЁ КРЫЛО...

Так внезапно и неожиданно
Оторвалось моё крыло.
Я летать не смогу, как прежде,
Мне не скажет папа: «Алло!»

Жизнь сломалась на «до» и «после»,
Так хочу ему позвонить,
Я хочу к нему просто приехать,
Обнимать, а не хоронить.

Если ты меня, папа, слышишь,
Постарайся простить меня.
Ты в моём опустевшем сердце
Горишь ярче любого огня.

Я горжусь тобой, вспоминаю
И молитвы шепчу в небеса.
Самый лучший отец, точно знаю,
Вот такая сейчас полоса.

Моё крылышко в синем небе,
Это ангел мой на всю жизнь.
Лишь во сне теперь меня папа
Обнимает и шепчет: «Держись!»

НАОБОРОТ...

Ты снова решил, что я вернусь,
Что можно кричать на меня опять.
Что снова прощу, прибегу, растворюсь,
Но мне надоело себя терять

И обесценивать нежным «люблю»,
«Я так устала», «хочу к тебе»!
Ну почему только я говорю?
Я говорю как железной стене.

Надо заклеить себе скотчем рот,
Ноги связать и приклеить к стене,
Чтобы случилось всё наоборот,
Чтобы услышать: «Приди ко мне!»

ВСТРЕЧА...

– Зарубцевала меня жизнь, украла нежность.
Я – огрубевший жёлтый лист, упавший
в вечность.

И я не в силах прежней стать, я так устала,
Всю жизнь одна, сквозь холода куда бежала?

– Стой, посмотри, лежит листок,
такой красивый,
Я заберу его с собой, он не фальшивый.
Отмою дома, отопрею и спасу, –
Сказал мужчина, улыбнувшись тихо псу.

– Не ожидала, вот так встреча, –
взвизгнул лист
И красной девицей предстал
под громкий свист. –

НЕ ПРИДУМЫВАЙ СЕБЕ ИДЕАЛЫ...

Не заглядывай за дальние дали,
И достойно прожить ты сумеешь.
Не придумывай себе идеалы,
А цени всегда то, что имеешь.

Не скули никому в жилетку,
Не смотри, у кого что лучше.
И спасибо скажи за монетку
И что очи твои не потухши.

Ты всегда говори спасибо,
А Вселенная всё приумножит
И судьбы роковые изгибы
Нам пройти непременно поможет.

УСЛЫШАТЬ...

Когда льют дожди не прекращаясь,
Словно у природы длительный запой,
Меня грусть съедает. Восхищаясь,
Я хочу услышать голос твой.

Летом заменяла тебя солнцем,
Мыслями, какой же ты дурак.
А осталась серость за оконцем
И на сердце – рваная, с кулак.

Позвони и дай себя услышать,
Можешь просто в трубку помолчать.
Я ведь не забыла, как ты дышишь,
Только ты в ответ умел молчать.

ПРИЛЕТАЙ...

Ты меня читаешь тайком,
Перечитываешь запоем,
Интересно, что было потом,
Когда щёлкнул в висок затвором?

Я жива, ничего не случилось,
Продолжаю, как видишь, писать.
Жить, страдать, да, я снова влюбилась,
Начинаю тебя забывать.
Когда вижу твои шажочки
На моих душевных страницах,
Я тебе улыбаюсь, дружочек,
Прилетай, как подбитая птица.

Напишу я любовь неземную,
Ты, конечно, её прочитаешь.
В каждой строчке могу обмануть я,
Обо мне ты в стихах не узнаешь.

ПРИХОДИ...

Осень плачет мне в окно истерикой,
По стеклу стекает струйкой грусть.
Помнишь, мы с тобой бродили в скверике,
Ты стихи читал мне наизусть?

Лето было маленьким пророчеством,
Сколько тайн оно в себе хранит!
Холодно под пледом в одиночестве,
Тишина угрюмая молчит.

Знаю осени нелепые замашки я,
Постоянно навевает грусть.
Приходи ко мне на чай ромашковый,
Почитаем вместе наизусть.

Подари весну мне этой осенью,
Солнцем мы заменим фонари.
Ты же знаешь, как тепла мне хочется,
Мы обманем все календари.

Екатерина ПОДОСИННИКОВА

Родилась в селе Родничок Балашовского района Саратовской области 13 марта 1949 года. Окончила Вольское педагогическое училище в 1969 году. Работала учителем начальных классов и заведующей школой. В 1977 году переехали с семьёй в Амурскую область, где продолжила свою профессиональную деятельность. С 1984 года работала воспитателем в детском саду. В 1999 году ушла на заслуженный отдых. С мужем воспитали шестерых детей. Посещает Дом культуры, принимает активное участие во многих мероприятиях – исполняет песни собственного сочинения, пишет стихотворения, рисует картины.

* * *

Мне с Музой теперь не расстаться,
Во мне она с песней живёт.
Так хочется жить и смеяться,
А старость меня подождёт.

Порою бывает так трудно,
И в жизни не так всё идёт,
А песня польётся вновь звучно,
И старость назад отойдёт.

Запляшут и горы, и реки,
И песни споют соловьи.
Порадуют внуки и дети,
Весной зажурчат ручейки.

* * *

Я просил у Бога счастья,
У Всевышнего просил.
С переполненной страстью к вам на крыльях
я спешил.

Верю, верю в наше счастье,
Верю, верю в доброту.
Разрисованное в красках, вдохновение вам несу.
Надо мною солнце светит,
Подо мной земля кружит.
Растревоженное сердце
Вновь волнуется, стучит.
Не угасни, вдохновение,
И душа моя, не плачь.
Дай нам, Боженька, терпения
И побольше всем удач.

* * *

Живи, живи, моя Россия!
Цветите, вольные края!
Дороже нету этой силы,
В ней вся любовь, вся жизнь моя!

Где б ни был я: на островах, на море, –
И через много-много лет
Я возвращусь к тебе, Россия,
Тебя дороже в жизни нет!

Твои богатства расхищают,
Надрывно стонет мать-земля,
Взамен лишь пепел оставляют,
И гибнет Родина моя!

Отцы и деды нас учили
Любить, друг друга уважать,
И мы наследство получили,
Стремимся детям передать!

Нас возмущает равнодушие,
Жестокость, разное хамьё,
Насилье, пьянка, наркомания
И глупость общества сего!

В садах уж розы расцветают,
В лугах пылает иван-чай,
Старушка сына ожидает,
А со двора уходит май.

Уж ночь окошки закрывает,
Туман курится над рекой.
И снится сон старушке доброй,
Что сын бежит к ней босиком!

И пусть улягутся сомненья,
Пусть матери спокойно спят,
И мирное приснится время,
И расцветает вечный сад!

* * *

Где же крылья мне взять,
Чтоб детей защищать
От беды, от войны и от горя?
Где же силы нам взять,
Чтоб страну поднимать
От утраты, войны и от боли?

Мать сыночка всё ждёт
И приветы всё шлёт.
И посылки на фронт отправляет.
Внук стоит у ворот,
Папу родного ждёт,
И флаг красный он вновь поднимает.

Не прорваться врагу,
Не взорвать тишину,
Не уйти от прицелов фашизму.
Папу родного жду, и навстречу бегу,
И желаю всем людям победу.

Где же крылья мне взять,
Чтоб детей защищать
От беды, от войны и от горя?
Где же силы нам взять,
Чтоб страну поднимать
От утраты, войны и от боли?

* * *

Вот и осень наступает,
Красотою манит лес.
Сердце снова замирает
От красот и от чудес.

И берёзки нарядились
В позолоченных девиц.
И парчою принакрылись,
Превратились вновь в цариц.

Снова осень разоделась
В распрекрасную княжну,
На рассвете вся обмылась,
Прогулялась по леску.

Кудри золотом сплетёны,
По ветвям скользят шелка.
Как люблю тебя я, осень,
Раскрасавица-душа!

ВСЁ Ж ПРЕКРАСНЕЙ НЕТ ДЕРЕВНИ!

Но всё ж прекрасней нет деревни!
Её уюта, тишины.
И колокольный звон из церкви,
И бабушки, и старики.

Бабулькам дома не сидится,
На грядках кружатся с утра...
Они земельку свою холят
И всем желают лишь добра!

Они и дворик украшают,
Цветы сажают, внуков ждут...
Детишек в школу провожают
И в клубе песенки поют!

И с днём рожденья поздравляют,
И выпекают пироги,
Проблемы сельские решают.
И поют песни от души!

Деревня, милая деревня,
Я преклоняюсь пред тобой,
Святая, нежная как песня.
И я горжусь всегда тобой!

Александр ГОЛОВКО

Поэт, прозаик, публицист, автор-исполнитель песен. Член Российского союза профессиональных литераторов, Международного союза творческих сил «Озарение», литературно-музыкального объединения «Эолова арфа» (г. Пятигорск), руководитель ТО «Синегорье».

Родился 26 июня 1949 года в п. Переволоцком Оренбургской области. Воспитывался в детском доме. Окончил среднюю школу, Прокопьевский электромашиностроительный техникум (Кемеровская обл.). Работал на разных должностях в Сибири, на Северном Кавказе. Женат, двое детей, пятеро внуков.

Печатается в газетах, журналах Ставрополя, российских сборниках, журналах. Автор более 30 книг стихов и прозы для детей и взрослых.

ЗЕРКАЛЬНЫЙ СОНЕТ

В зеркало гляну, и грустно очам,
Мне неуютно под собственным взором.
Кажется мир окружающий вздором.

Рядом неясная бродит печаль...
Парус крылом промелькнул, словно ворон,
Отблески в гранях как льдистый хрусталь.

Будто зовёт меня с явным укором
Зеркало, что же я сделал не так?
Внешность – конечно же, это пустяк.
Всё в этом мире меняется скоро.

Тратим столетья мы за разговором,
Время порой замедляет свой бег.
Жизнь в зазеркалье встаёт приговором.
В этих иллюзиях – весь человек...

СОВРЕМЕННЫЙ СОНЕТ

Сонеты будто устарели,
Но жив классический сонет.
Поэты, барды, менестрели,
Без вас и смысла в жизни нет.

Сонетом радуют поэты:
Изящной формой, кругом тем.
Да, видно, он прельщает тем.
Так пусть рождаются сонеты!

Игра ума и вдохновения
И ёмкость самовыражения.
Всё стройно, как парад планет!

Но жизнь другая на дворе.
И лишь любовь в одной поре,
Её и славит мой сонет.

РОДСТВЕННЫЕ ДУШИ

Все поэты – родственные души,
На одну настроены волну.
Слышать звёздной песни глубину,
Музыку стиха дано им слушать.

Люди, я один во всей Вселенной,
Где вы? Отзовитесь, грустно мне...
Жизнь, как несгоревшее полено,
Догорает медленно в огне.

Поделюсь я с родственной душой,
Как в вагоне поезда ночного,
Не боясь, что встретимся мы снова,
Может, будет вместе хорошо...

ЭФЕМЕРНОСТЬ ЧУВСТВ

Говорят, у нас всего пять чувств:
Зрение есть, слух и осязание,
Обоняние и тонкий вкус,
И ещё на что-то притязание.

Нам дано от Бога то, что есть:
Понимать, ценить, любить искусство.

И тогда уже не пять, а шесть
Чувств, душа – ведь это тоже чувство!

Больше – этим чувством я живу,
С ним дышу, ищу, борюсь, страдаю.
Часто и во сне, и наяву
Вдохновенно по небу летаю.

Эфемерное, оно живёт во мне,
И нельзя его рукой потрогать,
И рождается молча в тишине,
Увлекая в звёздную дорогу.

Вдруг под сердцем всколыхнётся стих,
Затрепещет песнею красивой!
Я бываю разудал и лих,
Коль грущу о матери-России.

Сколько чувств? Да сколько ни возьми,
С ними тоньше жить. Я всем желаю
Ощущать полней себя людьми,
Чувствуйте же, люди, умоляю!

БЕРЁЗЫ РОССИИ

Берёзы, воспетые Русью,
Есенин вас тоже любил.
Однажды с разбавленной грустью
Берёзовый сок пригубил

И стал опоённым навеки
Руси несказанной красой!
Берёзок прозрачное млеко
Нас поит горючей слезой.

Их в каждом полно околотке,
Бегут босиком по росе
Невестушки наши, красотки,
Любуются грацией все,

Зелёным весенним нарядом
И гибкостью белых стволов.
И в горе и в радости рядом
С Россией. И ей бьют челом.

Полезны берёзы недаром:
Попарить ли в баньке бока
Берёзовым веником с паром?
И сгинет забота-тоска...

Берёзы шершавую кожу
Поглажу слегка на стволе.
О, как мы с берёзой похожи
В любви к своей русской земле!

Берёзы с Россией горели,
Бедой умывались не раз...
Но вновь зацветали апрели,
Она возрождалась тотчас.

Берёзы, родные берёзы,
Вы сёстры мои по крови.
Саднят словно в сердце занозы
Нетленной к вам с детства любви!

БРАТЬЯ ПО РАЗУМУ

Яркие звёзды на небе.
Лето, теплынь – благодать!
Сколько незримого, где бы
Мог я ещё побывать.

Сонмы галактик и рати
Солнц, что открытия ждут.
Где вы, по разуму братья,
В чём ваш сердечный недуг?

Где ваши звёздные тропы,
В чьих заблудились мирах?
Зря, может, как недотёпы,
Жизнь прожигаете в прах?

Встретиться с нами хотите,
Но заблудились в пути?
Ищем и мы вас, простите,
Только не можем найти...

В небо взираю с надеждой,
Звёзды в глаза мне глядят.
Взором ласкаю их нежно,
Но беспристрастен их взгляд.

«ВЕСЁЛЫЙ РОДЖЕР»

Наш «Роджер» пиратский над реями реет,
Скитается бриг по волнам.
Доплыть бы до берега нам поскорее,
От шторма укрыться бы нам!
Есть остров заветный в лагуне лазурной,
Где бурю корабль переждёт.
Но ветер нас гонит – упрямец безумный,
В объятия смерти ведёт.
Болтаемся пробкою в пенной пучине,
И кануть мы можем на дно...
От страха пиратская кровушка стынет,
Как в тёмной бутылке вино.
А мачты и палуба стонут и гнутся,
Бесстрашен лишь верный бушприт:
От волн он не может никак увернуться –
Вперёд, словно чайка, парит.
Из мглы выдвигается пальмовый остров,
Но рифы встают на пути
И в брюхо врезаются злобно и остро,
От гибели нам не уйти.
Мелькнёт на прощанье в померкшем сознание
Далёкого детства рассвет,
Где мама-испанка стоит в ожиданье,
Ждёт сына, а сына всё нет.
А утром утихнет вокруг непогода,
В обломках лишь крабы снуют
Да знамя пиратов над рифом свободно
Повиснет, найдя свой приют.
Зловеще полощутся череп и кости,
Печален пиратский итог.
Не всхлипнет вдова на далёком погосте –
На дне их навеки чертог.
И только в мальчишеских грёзах являться
Пиратам ещё суждено,
Из книг приключенческих тенью пиратской,
Покинув забвения дно.
Плывут бригадины, летят каравеллы,
Несутся в чужие края.
Парят облака вольным парусом белым,
А юнга на палубе – я!

ЯБЛОКО ДЕТСТВА

Старый сад. Деревья у окна.
Домик утонул среди яблонь, вишен.
Помню детство – свет и тишина,
Стук лишь яблок падающих слышен.

Цвета мёда яблоко «налив»
Бьётся кулачком в моё оконце,
Сквозь себя луч света пропустив,
Греет сердце маленькое солнце.

Таёт соком сладким на губах
Сорванное чудо наливное.
Как в библейских выросло садах,
В детство укатилось золотое...

КРАСНЫЙ В КРАПИНУ ПИРОГ

Травы росные июля,
Травы, сочные, густые,
Вы – зелёные такие,
В эту пору вас люблю я!

Так хочу упасть в ромашки,
В зверобой, полынь и клевер,
Позабыв про юг и север,
Млеть от солнечной мордашки.

Притяну губами кашку,
Пальцем трону лебеду я
Маслянисто-молодую,
Посажу на нос букашку.

Здравствуй, божия коровка,
Добрый ваня-комарок,
Красный в крапинку пирог,
Испечённый солнцем ловко!

Звон цикад над лугом льётся,
Наполняя высь и ширь.
Счастлив, словно богатырь,
Ведь по мне гуляет солнце!

Екатерина ГРУШИХИНА

Родилась в 1973 году в Москве. В юности прошла творческий конкурс в Литературный институт им. Горького на факультет поэзии, но в дальнейшем получила экономическое образование и работала в страховой отрасли.

Первая подборка стихов напечатана в газете «Рабочая трибуна» (1993, Москва). Далее публиковалась в журналах «Родная Кубань», «Северо-Муйские огни», «Ротонда», «Звонница» и др. Лауреат, финалист и дипломант международных, всероссийских и региональных конкурсов. Член ЛИТО «Звонкая строка», г. Красногорск.

Проживает в г. Красногорске Московской области.

ДАЛЬНИЙ ВОСТОК

Посвящение дочери

Я увезу тебя на Дальний,
Прошитый сопками, Восток.
Там по небесной наковальне
Штормов грохочет молоток.
И ты, дитя равнины русской,
Вмиг разругаешься как блин –
Хребтами древними приплюснут,
Волхвует Сихотэ-Алинь.
Из толщи недр мезозойских,
Из вулканических пород
Кристаллизуется приморский
Благожелательный народ.
И, солнца утреннего лаской
Согреты, словно ручейки,
Вдоль по Амурской и Светланской¹
Помчатся славные деньки.
Лети, лети, моя родная
(Трап самолёта как трамплин),
Туда, где гладит длань земная,
Хребтов морщины разминая,
Горбатый Сихотэ-Алинь.

РУСЬ МОЯ, СЕРДОБОЛЬНАЯ СКАЗКА

Малахитовых елей макушки
Окунулись в небесную твердь –
Отчего в деревенских избушках
Сердцу русскому хочется петь?
Покатилась луна на салазках,
Разругалась, как каравай, –
Русь моя, сердобольная сказка,
Песнопеньями предков жива!
Славься, общество верных пиитов,
Охраняй красоту языка.
Ой ты, Русь моя – в небо калитка,
Маков цвет да студёна река.

УМЧУ НА ЭЛЕКТРИЧКЕ С ПАВЕЛЕЦКОГО

Умчу на электричке с Павелецкого²,
Умчу в деревню, в ласковую глушь,
Туда, где спят воспоминанья детские
В тени сливово-яблоневых кущ.

Туда, где цвет благоуханный липовый
Бабуля бережно заваривает в чай.
Калитка покосившаяся скрипнула –
И я бегу родителей встречать.

Бегу, бегу махровыми лужайками –
Порхают семицветики у ног.
Так изобильно счастье, что не жалко мне
Вплетать его в ромашковый венок.

Умчу на электричке с Павелецкого
В смородинно-крыжовниковый рай,
Туда, где жизнь божественно простецкая,
Как дедов накренившийся сарай.

А электричка полотнищем стелется,
Горчит судьбины вересковый мёд.

И бабушка вздохнула: «Перемелется...»
И буркнул дед: «До свадьбы заживёт».

¹ Амурская и Светланская – улицы в г. Владивостоке.

² Павелецкий вокзал – железнодорожный вокзал в Москве.

ПАПА КАТИТСЯ НА ВЕЛИКЕ

Запорóшило, завьюжило,
Как полсотни лет назад.
Снег кокосовыми стружками
Устилает «город-сад».
И не плачется, не воется –
День заботами увит,
А судьба моя – раскольница,
Оморочить норовит.
А судьба моя – путятишна,
Позабавилась сполна,
С языка снимаясь ятями,
Истончаясь, как струна.
Нараспев привольно стонется,
Как шарманку ни крути.
А судьбина вражьей конницей,
Басурмановой, летит.
Начищаю тело бренное,
Навостряю два крыла
В мир, где море по колено мне,
В дом, где маленькой была.
Ниспадают перламутрово
Серьги старенькой ольхи,
Тополя с глазами мудрыми
Как святые их стихир.
Ясноокая провинция,
Детства нежная душа,
Там и булка круглолицая
Будто радости ушат.
Пролечу вечерней зорюшкой
Мимо булочной, в кино.
Далекó-далёко горюшко
Для меня припасено.
Обогнув речушки старицу,
Окажусь на мостовой –
Самоцветами хрусталится
Городок вовек живой.
По ссутуленному мостику
Вдоль по радуге сбежать
В край, где папе двадцать с хвостиком,
Ну а маме – срок рожать.
Перелётными апрелями,
Январями из слюды
Папа катится на велике,
Оставаясь молодым.
И не ведает, хороший мой,

В небе делая круги,
Что, метелью запорошенный,
Он – трагически погиб.

Начищаю тело бренное,
Навостряю два крыла
В мир, где море по колено мне,
В дом, где маленькой была.

Я РОДИЛАСЬ В ДАЛЁКОМ ОКТЯБРЕ

Я родилась в далёком октябре,
Окаменели времени скрижали
С тех пор, и поезда отдребезжали,
И корабли уплыли в синь морей.
Когда голубоглаз и босоног,
То никакого счастья не надо,
Оно и так благоухает рядом,
Как медуница, ласковый вьюнок.
Вот помнится, бегу за пирожком
По пять копеек к заводской столовой,
А солнце дремлет в веточках еловых
И чинно ходит по́ небу пешком.
Уютный подмосковный уголок,
А если быть точнее, то посёлок.
Понятной, беззаботной и весёлой
Казалась жизнь – введение, пролог.
Года семидесятые – конец,
Так молода ещё и лучезарна мама,
Стройна, черноволоса и упряма,
А рядом бесшабашный мой отец.
Карьер – сосуд из белого песка,
Наполненный студёною водою.
Никто ещё не встретился с бедою,
Никто ещё не вздрогнул от звонка.
Тону, тону в далёком октябре,
Окаменели времени скрижали
С тех пор, и поезда отдребезжали,
И корабли укрылись в синь морей.

МОЙ ДЕНЬ ЖИВЁТ С ОКОНЦЕМ НА ВОСТОК

Мой день – курьер, идти приговорён
По перешейкам вымощенных улиц,
И позвоночный столб его, ссутулясь,
Протрузиями смыслов испещрён.
В душе великовозрастный пацан,
Мой день и сиротлив, и непригляден.
Поправит осень охровые пряди
Листвы – у пожелтелого лица.
Мой день живёт с оконцем на восток.
Проклюнув скорлупу анабиоза,
Поэзия заковыляла прозой,
Бродяжничая в твидовом пальто.
Как посуху ступает по воде,
То говорлив, то вовсе бессловесен,
То пономарь, то инок, то повеса,
То истовый молитвенник – мой день.
А что потом случится, что потом?
Когда луна на ниточке повиснет –
Напившись эля, загорланит висы
Пропавший скальд из цирка шапито.
Распустится целебный любисток
К заутрене, вальсируя над миром,
Чтобы пролить врачующее миро
В твоё окошко с видом на восток.

СТАРУХА ДРЕМЛЕТ НА КРЫЛЕЧКЕ

Старуха дремлет на крылечке,
У Бога дремлет на виду,
И каждый куст очеловечен,
Её руками. Будто вечность
Взошла лилейником в саду.

Старуха дремлет. Сон некрепок –
Горчит калиновым вином.
И смотрит Бог на грядку репы,
Избу в бурьяне и сурепке,
Худой сарайчик дровяной.

Старуха дремлет, руки свесив.
Сморил июльский солнцепёк.
Ей невдомёк, в какие веси,
Где только черти куролесят,
Приехал на побывку Бог.

Старуха – божий одуванчик,
Легонько дунь – испустит дух,
Господь всемилостивый плачет –
Дарует зрение незрячим,
Глухим раздаривает слух.

Старуха спит. Свинцовы веки,
Но тело устремилось ввысь.

Глядит Господь на человека,
На маленького человека,
И шепчет на ухо: «Проснись».

ДАЙ ТОЛЬКО ГОРНИЦУ ПРИБРАТЬ

Настанет время умирать,
И призовет Господь.
Я удивлюсь:
– Уже пора?
Дай только горницу прибрать,
Клубнику прополоть.
А дочь приедет – кто же ей
Салатик покрошит?
Молю, хотя б на пару дней
Отсрочь загробное турне,
Возничий, не спеши.
За тиканьем часов – кредит.
Одобри, акцептуй.
Мой тихий безотрадный быт –
Продли его. Как сладко быть
Мгновеньем – там и тут.
Вживаться в утреннюю хтонь,
А в сердцевине дня
Узреть, как розовый бутон
Благоухает. Вот за что –
Смерть предпочла меня?
За краем – райский вертоград
Ли? Гиблый бурелом?
Мой домик – на семи ветрах,
Дай только горницу прибрать,
Клубнику прополо...

Роман БАШКАРДИН

* * *

Родился 6 июня 1984 года в г. Йошкар-Оле. Стихотворения публиковались в сборнике стихов «Симфония ночи», альманахах «Вольный лист», «Вдохновение», «Мгинские мосты», журналах «Ротонда», «Звонница», «Родная Кубань», «Литера».

Дипломант премии «Моё солнцестояние – 2023», конкурса «С любовью к женщине» и «Литературные Старки – 2024 им. Ю. Друниной» от МОО СП России, фестиваля-конкурса «Чем жива душа – 2024» им. К. Васильева и других поэтических конкурсов.

* * *

По янтарному свету солнца,
по узорам теней на блюдцах
понимаешь:
медовый август –
он пришёл.

Он опять вернулся.

Понимаешь:

печальный август –
он как вечер у воскресенья:
ещё ласково светит солнце,
только воздух уже –
осенний.

Ещё летопись откровений
о зиме,
что, конечно, будет,
ниспадает седым туманом
на соцветия
летних судеб.
И штрихами созревших яблок
загорается где-то просинь –
это терпкий,
медовый август
открывает ворота в осень.
Скоро в светлых её чертогах
станет вновь
и темно,
и пусто.

Так встречай же янтарный август –
торжеством
неприметной
грусти!

Неси моё сердце к погостам,
Где чувствовать боль очень просто,
Где скорбь, как усталая птица,
Крылами о душу стучится,
Где в надписях плит, как в скрижалях,
Вся жизнь человека ужалась.
Меж букв отпечатались ночи,
Желанья вплелись между строчек,
Сомненья, слова и усталость
Теперь только в камне остались.
И сверху красивое фото
Осенней горит позолотой,
Улыбки сверкают на солнце,
И солнце в ответ им смеётся –
О том, что живыми цветами
Не предана светлая память,
О том, как их помнят и любят.
И встреча когда-нибудь – будет.

* * *

Когда устанут жить пророчества
в моих измученных глазах –
в них остаётся
одинокчество,
как на асфальте – бирюза
густых снегов.
И вдруг, покорный,
устанет царствовать февраль –
растает на стекле оконном
его узорная вуаль.

И в разноцветиях апреля,
и в разнотравиях земли
уснут симфонии метелей,
заблещут певчие ручьи.

Уйдут, сомкнув венок из фрезий,
приняв присягу тишине...

...как будто вся моя поэзия
обещана твоей весне.

* * *

Март – это первый цветок,
Сумрак весенних дорог,
Пульс оживающих дней,
Их переменчивый ток,
Прикосновение строк,
Талого неба следы,
Кожа небесного льда
В омуте стылой воды.
Здесь, на краю пустоты,
Сонных
Обшарпанных крыш
Молятся небу коты,
Криком разорвана тишь.
Ты у окошка стоишь
В обруче спутанных слов –
Это ли мартовский дождь
Льёт темноту облаков?
Это ли к вешней земле
Тенью спадает вода,
Болью разверзнута брешь,
Тонкого неба слюда?
Это ль бездушная тьма
Сгорбила все фонари...

...или всего лишь конец
повести нашей любви.

* * *

В заброшенном храме, под куполом самым,
Пронзивший осанной бездонную высь,
Стоял у престола заоблачный ангел,
Печальные очи понуривший вниз.

У самого сердца в знамении крестном
Он присно и праведно руки сложил.
И плакало сердце, усталое сердце,
И в сердце болел человеческий мир.

Крылами укрытый, творил он молитвы,
Лучами свечи окоём обрамя, –
О скором конце нескончаемой битвы,
О том, чтоб вернулись домой сыновья.

И тихо молясь всё печальней и кротче –
О людях, взывая божественный свет,
Распевно просил: «Вседержитель наш, Отче,
Помилуй их, грешных, избави от бед».

И ангел шептал, и туманились блики,
И в отзвук молитвы вплеталась душа,
И свет неземной из окон базилики
На тот окоём нисходил не спеша...

В заброшенном храме, под куполом самым,
Небесной свечой окоём обрамя,
Стоял у престола заоблачный ангел,
И горним покоем сияла Земля!

* * *

Ты болеро на тоненьких плечах,
Петроглиф ветра на палитре снега.
Ты тонкая церковная свеча,
Горящая мольбой в святое небо.

Ты мой палач, и ты мой пьедестал,
Ты мой апостол у калитки рая.
И если я споткнулся и упал –
Ты лик икон, что плачет, но прощает.

Ты скрип окна весеннему теплу,
Ты первые подснежники апреля,
Ты гордый стяг, что реет на ветру
Как символ возрождения и веры.

Ты никогда не гаснувший маяк,
Ты звёздный свет, что пасть в ладони грезит...

И если я останусь без тебя –
Умрёт Поэзия.

* * *

Посмотри на меня, пожалуйста,
И присядь в этот тихий вечер.
Данью чувственной нашей данности
Он оплачен. Он тих и вечен.
Он так хвойно вздыхает соснами
Под свирель твоего апреля
И ступает ногами босыми
По истёртым ступеням веры.

Словоточи со мной,
Пожалуйста,
Прямо в сердце, легко, укромно,
Там, где пара шагов до старости
Уже ждёт в окоёме комнат.
Говори, говори пророчеством,
Как весну прорицают птицы,
И спасай нас от одиночества
В той эпохе, где нам чуть тридцать.
Где ещё не темны печалью,
Неземны и иконны чувства,
Где и присно ещё не знали мы
Всю исконную цену грусти.
Где стою я всё тем же мальчиком
У окошка, в рассвет одетым.
И над небом, тобой означенным,
Так огромно восходит лето.

* * *

Летний вечер пал брусничным платом
На реки витражное стекло.
В золотые сумерки заката
Опускалось звёздное крыло,

Нисходила млечная осанна
На реки серебряную длань
И фатой белёсого тумана
Укрывала медленно бурьян.

Зацвели бриллиантовые росы
Травным разноцветием дорог –
Словно вмиг обманчивая россыпь
Сотен солнц раскинулась у ног,

Словно благодать самой природы,
Вышивая нитями судьбы,
Шьёт пространство звёздного порога
Из немой межзвёздной пустоты.

С сумерками августовской ночи –
Встречи и дороги впереди –
Как прекрасен омут многоточий
На рубашке Млечного Пути!

Как обворожительно красивы
Берега в сиянии луны
Там, где спят застенчивые ивы
В серебре туманной тишины!

* * *

Приходи ко мне в ночь,
в мой тобою забытый дом,
где повсюду стихи
тихо шепчутся о былом,
где на сумерках стен
бледной тенью
висит луна
и звенящею бездной
скребётся
в квадрат окна.

Приходи ко мне в ночь,
приходи, когда дождь и снег,
когда время
безудержный свой
ускоряет бег,
когда где-то в груди –
аритмией – сердечный стук.

Приходи ко мне в ночь
на двоих разливать тоску.

Заходи ко мне в осень –
в бокалы налить печаль.
Пусть виски серебрит
пережитых имён печать.
Пусть на жизненных тропах –
туман и идут дожди.
Просто выверни жизнь наизнанку.
И приходи.

Воспитание классикой

Татьяна ГУШЕЛЬ

Родилась в г. Белгороде. Окончила факультет архитектуры и дизайна в БГТУ им. В. Г. Шухова. С детства увлекалась поэзией и прозой. Публиковалась в русско-сербской газете «Диалог». Летом 2024 года стала победителем фестиваля молодёжного творчества «Берег» в номинации «Проза». В декабре 2024 года издала первую книгу «Кофейные хроники» – сборник художественных рассказов. Занимается в литературной студии «Младость».

– На берегу пустынных волн... на берегу пустынных волн... – тоскливо затянула десятилетняя Маша, водя глазами по потолку.

– Угу, – кивнул Григорий Петрович, сидя в кресле с газетой в руках.

Он только делал вид, что читает, а сам внимательно слушал внучку.

– На берегу пустынных волн стоял он, дум великих полн, и вдаль глядел... – Душа девочки сопротивлялась «Медному всаднику», так неожиданно возникшему в её жизни.

Маша перекатывалась с носков на пятки, с пяток на носки, а щёки краснели спелым помидором, вроде того, что она ещё утром тайком сорвала в теплице.

– А дальше? – после затянувшейся паузы он отложил газету и взглянул на Машу поверх очков.

– ...Пред ним широко река неслася; бедный чёлн по ней стремился одиноко...

– Продолжай.

– ...По мшистым, толстым берегам...

– Топким.

– ...По мшистым, топким берегам чернели избы тут... – Маша наклонила голову влево, – ...и там, – а потом вправо, – приют убогого чухонца; и лес, неведомый лучам в тумане спрятанного солнца, кругом шумел. И думал он... – Решив, что этого на сегодня достаточно, девочка тихо-нечко взвыла: – Деда, это ужас какой-то! Может, придумаешь что-то полегче? Не понимаю я твоего Пушкина!

– Машенька, Пушкин – это классика. А классика – наше всё. Её нужно знать. Пусть сразу ты всё не поймёшь, но потом, через много-много лет, придёшь ко мне и скажешь спасибо, потому что в ней будут ответы на многие вопросы жизни.

– Я уже всё знаю! Ты нам это много раз читал. Зачем ещё учить?

– Затем, дорогая, что это твоё наказание. Причём, заметь, не самое суровое. Это раз. Затем, что я обещал твоей маме сделать из тебя образованного человека. Это два.

– Не знаю, как вступление к поэме «Медный всадник» сделает из меня образованного человека, – вздохнула девочка, а потом, набрав-

шись смелости, спросила: – Может, всё-таки, ну там, недельку без сладкого?

– Мария! – строго сказал дедушка.

– Ладно-ладно. – Она направилась к выходу из гостиной, но задержалась в дверях, обернулась и, понимая, что дедушкино терпение может вовсе закончиться, осторожно спросила: – А можно мне погулять, когда выучу половину?

Григорий Петрович улыбнулся:

– Ну и упрямица же ты! Мы о чём с тобой договорились?

– Пока не выучу всё вступление...

– Ну и какие вопросы?

– Никаких...

Григорий Петрович снова взял в руки газету и перелистнул страницу.

За несколько дней до...

Григорий Петрович совсем недавно вышел на пенсию, а в начале года потерял супругу. Оказавшись на даче в полном одиночестве, попросил детей привезти внуков на лето. Дети промешкались немного, как, мол, он один да с тремя? Раньше ими всегда занималась бабушка. Ловко готовила завтрак на пятерых, слушала их рассказы о школе и садике, давала задания по огороду, организовывала походы на речку, включала мультики и читала перед сном. Она умела создать отдельный мир не только для внуков, но и для любимого мужа. Настоящую маленькую жизнь. Григорий Петрович обычно много работал, не имея в запасе свободного времени, отдавал себя делу, веря, что «для своих» время ещё будет. Теперь оно у него было. Только её не стало. И дом опустел, и тишина повисла, и сам он, кажется, оборвался. Вместо летнего лагеря внуков всё же привезли к дедушке.

Программа летнего чтения на даче выглядела примерно так: после обеда Григорий Петрович собирал детей в гостиной, садился в любимое кресло и начинал читать им вслух. Красиво так, с оборотами, интонацией, меняющимся голосом и жестами. Начал с поэзии. И конечно же, с Пушкина, стихами которого и сам частенько зачитывался перед сном. Думал: «Вот это им точно понравится», водя указательным пальцем по любимым строкам. Внуки слушали

минут двадцать, а потом начинали вздыхать, переглядываться, следить за стрелкой часов. Солнце, лето и... стихи. Уж лучше бы лагерь...

Когда урок заканчивался и Григорий Петрович закрывал книгу, дети шумно разбегались в разные стороны, оставляя дедушку вместо себя осознать всю красоту и глубину прочитанного. Он тяжело вздыхал и надеялся, что они поймут. Со временем.

Так прошло почти две недели.

Июньское солнце разогрело речную воду, а закладка в томике Пушкина приближалась к концу книги. На пожелтевшей странице появился «Медный всадник». Григорий Петрович питал к нему особые чувства. Он очень напоминал ему о собственном Питере – о службе на морском флоте, дружбе, зародившейся там на всю жизнь, о невероятной мощи человека, заложившего здесь первый камень, и, конечно, о ней, которую банально встретил на Невском проспекте у разводного моста. Он отложил книгу и начал рассказывать детям о Финском заливе, о том, как строился Петербург, об архитектуре, о белых ночах. А ещё – как моряком бегал по мостовой, давал клятвы, писал стихи и переписывал этого самого «Всадника» для «вашей бабушки»... Дети слушали, затаив дыхание. Они никогда прежде не видели дедушку таким.

– А о чём этот «Медный всадник»? – любопытствовала Маша.

– Сейчас я вам прочту!

Григорий Петрович надел очки и начал читать:

*На берегу пустынных волн
Стоял он, дум великих полн,
И вдаль глядел...*

*...И перед младшею столицей
Померкла старая Москва,
Как перед новою царицей
Порфиноносная вдова...*

Он закрыл книгу и тихо сказал:

– На сегодня, пожалуй, достаточно. Прочитаете дальше сами, если хотите. А я вам пока дам задание.

– Какое? – с интересом спросили дети.

– Каждый выберет себе кусочек из этого вступления и выучит наизусть. Десять-пятнадцать строк. Это несложно. Расскажите мне, и после пойдём купаться на речку. Как вам такое предложение?

– Да-а-а!!!

– Ага, договорились, значит. Только учим дома. Никуда не разбегаемся. Вместе выучите, расскажете, и пойдём купаться. Погода сегодня отличная. Думаю, все условия для учёбы подходящие. Да и произведение вам, похоже, понравилось.

Григорий Петрович хлопнул ладонью по ручке бархатного кресла, в котором сидел, и расплылся в довольной улыбке.

Дети побежали наверх.

– Маша, ты бери первые десять строчек, а я возьму вторые. Надо по старшинству, – сказала Катя, взяв на себя распределение ролей в их маленькой театральной труппе.

– Нет, я возьму последнюю часть. Хочу закончить красиво. А ты начинай, – заключила Маша.

– Ну вот, мне опять самое скучное достанется, – надул губы Петенька.

– Ты посередине двух дам будешь! – захихикали девочки.

Картина на даче Григория Петровича вырисовывалась великолепная.

Теплый ветер развеивал белые простыни на верёвках, красные помидоры поспевали на солнце, настенные часы отсчитывали секунды, муха перелетала из угла в угол, бабушкин гобелен, висящий в коридоре, словно придерживал указательный палец у рта для каждого, кто решится нарушить эту сладостную тишину.

В первой комнате шестилетний Петенька, оседлав деревянного коня-качалку, повторял раз за разом: «...Отсель грозить мы будем шведу, здесь будет город заложен на зло надменному соседу...» Он уверенно поднимал правую руку вперёд, а маленький курносый нос вверх, представляя себя уже не Петенькой, но Петром, прорубающим окно в Европу.

В соседней комнате Катя, с длинными косичками, готовилась к театральному дебюту. Вместо стихов она старательно репетировала выход к зрителям после ошеломительного триумфа и обращение к поклонникам: «Благодарю», – прижимая руки к груди. «Что вы, не стоит!» – обмахиваясь платком. На кровати два платья, в сердце лёгкость, ну а книга на краю письменного стола стеснительно «смотрит» в центр.

В комнате Маши тишина. Лёжа на кровати, девочка закинула ноги вверх и тихо нашёптывала стихи, то сбиваясь, то начиная сначала. Резкий стук в окно заставил её отвлечься. Маша прижала книгу к груди и затаила дыхание. Стук повторился. Ею овладело любопытство. Она тихонько встала и на цыпочках подошла к окну.

– Женя, – облегчённо выдохнула Маша. – Это ты!

– Пойдём гулять! – загорелый мальчишка шурился от солнца, глядя вверх.

– Не могу – стих учу.

– Зачем?

– Дедушка сказал, если выучим, вечером купаться пойдём.

– Разве для этого надо стих учить?

– Кому как.

– А что он делает?

– Спит вроде.

– Давай сами сходим, пока он спит.

– А стих?

– Я тебе помогу выучить!

Пробравшись неслышно мимо гостиной, где в кресле посапывал дедушка, счастливая Маша спустилась вниз по лестнице. Босоножки на ноги, купальник в шляпку, книгу под мышку – счастливая Маша думала, что вот оно, настоящее приключение, вот его вкус, то, ради чего стоит жить, а не все эти стихи, стихи, стихи...

Она выбежала на улицу и ткнула томиком Пушкина в Женин живот:

– На, учитель! Ты слово дал, что я всё выучу!

– Раз дал, значит, сдержу! Я же мужчина! – Женя гордо распрямил плечи и зашагал уверенно, пытаясь изо всех сил не смотреть в её сторону.

– Вот и проверим! – Машу развеселила его серьёзность.

– Договорились, – мальчик внимательно покрутил книгу со всех сторон и вслух прочёл в оглавлении: – «Евгений Онегин». Это о ком?

– Дедушка говорит, что о дураке.

– Пушкин, говорят, про любовь много писал.

– Значит, – рассуждала Маша, – это о дураке, который любит... или не любит?

– Ага, – вздохнул Женя. – Совсем как я...

– Ты что, тоже дурак?

– Мама говорит, что нет, но я ей не верю, – без улыбки на лице ответил он.

Маша рассмеялась так заразительно, что Женя тоже не удержался. Так и шли они по дороге, ведущей к реке, и хохотали. Маша над Жениной шуткой, а Женя – просто потому, что смеялась она. Ему от этого было хорошо.

Пляж представлял собой небольшой участок песка, окружённый плакучими ивами, тополями, дикими сливами и старыми дубами. Кто-то из местных жителей соорудил здесь небольшой деревянный мостик. Идеальное место для уединения и слияния с природой. Однако популярностью оно не пользовалось. Видимо, хранители этого уголка тщательно оберегали тайну его расположения, не желая впускать сюда всех желающих. Женя с Машей нашли это место случайно и, следуя негласному правилу, никому о нём не рассказывали. Просто приходили сюда купаться и дурачиться от души.

Бросив вещи на песок, они с разбега прыгнули в воду, наперебой крича: «Юху-у-у!» Делали «бомбочки», наперегонки доплывали до берега, брызгались друг на друга, сидели, кто дольше, на корточках под водой, ловили руками мелких рыбок и рисовали пальцами на песке смешные рожицы. Солнце растворяло капли на их плечах и подсвечивало широčenные улыбки. Так выглядело счастье. Но, как ему и положено, длилось оно недолго.

Женя спохватился, глянув на свои часы:

– Мы уже час тут! Надо учить! – Опозориться он не мог.

– Точно! – засуетилась Маша возле своей одежды. – Доставай книжку, учитель.

Женя обтёр мокрые руки и голову футболкой. Открыл книгу и уселся на деревянный мостик в позе лотоса, ища нужную страницу.

– Что тебе надо учить?

– В самом конце «Медный всадник». Вступление. – Маша распустила волосы, чтобы высушить, и вместо гребня расчёсывала их пальцами.

– Всё вступление?! – уставился на неё Женя.

– Ты что! Оно же огромное! Мне отрывок нужно. Вот этот кусочек, – она подошла к нему и ткнула пальцем в нужные строчки.

– Понятно. Есть у меня одна техника, одноклассник научил. Он всегда перед уроком читает стих раз двадцать без остановки и первым идёт отвечать. Ни одной осечки!

– Точно?

– Попробуй!

Маша прочла отрывок один раз, потом второй, третий, четвёртый, пятый... Женя закинул руки за голову и лёг на мостик. Смотрел в облака и слушал её. Как только она заканчивала читать, тихо говорил: «Ещё раз». Она слушалась и продолжала.

Казалось, счёт дошёл уже до сотни, когда уставший язык девочки еле выговорил:

– Всё...

– Запомнила? – Женя приподнялся.

– М-м-м...

– Давай мне книжку и рассказывай.

К своему удивлению, Маша рассказала отрывок как по писаному и без запинки. Закончив, она радостно воскликнула:

– Я выучила! Я выучила! Спасибо, Женечка! – Маша обняла его и чмокнула в щёку.

Женя был счастлив. Окончательно и бесповоротно.

– Ой! – испуганно спохватилась Маша. – Надо бежать. Дедушка проснётся, караул будет. Ты же знаешь, у нас порядок как на флоте, а я не отпрашивалась...

– Пойдём.

Они собрали вещи и направились домой. Маша всю дорогу взахлёб повторяла выученный стих. Женя рассеянно слушал и всё думал о щеке, так предательски раскрасневшейся от поцелуя.

Проводив Машу, он отдал ей вещи и, быстро развернувшись, пожелал через плечо: «Удачи!» Она с секунду удивлённо смотрела ему в спину, потом очнулась и побежала домой. «Странный», – промелькнуло в голове на второй ступеньке крыльца. «Ну и ладно», – пронеслось на восьмой. Осторожно приоткрыв дверь, Маша вошла в дом.

Операция «войти в одну реку дважды» шла успешно. Маша незаметно вернулась в комнату и переоделась. Дедушка что-то готовил на кухне. Её купальник был ещё влажным, и она вынесла его досыхать на балкон. Со спокойной душой она ещё раз повторила стих перед зеркалом и с важным видом зашла за Катей и Петей:

– Выучили? Пойдёмте!

Они гуськом спустились вниз, точно театральная труппа.

– Мы готовы! – провозгласил Петенька.

Григорий Петрович отключил суп на плите, вытер руки вафельным полотенцем и присел на стул.

– Деда, может, в зале? – спросила Катя, переживающая за свой реквизит.

– Конечно-конечно, – охотно согласился Григорий Петрович, сознавая значимость момента для внуков.

Выступление состоялось. Катя начала красиво и манерно, Петенька продолжил с пылким воодушевлением, Машенька спокойно и твёрдо закончила.

Довольный Григорий Петрович всё же сделал детям пару замечаний для виду. Он понимал, как важно задать высокую планку, к которой его юные птенчики будут тянуться, как к солнцу, распрямляя крылья. Он и сам тянулся. За ней. За своей дорогой супругой, незримо ведущей его за собой. Он и сейчас продолжал тянуться. И был от этого счастлив.

– Ну что, собираемся на речку?

– Да-а-а!!! – хором закричали дети.

– Одевайтесь! Я развешу бельё, и пойдём. – Григорий Петрович поднялся и направился в ванную.

В душе Маши всё резко расширилось, потом сжалось, рухнуло, притихло на секунду и закричало с ужасом; по спине пробежали мурашки.

– Дедушка, давай я развешу!

– Я сам, милая, я сам, – опередил её Григорий Петрович с тазиком постиранного белья.

Маша остолбенела. Жизнь пробежала перед глазами, и на щеках вспыхнул яркий румянец.

– Что с тобой? – дёрнула её за руку Катя, обеспокоенная видом сестры.

Маша покачала головой, не в силах ответить. Во рту пересохло.

То трясась, то замирая, она ждала, что сейчас прозвучит суровое: «Мария!» Минуты, за которые Григорий Петрович развесил бельё, показались ей вечностью. Тишина сворачивала Машу пополам.

Григорий Петрович вернулся:

– Маша, ты чего не собираешься?

Девочка стояла потупив глаза.

– Маша...

– Да...

– Там твой купальник на вешалке...

– Да...

– А почему он мокрый?

Маша застыла. Всё кончилось. Мир кончился. Дедушкина любовь кончилась. Она сама кончилась.

– Я... я...

– Что?

Девочка зажмурилась и быстро ответила:

– Я ходила с Женей на речку, пока ты спал.

– Так. – Григорий Петрович поднялся с кресла и подошёл к окну. Постоял немного в задумчивости, потом повернулся и сказал:

– Мы с Катей и Петей пойдём купаться, я им обещал. Тебе тоже обещал, но ты решила по-другому. Так?

– Так.

– Ну так вот, мы пойдём купаться, а ты принеси мне, пожалуйста, «Медного всадника»...

Виктор УСОВ

Эта история... Впрочем, событие, произошедшее со мной в N-ном году, и историей назвать трудно. Однако осколки страха, засевшие в моём сознании после той экспедиции, и поныне заставляют меня просыпаться в холодном поту. Хочется верить, что на всё со временем можно наплевать и забыть. Надеюсь, и о виденном в тайге – тоже. Скажете: «Фобии! Тебе, дружок, нужно бром вёдрами пить!» И, к моему стыду, не погрешите против истины. Каюсь! Страх во мне – тьма тьмущая, хоть на учёт их ставь в психоневрологическом диспансере. Возможно, и увлечение походами по дальневосточным сопкам, лесам и весям я избрал исключительно в целях перебороть эти самые первородные страхи. И друзья у меня подо-

брались для этого что надо! Лёгкие на подъём, весёлые да надёжные. Одно слово – туристы.

В уссурийской тайге осень, самая подходящая пора для пеших блужданий по лесистым увалам, бездонным болотам и тростниковым дебрям. Наша бражка, «четвёрка неприкаянных» – мать-старушка, ворча и огорчаясь, что я всё ещё не порадовал её внуками, именно так окрестила мою компанию, – в очередной раз собралась в дремучую глухомань. К той поре в своих конторах мы истребовали отпуска и, подхватив загодя собранные рюкзаки, на перекладных отправились километров за пятьсот от Владивостока. Где поездом, где автобусом, часть дороги попутным транспортом, затем вертолётном или моторной лодкой – наш путь

¹ Гигантский змей Мудули (Му-дур) – легендарное существо в удэгейской культуре. Змей обитает в лесах Приморья, нападает на людей. У маньчжур слово «мудури» («мудэля») означает «дракон». В этнографических работах подполковника В. К. Арсеньева (1872–1930) змея называется Сингму. Эта амурская змея большая и толстая, как бревно, бывает сухопутной и водной.

должен был завести нас в такие лесные крепи, что сам штабс-капитан Пржевальский¹, узнай, куда нас чёрт несёт, обзавидовался бы.

Тот памятный сезон припас для нас бездну приключений. Дотряслись, значит, мы на ЗИЛ-157-к² до заброшенной базы Татибинской геолого-разведочной партии³. Геологи, искавшие свинец и цинк, ушли отсюда лет с десятков тому назад, и чёрные короба покинутого жилья теснились вокруг пропылённого грузовика избушками на курьих ножках. Скажу вам прямо: заброшенное жильё, с просевшими, осыпанными коростой кирпичей поваленных печных труб крышами и чёрными, мёртвыми глазницами окон – малоприятное зрелище. Мне всё казалось, что из глубокой тьмы гниющих руин спину буравят недобрые взгляды брошенных геологами одичавших домовых. Однако нечего и не на кого пенять – приехали, куда сами хотели! Пора освобождать присыпанный щепой и крошкой кедровой коры кузов грузовика. Спрыгнули на сухую траву, стоим, разминая ноги, хорохоримся, подбадриваем друг друга солёными прибаутками. Но я-то вижу, как приятели, затравленно озираясь окрест, оттягивают прощание с добряком водителем «крокодила»⁴. Даже затеяли с ним перекур. Но сколько ни смоли «Беломор»⁵, а у шофёра свои планы. И вот, рыкая по сиреневым распадам, мощный мотор вездехода утащил от нас единственную возможность выехать к людям, и мы остались одни. Горюй не горюй, нужно следовать далее.

– Мне чудится, – прохрипел Андрей, – или от реки тянет дымком? – Андрюха среди нас самый начитанный, ну и самый нетерпеливый,

¹ Н. М. Пржевальский (1839–1888) – военный разведчик-топограф, путешественник, натуралист. Географ Пржевальский более двух лет: в 1867, 1868 и 1969 годах – исследовал Уссурийский край.

² ЗИЛ-157 – грузовой автомобиль повышенной проходимости производства Завода имени Лихачёва, выпускался с 1958 по 1961 год. В модификации ЗИЛ-157-к автомобиль выпускался с 1961 по 1978 год.

³ Точка на карте в Красноармейском районе Приморского края, где-то между параллельно впадающими в русло реки Тигринки ручьями Буреломным и Тигриным.

⁴ В народе ЗИЛ-157 получил прозвища «колун» и «крокодил». Были и другие имена у этого достойного авто.

⁵ Минздрав предупреждает: «Курение – это яд!» Яд в пачке с надписью «Беломорканал» начали выпускать в 1932 году и производят по сию пору.

что ли. Вечно поперёк батьки норовит в пекло залезть.

– Похоже, кто-то решил отобедать рыбным супчиком! – шумно втянув носом порцию таёжного воздуха, высказал своё заключение Николай, солидных габаритов широкоплечий парнишка. Мы с ним здорово гребли в байдарке-двойке за общество «Спартак».

– Айда, глянем? – зовёт шустрый Сашка и, впрягаясь в рюкзак, бежит впереди всех в сторону стелющегося над луговиной духа рыбной похлёбки.

Делать нечего. Прибираю вещички и чапаю следом за парнями. Дорогу мне заслоняет крайний сруб заброшенного посёлка. Бревенчатый накат поддерживают над землёй сваи-грибки. Нижний венец строения плотники опёрли о траченные временем и ржой старые тазы, покрыв ими обрезы опорных столбов. Всё ясно: продуктовый лабаз! Жестяная шайка – верный способ не пустить к харчам мышей. Поворачиваю за угол продовольственного склада и вижу поросшую высоким тростником широченную речную пойму:

– Тигриный рай, да и только! – цежу себе под нос, а сам тороплюсь к узкому мыску, образованному слиянием безымянного ручья с рекой Тунанцей⁶. На этом галечном носе дымит кострище, вокруг которого суетятся мои спутники. И не только. За их спинами мне удаётся разглядеть незнакомца. Как положено, с папиросами и спиртом, обстоятельно знакомимся с лесовиком, хозяином днёвки. Оказалось, что чернявый абориген живёт в селе Сибичи⁷, по своим надобностям ходил водой аж до посёлка Тигрино⁸ и, на наше счастье, вертается до дому. Перемигиваемся со значением: «Парни, треба за чаем набиваться ему в попутчики!»

⁶ Река Тунанца (с 1972 года называется Тигринкой) впадает в реку Татибе (в 1972 году переименована в Дальнюю). Татибе – приток реки Иман (с 1972 года – Большая Уссурка).

⁷ Село Сибичи с 1972 года называется Глубинным. Село расположено у слияния рек Татибе (Дальней) и Сибичи (Голубицы).

⁸ Посёлок Тигриный стоит на ручье Тигрином, притоке реки Тунанцы.

* * *

Поначалу, не жалея натруженных рук, ухайдоканных ног и одеревенелых спин, наша ватага где на шестах, а то и волоком шла лодкой пару-тройку дней малой водой Тунанцы. И всё для того, чтобы затем выплыть гоголем на речной простор Татибе. Реки знатной – как-никак, километров сто пятьдесят её русло въёт прозрачные водные петли меж скалистых складок Сихотэ-Алиня. Красота кругом – несусветная! Слов нет описать открывающийся с воды вид на прибирающуюся к зимнему сну тайгу. И так мы километр за километром плыли мимо бурых скал, чёрных сопок и пёстро-огненного леса. Оморочкой¹ правил чернявый удэге Тихон, таёжный молчун, прячущий худобу под линялой энцефалиткой. Маракуя на наш счёт, лесной житель, не размыкая вывернутых сизых губ, знай мусолил длинный мундштук китайской трубки. Предпочитая не распространяться о своих думках, Тихон флегматично попыхивал сквозь щетинистый редкий ус сизым дымком, одаривал нас, хилых, нескладных неумёх, неласковыми осуждающими взглядами.

Как я обмолвился ранее, мы – это я, Андрюха, Николай и Сашка – все персоны с одутловатыми, прокопчёнными у костра лицами и узкими, заплывшими от комариных припарок глазами. Прибавить к нашему облику изрядно истрепавшуюся в прошлых хождениях по бездорожью походную брезентовую «броню» – получится, что четвёрка горожан внешне неотличима от аборигена-кормчего.

– Всё, робя, харе на сегодня! – молвил лодочник. Кончая молоть воду, бензиновая тарахтелка, захлебнувшись высокой нотой, смолкла, и длинное судёнышко, вильнув по дуге, клюнуло носом в галечный берег. – Чего ждёшь, тащить надо! – заворчал Тихон, сгоняя пассажиров в спокойную мелкую воду волочить на твёрдую землю лодку.

Любишь кататься – тащи! Хрустим речным щебнем, сопим, ворчим, но, упираясь, прём,

надрывая пупы, подальше от уреза воды средство передвижения. Благо, что сама лодка ничего не весит. Отсоединив топливный шланг от мотора, Тихон отвернул винты крепления и, нежно обняв «Вихрь»², уволок двигатель в лес. Из тяжестей в оморочке оставался походный скарб да топливный бак с запасной канистрой и баклагой моторного масла.

– Бросай, ребята! – прохрипел Андрей, отпуская свой край борта. – И так сойдёт! – Окончательно замирая до следующего плавания, байдара шлёпается на сырую землю. Выхватив из общей кучи свою торбу, Андрюха, скрипя сырой галькой, без оглядки дунул вверх, к сухой опушке.

– Здесь, что ли, заночуем? – осторожный Николай было ухватил скрученную заплечными лямками горловину армейского сидора, но, засомневавшись, ожидая дальнейших команд, осмотрительный товарищ замер подле выпиравших из лодки горой артельных пожитков.

Обнажая жёлтые от махры крепкие зубы, удэге оскалился в усмешке:

– Отчего спрашиваешь, место не глянется? – от рождения прищуренный коричневым глаз лесовика блеснул хитрой искрой.

– Да нет... – протянул Коля, с завистью наблюдая, как Андрюха, усевшийся на мешок, там, впереди, на сухой поляне, кряхтя от натуги, стягивает кирзачи. Стряхнул с ноги первый, сорвал с неё прелую портянку, и, вздыхая от облегчения, залюбовался счастливчик живым шевелением сизых пальцев на отсиженной молочной ступне. – Давайте, мужики, не жмитесь, – увлекая нас, Николай мигом оказался подле друга. – Ей-ей, если не разуюсь – сдохну! – бурча, он в нетерпении швырнул шмотки наземь и, придавив задом брезентовую котомку, взялся за сапог.

Мы с Сашкой обменялись взглядами:

– Идём, что ли, Сашок?

– Пошли!

С лесной опушки Тихон, возившийся с лодочным мотором, подал голос:

¹ Омоочин (нанай, русскоязычное название – оморочка) – большая лодка типа байдарки, чей реечный каркас оклеен берестой. Вместительная байдара использовалась для поездов в другие стойбища и перевозки грузов.

² Двадцатисильный подвесной лодочный мотор «Вихрь» Куйбышевского моторостроительного производственного объединения выпускался с 1966 по 2010 год и в указанный период был самым массовым лодочным мотором.

– Поставите палатку – запалите огонь! – щурясь, удэге осмотрел сереющие небеса. – Скоро стемнеет, а вам ещё нужно рыбы на уху наудить...

* * *

Ночь выдалась как на заказ. Шика-а-арная! Там, за очерченным всполохами костра светлым кругом, в мрачной чащобе леса таилась тишайшая тьма. Ни щелчка ночной птицы, ни шороха задетых копытными кустов, ни хруста валежника под мягкими лапами хищного зверья. Вся округа умолкла до лучших времён. Даже комариное нытьё словно выключили вместе с солнечным светом. Чернота, немота и покой! Где-то на дальнем перекаате, вдали от туристического привала, ворочая камни, река методично гремела бильярдными шарами валунов. Своими шумами недреманная Татибе баюкала всю округу. Её чернильные воды журчали умиротворённой кошкой. Ворохнув в речной глубине плёсом, сонный пятнистый таймень¹ разогнал в зелёной толще вод сонм белых пузырьков. Поднявшись к поверхности, капли воздуха, отрываясь от речной глади, лопались с лёгким шипеньем. Тихий монотонный звук струящей воды заставлял клевать носом весь туристический отряд. Мои друзья, про себя молчу, чертовски умаялись за день...

– А давно у вас тигр не кидался на человека? – смеженные веки не позволяли видеть любопытствующего, но мне ли не понять, что это Андрей донимает вопросами проводника.

Отяжелевший от рыбной юшки и спирта Тихон, опершись спиной о скатку ватника, раскинул по дёрну ноги в шерстяных носках. Соловый с устатку, удэге даже в дрёме не прекращал грызть трубочный мундштук.

– Давно! – обычно лодочник был немногословен. Однако понимая, что просто так отделаться от болтливых городских хлыщей не выйдет, процедил ещё несколько слов. – Полосатая кошка позапрошлой зимой двух охотников задавила...

¹ Таймень – самый крупный представитель семейства лососёвых. Достигает полутора-двух метров в длину и веса до 80 килограммов.

Я приспал и прослушал, что там приключилось с тигром-людоедом, а когда пришло время повернуться, меня онемевшее плечо, услышал следующий обрывок общего разговора:

– Змей всяких полно...

– Так уж и полно, Саша! – возразил Николай. – Полоз, гадюка, что там ещё у нас водится?

– Щитомордник! – откликнулся Андрей. – Такая серенькая змейка, когда угрожает, подымает хвост и трясёт им.

Сашка гоготнул:

– Трясёт хвостом!

– Ну да! – Андрея возмутила Сашкина дремучесть. – Земноводное из семейства гремучих змей. Только она не знает, что у неё погремушки нет!

– Ерунда! – сказал как отрезал Александр. – Эта твоя зараза и не думала трясти хвостом, когда тяпнула меня за палец. И не моргнула...

– Да ну? – оживился Андрей. – Не моргнула, говоришь! – его всегда раширало от ненужных знаний. – И не должна была! Её прозрачные веки срastaются... И вообще зрачок у ядовитых змей вытянутый, а у прочих – круглый! – Я представил довольную физиономию приятеля-всезнайки с блестящими, круглыми, во всё лицо глазами. – У той, Саша, что тебя цапнула, какие зрачки были?

– Дурак ты и не лечишься! – возмутился Сашка. – Я что, по-твоему, ей в глаза заглядывал? В Тереховке у кинотеатра ткнул пальцем в червяка под забором, а он змеей оказался...

Николай засмеялся:

– Оказался! Это ты, дурень, в больнице оказался!

Александр обиженно заворчал:

– Две недели в Уссурийске провалялся... почти весь август.

– Во-во! – Андрейке хлеба не надо, дай «порадоваться» за ближнего. – А если бы та змейка была метра три?

Коля что-то вспомнил:

– Помню, я читал в газете «Трудовое сло-

во»¹, что под Тетюхе² водитель автобуса на про-
сёлке заметил бревно. Остановился, вышел...
чтобы путь освободить, а оно... – От нехорошего
предчувствия у меня засосало под ложечкой.

– Кто? – некстати переспросил Саша.

– Бревно! – Николай, повторяясь, поста-
рался обратить внимание слушающих именно
на этот неодушевлённый предмет. – Ожило
и уползло в кусты.

Не ворохнувшись, лежу наострив уши
и, отгоняя дрему, слушаю дружеский трёп.
Отчего-то байки о загадочном зверье всегда
будоражат моё воображение.

– И мне попадалась заметка в журнале
«Наука и жизнь», что на северах есть озеро,
которое по несколько месяцев в году стоит без
воды, – вставил Андрей. – Очевидцы рассказы-
вают, по его сухому дну ползают змеи по десять
метров в длину.

– Мудули! – приспавший удэге обронил
сухое незнакомое слово. Сказанул неожиданно,
я аж вздрогнул.

– Мудули? – выдохнул Андрей.

– Огромный змей, – лесовик оживился. –
Живёт в реках и море...

Вечер был душноват, как-никак, на дворе
стояло бабье лето³. Опавший наземь лист про-
грел воздух, а тут до озноба, словно с дальнего
ледника дохнуло холодом. Ёжась ворчу под нос:

– Да что ж такое! – а у самого мысли пу-
таются: «А вдруг этакое чудище затаится в реч-
ной глубине, выжидая, когда в воде появятся
чьи-то ноги? – что есть сил жмую и без того
смежённые веки. – Бр-р-р! Бросится – и раз...
всадит кривые длинные зубы в белую, размяк-
шую в воде кожу!»

– ...Многих знатных охотников утянул под
воду, – подвёл черту под кратким рассказом
наш «добрый» проводник.

Меж моих лопаток засвербело от высыпав-
ших мурашек: «Я так и знал!» В страхе шепчу:

¹ В 1930 году вышел первый номер газеты «Тетюхинский
рабочий». В 1932 году газету переименовали в «Сихотэ-
алинский рабочий», а в 1962-м она стала называться «Тру-
довое слово».

² Тетюхе в 1972 году переименовали в город Дальнегорск.

³ Называемое бабьим летом потепление в начале осени неко-
торые химики и биологи связывают с химическим процессом
разрушения хлорофилла в опавшей листве.

– Неужто утопил?

Качая головой, Тихон шумно пососал
мундштук:

– Страшный зверь! Ни стрела, ни пуля его
не берёт...

– Да что ты говоришь! – страдая, пытаюсь
унять дрожь в поджилках.

– ...И убежать от него, как ни старайся,
не получится! – вся сумерничаящая у костра
компания, переживая услышанное, притихла,
а несносному удэге всё неймётся. Знай себе
пугает приبلудных туристов. – Если ночной
порой заметишь в кустах красные огоньки –
знай, это змей следит за тобой!

Мои глаза сами собой распахнулись...
до предела, и в ту же секунду я заметил в гу-
стой черноте, там, в слепой мешанине сучь-
ев... две огненно-малиновые точки. Углядел их
зловещее мерцание и опять крепко-накрепко
зажмурился.

– Ты его встречал, – едва дыша спросил
Андрейка, – этого змея?

– Угу! – голос Тихона был обыденно-
скучен. – Мудули часто лодки переворачивает,
оттого наши люди наперво через реку пуска-
ют оморочку с поклажей. Видел, как однажды
байдара-приманка ни с того ни с сего черпа-
нула бортом спокойную воду. Кувыркнулась
вверх днищем и утонула.

* * *

С рассветом все наши страхи попрятались
в белёсом промозглом тумане. Река, кутаясь
в мечтающих превратиться в настоящие облака
серых клубах испарений, была мила и привет-
лива. Ополоснув лицо жидким холодом, я, как
и все прочие путешественники, принялся ста-
скивать в лодку поклажу. Работали быстро.
Больно свежо поутру у реки, и лениться было
не с руки. Наконец все в оморочке расселись
по местам, и, отпихнувшись жердью от бере-
га – обжитый нами на одну ночь, он разом сде-
лался чужим, – оказались едва не на середине
стремнины.

– Свойка вспоминал, – ни к селу ни к городу

заявил Тихон, – как охотник выпал из бата¹... – не знаю, как друзья-приятели, но от дурного предчувствия у меня задрожали сведённые вместе колени.

– Ну-у! – шепеляво протянул побледневший Николай. – Тихон, ты это о чём?

Но рулевой, хитро шурясь, пыхтел в нашу сторону табачищем. Теща необразованное самомнение видом вытянутых в испуге бледных рож, лесной человек растягивал удовольствие:

– Ниже того места, где это случилось... от залама²... там глубоко, и стремнина широко-широко несёт воду... отшиб от речного затора... отделилось бревно.

– Бревно! – вякнул Николай. Именно он, будь он трижды неладен, прошлым днём помянул о здоровенной, бревно-бревном, змее.

– ...И широко так поплыло против течения. – Бурая широкая физиономия рассказчика с приплюснутым носом была абсолютно покойна. Казалось, что источник нескончаемых страшилок спит на ходу. Припухлости вокруг его узких глаз не позволяли нам, чужакам, заглянуть в коричневые зеркала души таёжного жителя, узнать, что там да как, а удэге всё вещал и вещал... О страшном. – В сторону моего барахтающегося в реке родственника. – Гляжу на Андрюху, а он, бедолага, судорожно вцепился пальцами в борта и, окаменев, кривя рот и кусая губы, слушает деревенские байки. – Родня упавшего в воду забегала по берегу реки, закричала... но толку с того?..

– Да уж! – это за моей спиной обречённо выдохнул Саша. – Такая погибель...

Задумав удушить нас табачным смрадом, Тихон пускал сизый дым как паровоз:

– Да нет! Теченьем к стойбищу вынесло несколько настоящих брёвен. Плывуны перекрыли путь змею, и соплеменник выбрался на берег.

Не обращая внимания на травившиеся в лодке глупые истории, мотор с красной надписью «Вихрь» на белой крышке, отчаянно чадя, рвал жилы, толкая посудину к месту встречи Татибе с Иманом. Неожиданно на тём-

ной глади широкого плёса – глубины в заводи было предостаточно – нос оморочки налетел на подводное препятствие. Чавкнув, «Вихрь», захлебнувшись горючкой, притих. Чертыхаясь, я, мотнув головой, ныряю лбом в мягкую баррикаду мешков. Подле меня, свалившись в кучу-малу, ругалась команда моторки. Чертыхались все, кроме Тихона, подавившегося трубочным мундштуком и пытавшегося откашляться.

– Что это? – дрыгая, как майский жук, ногами-руками, верещал лежавший на спине Андрей.

– Мы тонем? – стонал Саша, намочивший зад в катавшейся по дну лодки жёлтой водичке.

– Ну вот, дальше придётся брести пешком! – сокрушался Николай, шмыгая разбитым носом. – Мужики, дайте тряпицу, кровушку унять!

Мне надоело валяться пластом и ждать, чем закончится история нынешнего кораблекрушения. Привстав на четвереньки, я поверх бортов, пахнущих рыбьей слизью, осмотрел водный простор. Потеряв ход, лодка, покачивая бортами, плыла по течению. На момент моих переглядываний с рекой первые солнечные лучи, пронзив туманную вату воздушных масс, коснулись тугой кромки её холодных вод. Отразившись от жёлтого донного песка и светлых камней, дневной свет растворил утопии в реке утренние сумерки. Татибе до краёв наполнилась тягучим хрусталём. Прозрачная влага ничем не замутнена... или не совсем так! От осознания подсмотренного ужаса мой разум был готов взорваться. Сотни электрических импульсов иглами впились в моё безвольно обмякшее тело. Сквозь переливчатое плотное речное стекло я вижу бочкообразное тело: длинное, чёрное, страшное, стремительно пронзающее водную толщу заострённой головой. Широкой и шишковатой.

В голос охаю. Ладони делаются липкими, во рту собирается горечь. Первобытные страхи лишают сил и воли современного человека, не оставляя мне, будущей жертве, ни единого шанса на спасение. Я знаю, что случится дальше: «Сейчас эта тварь, что длиннее нашей

¹ Ана (удэге) – долблёная лодка типа челна. Бат – это русскоязычный вариант названия «ана».

² Залом – затор из брёвен, сплавляемых по реке моём.

лодки раза в три, хлестнёт хвостом о борт... и нам каюк!» Вторя моим чёрным мыслям, змея подныривает под оморочку. «Это конец! Сейчас о днище шибанёт безудержная сила, – ожидая неизбежного, втягиваю голову в плечи, – взбрыкнув, норовистым скакуном лодка оторвётся от воды, и, переламываясь от удара, наше корыто рассыплется в щепу!»

Мотаю головой в попытке вытрясти из неё прочь чёткое видение гибели туристической группы: «Один за другим плюхаются мои спутники, и я с ними, обратно в реку. Сшибленные в воду туристы, призывая помощь, вопят, разевая рты, захлёбываются, пуча глаза, отплёвываются и, отчаянно молотя руками, из последних сил барахтаются на поверхности. Бедолаги безуспешно цепляются за воду. Их усилия тщетны! Утянутые змеей один за другим, жертвы тонут на взбаламученной глубине. Всё, трагедия свершилась! Холодные воды гасят круги за последней погрузившейся в речную пучину головой, и, словно ничего не случилось, подхватив обломки лодки вместе с прочим таёжным сором, течение несёт непожранные останки туристов к своим низовьям».

Скрипя зубами, заставляю себя встретить смерть с открытыми глазами. Однако что-то отсрочило нашу погибель. Гадкая голова с мерцающими ртутью глазами торпедой метнулась прочь, в прибрежную муть водной растительности.

«Что это?» – прилипнув взглядом к тёмной чешуйчатой черте под водой, успеваю рассмотреть на змеином хвосте подобие широких перистых плавников. Змеиное оперение махнуло мне на прощанье. «Неужто пронесло?»

Гляжу в сторону ближнего берега. На песчаном пляже косяк косуль на водопое. Вздрагивая стройными коричневыми телами, животные, не подозревая об опасности, спокойно касаются вытянутыми губами холодка животительной влаги. Молодой гуран¹ с двумя шпильками рогов, выискивая особо сладкое пойло, увлёкся, шагнул раз, шагнул два, в конце концов коснувшись мускулистой грудиной спокойной воды. Меня до испарины пробрала

нервная дрожь: «Неужто Мудули нацелился на непутёвого козла и оставил нас в покое?»

Лишь подумал, а влажный изгиб мокрого склизкого чёрного тела змеи беззвучно вспучился над зеркальной поверхностью реки. Змея нырнула глубже. Полоска пузырьков прочертила подводный путь хищника, раздался всплеск вскипевшей воды, и безвольно мотнувшую длинной шеей косулю рывком, будто её и не было, утянули в пенящуюся глубину. На месте трагедии ещё не успокоились воды, а товарки рогаха, блестя белыми «салфетками», уже ускакали в заросли тальника.

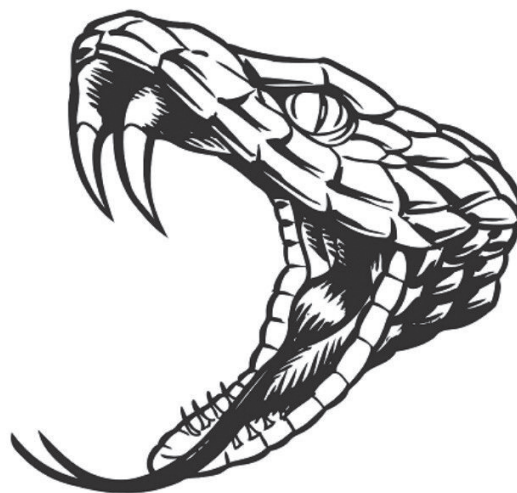
– Мне кажется или в лодке запахло «сцеплением»?

На шофёрскую шутку Коли никто не откликнулся. Тишина. Лишь наглядной агитацией в пользу домоседства белели растерянные зеленые лица моих друзей, пришибленных неумолимым, прямо-таки смертельным безразличием окружавшей нас дикой природы к их драгоценным судьбам.

Молчали все, и это истеричное молчание грозило затянуться до вечера. Но вот, откашлявшись, Тихон, клацая защёлками моторного кожуха, просипел:

– Ну что, сами убедились? Это вам не халам-балам! С великим Мудули – шутки плохи!

Владивосток,
Корейская слобода

¹ Гуран – самец сибирской косули или дикой козы.

ПОМОЩЬ ИЗ ВЬЕТНАМА

Интернациональная делегация отвезла гуманитарную помощь в Луганскую Народную Республику.

Андрей ОБЪЕДКОВ,
член Союза писателей России,
член Союза журналистов России

О вьетнамской диаспоре, помогающей участникам специальной военной операции, я узнал полтора года назад, познакомившись с членом Общества российско-вьетнамской дружбы и предпринимателем Дык Хай Фамом. Он ежемесячно собирает гуманитарную помощь и отправляет её на Донбасс. Среди тех, кто часто ездит вместе с ним в новые российские регионы, – директор вьетнамского ресторана Буй Май Линь. В прошлом году она закупила много кожаных курток и отвезла в Донецкую Народную Республику.

– Тогда я ехал по дороге, но сбился с пути и попал под обстрел. Я вспомнил, что нельзя оставаться и надо маневрировать. Но в данной ситуации мужественно себя вела Буй Мань Линь, подбадривала, что будет всё хорошо, и делала это с улыбкой на лице, – вспоминает Дык Хай Фам.

Во время одной из поездок он упал, повредив позвоночник, в связи с чем полгода не мог ездить на СВО. Но вот наконец состоялась его 27-я гуманитарная миссия, в которую он взял меня.

По дороге Дык Хай Фам рассказал, что приехал в Советский Союз в конце 1980-х годов, когда ему было 18 лет.

– Тогда на моей родине после вьетнамской войны, закончившейся в 1975 году, жили бедно, поэтому было заключено межправительственное соглашение, что вьетнамцы будут работать в СССР. Я знаю, как много делали советские солдаты для окончания вьетнамской войны, поэтому я, живя в России, начал устанавливать шефство над 100 бывшими советскими солдатами, которые принимали участие в войне на моей родине. Один из них живёт на Донбассе – это Алексей Фёдорович Пономарёв, – рассказывает Дык Хай Фам.

Дык Хай работал в Краснодарском крае на Апшеронском деревоперерабатывающем комбинате, потом объехал весь Северный Кавказ, прописался в Воронеже, а с 1993 года живёт в Москве, занимается бизнесом.

* * *

Во дворе его дома загружены три машины с гуманитарным грузом. Мы держим курс в город Старобельск Луганской Народной Республики, где живёт Алексей Фёдорович Пономарёв, который проходил срочную службу во Вьетнаме. В дороге находимся 12 часов и приезжаем в три ночи. Гость сразу же усаживает за стол. Хозяин вспоминает, что тогда шла борьба между Северным Вьетнамом, который поддерживал Советский Союз, и Южным Вьетнамом, который поддерживали США. И советские войска постоянно находились во Вьетнаме до 1965 года. Но после советское правительство приняло решение, что основные войска будут выведены, но поставляли оружие. Также во Вьетнаме находились советники, которые обучали вьетнамских солдат и консультировали их.

– Это был второй год моей службы, до этого я был в школе младших специалистов в Евпатории, потом в селе Павлыш на Украине в противовоздушной обороне. А уже оттуда направили во Вьетнам, – рассказывает Пономарёв.

Но отбирали на службу в ответственные точки по деловым и моральным принципам, то есть требовались грамотные военнослужащие, которые бы разбирались в технике, были комсомольцами, хорошо зарекомендовали себя по службе.

– А я тем более год до армии уже работал фрезеровщиком на заводе и имел представление о работе на предприятии. Меня вызвали в полк, говорят, что посылают в командировку, но не

сказали куда. Выехал сначала в Киев, где сообщили, что направляют меня во Вьетнам, где я был с июня 1968 по май 1969 года, – делится Пономарёв.

Дислоцировались наши военнослужащие в провинции Тханьхоя, которая расположена в 150 километрах от Ханоя. Причём на них не было формы, все ходили в «гражданке», и у всех были заграничные паспорта.

– В задачу нашего 75-го зенитно-ракетного комплекса 268-го полка входила оборона Ханоя, чтобы не было на него американских налётов. Вся военная техника была советская. Служил в противовоздушной обороне: хотя числился советником, но постоянно принимал участие в боевых действиях, – констатирует мой герой.

В тех местах, где была часть, боевые действия шли меньше, но всё равно бои были. За год Пономарёв с напарниками сбили два американских самолёта. Единственным преимуществом у советских солдат было то, что они не жили на боевых позициях и на ночь уезжали в отдельное жильё. Но во время тревоги их поднимали и везли на позиции. Бывало, что их обстреливали с воздуха. Но по дороге были вырыты индивидуальные колодцы. Это были ямы в человеческий рост, которые накрывались рисовыми ветками. Во время обстрелов прятались в них, чтобы остаться живыми. Как ни странно, никто не пострадал в таких убежищах.

– У советских советников были переводчики из числа вьетнамских военнослужащих – они постоянно сопровождали нас, в том числе и в Ханой в магазины. При этом после четырёх месяцев пребывания я уже стал понимать вьетнамскую речь и на бытовом уровне мог объясняться с вьетнамцами. Хочу отметить, что вьетнамцы в то время жили действительно бедно. Сёла у них были небольшие, обычно по десять семей. В сельской местности у них стояли лачуги, покрытые пальмовыми ветвями, а спали вьетнамцы на полу. Мы делились с ними продуктами, хотя командование запрещало. Также мы проводили от нашего генератора провода и давали освещение в лачуги. Обычно в 22 часа отключали свет. Чаще всего мы давали сладости и масло детям, и они были довольны нашим угощением. Но взрослые

не одобряли такую помощь – народ уж очень гордый, – вспоминает свой быт Пономарёв.

– Местное население в основном занималось сельским хозяйством и выращивало рис. Частенько советские советники даже помогали поливать рисовые поля. Обычно эти поля были расположены вдоль рек и поделены на участки, и от реки шли водяные оттоки. Мы черпали ковшом и помогали поливать рисовые поля, – улыбается Пономарёв. – Причём в сёлах было мало мужчин, все были на фронте. Но местным девушкам было запрещено вступать в отношения с солдатами СССР, иначе их тоже направляли на фронт.

Перед отъездом в СССР он был награждён правительством Демократической Республики Вьетнам медалью «Единство за победу над Америкой».

А вот после срочной службы Пономарёв год проработал на Старобельском механическом заводе, а потом заключил контракт и вновь стал служить, его направили в ограниченный контингент в Германскую Демократическую Республику, где он был начальником секретного отдела. После пяти лет службы его перевели в военную часть Старобельска. Всего в армии он прослужил 12 лет, но потом по семейным обстоятельствам уволился, работал вновь на заводе.

На этот раз вьетнамцы приехали не с пустыми руками и вручили Алексею Пономарёву медаль «Дружба» Общества российско-вьетнамской дружбы и подарки.

* * *

На следующий день Дык Хай Фам выступил на выпускном вечере в школе № 5 города Луганска и подарил школе принтер и коробку с игрушками.

Надо отметить, что ему помогал собирать подарки и сопровождал в поездке Чу Ван Мань, который поехал в зону СВО во второй раз. Также в течение двух лет активно собирает товары Ву Хай Нам.

– Перед вами открывается много дорог, хочу, чтобы вы выбрали самую правильную в жизни и помнили, что самое главное в жизни – это дружба. Мы, вьетнамцы, помним, как советские войска

помогали Вьетнаму, поэтому сейчас помогаем России в ходе СВО, – отметил Дык Хай Фам, обращаясь с приветственным словом к одиннадцатиклассникам.

* * *

Кстати, не в первый раз приехал на новые российские территории уроженец Таджикистана Дустмурод Акобиров. Он выступил перед ребятами в стахановской школе-интернате № 2, где передавали детские вещи и игрушки.

– Я сам воспитывался в интернате и помню, как мы ждали гостей с подарками. Поэтому никогда не забываю детские дома и интернаты и посещаю их. Хочу помнить о межнациональной дружбе: когда мы будем вместе, нас никто не сломит, – считает Дустмурод.

Также перед детьми выступил ветеран-пограничник Анатолий Георгиевич Максименко, который сейчас живёт в Луганске, и поинтересовался, что связывает Вьетнам и Россию.

– Дружба, – ответил кто-то из ребят.

– Правильно! А знаете, откуда пошла дружба? – уточняет Максименко.

Однако в ответ тишина.

– А я напомним, что советские войска помогали вьетнамцам отстаивать родину в борьбе с американцами. А сейчас вьетнамцы помогают России, – уточнил Анатолий Георгиевич. – Тем более я сам служил на таджикско-афганской границе, и мы вместе с таджиками противостояли моджахедам и наркокурьерам. Поэтому и таджики помогают России, к нам приехал Дустмурод Акобиров.

* * *

А ещё российские вьетнамцы посетили стахановский колледж имени Героя Социалистического Труда Константина Григорьевича Петрова. У порога гостей встретила директор Ольга Николаевна Солодовник и рассказала, что их учебное заведение готовит специалистов для угольной промышленности.

– Наш колледж назван в честь организатора стахановского движения и почётного жителя

города Стаханова Константина Григорьевича Петрова. Но стоит отметить, что в нашем колледже в 1970-х годах обучалось 75 студентов из Вьетнама. С ними приезжал переводчик. Хотя я не преподавала тогда, но до сих пор идут разговоры, что вьетнамцы были самыми прилежными учениками, и о них старшее поколение преподавателей вспоминает до сих пор с теплотой, – делится Солодовник.

Вьетнамская делегация передала очень много подростковой одежды для учащихся, и Дык Хай Фам пообещал, что теперь обязательно между ними будет тесная связь. Он обещал установить, как сложилась судьба выпускников во Вьетнаме, и, возможно, когда-то здесь состоится их встреча.

* * *

Надо отметить, что Дык Хай Фам является полковником Войска Донского, он вместе с атаманом Виталием Викторовичем Ивановым возложил венок к мемориалу памяти, установленному в честь жертв украинской агрессии с 2014 года.

Виталий Викторович более десятка лет отслужил в вооружённых силах и всегда оказывает помощь новым российским регионам.

Они вместе также возложили венок Герою Социалистического Труда и Герою Вьетнама Ивану Тимофеевичу Кондратенко (13.06.1925–17.01.2008) на городском кладбище.

– Иван Тимофеевич начинал горняком, потом стал директором завода, был известным человеком в Стаханове. Но он восемь лет работал советником во Вьетнаме и обучал вьетнамских рабочих, за что ему было присвоено высшее вьетнамское звание – Герой Вьетнама. Это уникальный случай, когда один человек является Героем Труда в двух странах, и вполне заслуженно, – рассказывает Дык Хай Фам.

А Виталий Викторович Иванов рассказывает, что казаки активно участвуют в специальной военной операции и собирают гуманитарную помощь.

– И наше взаимодействие с вьетнамской диаспорой будет продолжаться, – обещает Иванов.